ISSN 1998-5053

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 1 (130). Февраль, 2013

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора
В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор
Э. К. Зильбер, доктор медицинских наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
И. Р. Шегельман, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)», 2013

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)

И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)

В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)

А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)

МАРЕК ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)

Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)

И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)

ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоенсуу, Финляндия)

И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)

СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор
(Оулу, Финляндия)

Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)

А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)

МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (Белград, Сербия)

Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)

С. Г. ВЕРИГИН
кандидат исторических наук (Петрозаводск)

А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)

РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)

П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)

Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. С. МАКСИМОВА
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)

Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук (Петрозаводск)

В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук,
профессор (Петрозаводск)

С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)

М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

ISSN 1998-5053

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

(following up 1947–1975)

№ 1 (130). February, 2013

Social Sciences & Humanities

Chief Editor
Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor
Vladimir B. Akulov, Doctor of Economic Sciences, Professor
Elmira K. Zilber, Doctor of Medical Sciences, Professor
Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor, The RAS Corresponding Member
Il'ya R. Shegelman, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary
Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© FBSEI «Petrozavodsk State University (PetrSU)», 2013

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)

I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)

V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)

A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)

MAREK VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)

N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)

I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

V. ORPHINSKY
Doctor of Archtecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)

PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)

I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)

E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)

HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)

L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)

A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)

M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)

R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series
"Social Sciences & Humanities"

V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)

T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)

R. GRYÜNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)

P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)

T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

V. MAXIMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Каменев Е. В.
Понятие *честь* в сознании русского офицерства эпохи наполеоновских войн. 7

Кораблев Н. А.
Эволюция административно-территориального устройства Карелии в XVIII – начале XX века 12

Котов П. П.
Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы 18

Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С.
«Тюрки по языку, финно-угры по облику»: об этнокультурном дискурсе северных алтайцев в Республике Алтай 23

Большакова А. В.
Имущественные права женщины в традиционном вепсском обществе 28

ПЕДАГОГИКА

Радул О. С.
Побратимство и посестринство как формы общественного воспитания у восточных славян VI–XIII веков 32

Шиян Н. В., Лукоянова Л. В.
Некоторые аспекты повышения научного уровня учебного процесса 37

ФИЛОЛОГИЯ

Шарандин А. Л.
Динамическая теория частей речи как отражение взаимодействия мышления, языка и коммуникации 42

Кошкарова Н. Н.
Средства экспликации дихотомии «Восток – Запад» в политическом интервью межкультурного уровня 46

Кулева А. С.
К вопросу о месте усеченных прилагательных в грамматике современного русского языка. 50

Кунильский Д. А.
Образные формулы славянофилов в творчестве Достоевского 54

Фадеева Т. М.
Специфика функционирования эпитета в художественных произведениях М. Ю. Лермонтова 59

Шарапенкова Н. Г.
Роман «Москва» Андрея Белого и «Фауст» И. В. Гёте в контексте антропософии Р. Штайнера. . . 63

Шилова Н. Л.
Мотив «тонкого сна» в литературных визионерских сюжетах. 68

Аликова Е. А.
Репрезентация диалога с читателем в русской женской поэзии конца XVIII – начала XIX века 74

ФИЛОСОФИЯ

Николаева Е. М., Николаев М. С.
Социальное становление личности в условиях коммодификации: инфляция социальной реальности 78

ЭКОНОМИКА

Маевский В. И., Малков С. Ю.
Основные положения новой теории воспроизводства 83

Александров Ю. И., Кирдина С. Г.
Коэволюция институтов и ментальных моделей. 87

Дружинин П. В.
Влияние климатических изменений на сельское хозяйство Карелии 94

Кашина Н. В.
Институциональная матрица и формирующийся в ней человеческий капитал. 99

Селиверстова И. Н.
Государственное ценовое регулирование энергетической отрасли России 103

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Микаилов С. М.
Реформирование российской государственности и ее влияние на развитие статуса вневедомственной охраны полиции в системе обеспечения национальной безопасности 107

Оленина Т. Ю.
Административная ответственность за нарушения в сфере использования и охраны лесов в России 112

Перетятько И. В.
Новое в концепции миграционной политики в современном российском праве 115

Рецензии

Линник Ю. В.
Рец. на кн.: Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты 119

Чумаков Г. В.
Рец. на кн.: Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. 121

Информация для авторов 123

Contents. 124

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Требования к оформлению статей см.:
http://uchzap.petrsu.ru/files/reg.pdf

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка А. В. Мацко.

Подписано в печать 18.02.2013. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 125 экз.) Изд. № 21.

Индекс 66094. Цена свободная.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Февраль, № 1 **История** **2013**

УДК 94(47)“17/1917”

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАМЕНЕВ
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ekamenev@mail.ru

ПОНЯТИЕ *ЧЕСТЬ* В СОЗНАНИИ РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА ЭПОХИ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН*

Рассмотрена семантика понятия *честь* в сознании русского офицерства периода 1805–1814 годов. Работа основана на следующих источниках: словари, публицистика, переписка, мемуаристика. Понятие «честь» использовалось официальной идеологией. Проведено сравнение двух трактовок понятия *честь* – официальной и офицерской. Семантика понятия *честь* раскрыта на основе анализа понятия *благородство*. Понятие *честь* в сознании русского офицера было связано с понятиями *благородство* и *служба* и было близко по смыслу к понятию *достоинство* (в значении «уважение к себе»). В противовес официальной трактовке, честь в представлениях военной молодежи являлась внутренним качеством человека.

Ключевые слова: русские офицеры 1805–1814 годов, семантика, служба, благородство

Понятие *честь* играло если не фундаментальную, то по крайней мере существенную роль в сознании русского офицерства периода империи [20]. В настоящей статье определяется смысл понятия *честь*, который в него вкладывали русские офицеры эпохи наполеоновских войн[1]. Определение семантики основано в работе на анализе тех понятий, в контексте которых в источниках употребляется интересующее нас слово. Кроме того, необходимо учитывать, что официальная идеология в целях воспитания преданного престолу офицерства апеллировала к чести как к одному из ключевых понятий, которым руководствовался офицер в жизни. Представляется, что целесообразно выявление официальной трактовки понятия *честь*. Более того, сравнение с официальной трактовкой поможет выявить специфику понимания чести русским офицерством указанного периода.

Понятие *честь* часто употреблялось офицерами вместе с понятием *благородство*. Так, например, юнкер А. Мартос, говоря о медицинских сестрах, работавших в Виленской больнице, писал: «…сердобольные сестры материнские… не носят пылкого наружного вида филантропок, исполняют с кротостью цель великую и благороднейшую: они в полном смысле слова помогают страждущим. Какое обширное предстоит поле для размышлений честному человеку» [11; 506]. Подпоручик А. С. Норов писал из армии в октябре 1812 года матери: «Мы, русские и воспитаны в честных и благородных правилах» [15; 153]. Словарь В. И. Даля подтверждает связь понятий *честь* и *благородство*. Согласно В. И. Далю, честь – это «благородство души» [4; Т. IV; стлб. 1328]. Все это позволяет предполагать, что понятие *честь* в сознании русского офицера было связано с понятием *благородство*. Поэтому рассмотрим первоначально трактовку понятия *благородство*.

Понятие *благородство* в русском языке в рассматриваемое нами время подразумевало принадлежность к дворянскому (благородному) сословию. В словаре Академии Российской (1789–1794) слову *благородный* в качестве синонима приводится слово *дворянский* [17; ч. V; стлб. 36]. В словаре В. И. Даля под *благородством* понимается дворянское происхождение [4; Т. I; 229]. В Манифесте Александра I от 6 июля 1812 года только дворянское сословие было названо благородным, к духовенству и «народу русскому» такие эпитеты применены не были [9; 427]. Воспитанник первого кадетского корпуса К. Зендельгорст называл дворянских детей «благородным юношеством» [5; 312]. Согласно исследованию Е. Н. Марасиновой, слияние понятий *благородный* и *дворянин* обусловлено влиянием западноевропейской традиции. Так, в Пруссии термины *благородный* и *дворянин* стали практически синонимами [22; 279].

Благородство противопоставлялось в рассматриваемое время подлости, а благородное сословие – подлому. Это противопоставление можно проследить еще с XVIII века. В книге «Истинная политика знатных и благородных особ» (1745) сказано: «Знатные и благородные особы обыкновенно имеют больше разума и просвещенного познания, нежели подлые незнатные люди», «благородные люди выше почитаются подлых, сие бывает для того понеже полагают, что они имеют достойные дарования своей высокой породы» [6; 3, 37].

Для выяснения семантики интересующего нас понятия необходимо ответить на следую-

© Каменев Е. В., 2013

щий вопрос: в чем заключается отличие благородного человека от подлого?

Трактовки понятия *благородство* властью и русским офицерством сходятся в следующем: *благородство* в обоих случаях связано с понятием *служба*. Именно государственная служба, которую нес благородный человек, отличала его от человека подлого происхождения. Эта идея видна, в частности, в официальных текстах. В Жалованной грамоте дворянству (1785) сказано: «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное» [3; 347]. Сходную трактовку находим и в книге «Правила военного воспитания относительно благородного юношества» (1807), в которой сказано: «Тот только благороден, кто служит с пользою своему Отечеству» [16; 9]. Согласно «Правилам военного воспитания…», благородный человек «обязан оказывать преданности Государю и Отечеству, чтоб заслужить по достоинству столь знаменитое наследие», «кто больше в Отечестве принимать должен участия, как не благородный, которого имущество в недрах его заключается, для которого почести и другие отличия к удовольствованию его изобретены?» [16; 4–5, 6].

Понятие *благородство* в сознании военной молодежи также было связано с понятием *служба*. По мнению офицера кавалергардского полка М. С. Лунина, «устроить жизнь честно» значит «поступить на службу» [8; 236]. Причем служба предполагалась ревностная, самоотверженная. Так, например, согласно подпоручику М. Н. Кирееву, необходимо служить «из усердия» [7; 20].

Существенным моментом в уяснении сути понятия *благородство* является выяснение того, кому служит благородный человек. В этом наблюдается одно существенное отличие, которое, на наш взгляд, определило трактовку офицерством понятия *честь*. В официальной трактовке благородный человек служит *монарху и отечеству*. В Жалованной грамоте дворянству сказано, что «вернолюбезное российское дворянство» несет «бремя наиважнейшее империи и монарху служения» [3; 345]. Идея, согласно которой благородный человек служит не только отечеству, но и монарху, включала отношения чести в сферу влияния власти. Об этом свидетельствует тот факт, что, согласно официальной трактовке, благородным (и честным) человек становился благодаря не только происхождению, но и пожалованию: «…благородные разумеются все те, кои или от предков благородных рождены, или монархами сим достоинством пожалованы» [3; 351]. В «Правилах военного воспитания…» сказано: «Благородством именуется между нами отличность, Государем отдаваемая тем, которые произошли от показавших великие услуги Отечеству. Государь заслуги предкам их оказанные уважая, отличает их пред прочими сим титлом благородства, отцами их заслуженного» [16; 4–5].

За «службы верность, усердие и труды всякого рода» дворянин получал награды, чины и звания (почести), которые являлись своеобразной мерой чести. В Жалованной грамоте дворянству сказано, что «хвала и отличность» являются «лучшею наградою» «благородным и честь любящим душам». Причем под «хвалой и отличностью» подразумевались «гербы, дипломы, патенты на чины, совокупно с наружным украшением», «в честь добродетелям и заслугам установлены Всероссийские кавалерийские ордены» [3; 345]. В книге «Правила военного воспитания…» отличия, которые благородный человек приобретал благодаря службе, названы «почестями» [16; 6]. Эту трактовку понятия *честь* можно связать с такими указанными в словаре В. И. Даля значениями, как «высокое звание, сан, чин, должность», «внешнее доказательство отличия, почет, почесть, почтение» [4; Т. IV; стлб. 1328].

В случае неисполнения служебных обязанностей, не проявляя должного усердия в службе, благородный человек мог лишиться чести. «Стыд и бесчестие» есть следствие «непорятков» (под которыми подразумеваются отсутствие в дворянине присущих его званию добродетелей: «бодрой храбрости», «нелицемерной верности своему Государю», «ревности пользе общей»), допущенных благородными [6; 37]. Причем, согласно официальной трактовке, благородного человека может лишить чести только суд (то есть официальная инстанция), что подтверждает тезис о стремлении государства включить в орбиту своего влияния отношения чести. В Жалованной грамоте дворянству отмечено: «Без суда да не лишится благородный чести» [3; 347].

Свидетельство того, что честь благородного человека, согласно официальной идеологии, зависит от монарха, видим также в трактовке дуэлей. Практика дуэлей исключала государство из решения конфликтов между благородными людьми. Такое положение было неприемлемо для власти. В книге «Истинная политика знатных и благородных особ» сказано: «Честь оных, которые сами за себя не отмещевают, есть в безопасности, потому что *Государь за нее стоит* (курсив наш. – *Е. К.*)» [6; 55–56]. В «Манифесте о поединках» (1787) дуэль была названа «зловредным обычаем кровавого и самовольного мщения» и «воле Нашей (императорской. – *Е. К.*) противным» [10; 840].

На наш взгляд, в официальной трактовке честь включалась в сферу контроля власти и заключалась в службе монарху и отечеству, за которую благородный человек получал от вла-

сти почести, являвшиеся внешним выражением и своеобразной мерой чести. Власть понимала под честью скорее не внутреннее достоинство личности, а положение человека в обществе, репутацию.

В целом такая трактовка интересующего нас понятия идет еще с допетровского времени. По мнению Е. Прохазки, в средневековой Руси понятие *честь* было связано с понятиями *похвала* и *слава* и означало признание сюзереном заслуг вассала [24; 495–496]. Согласно И. Рейфман, «допетровское понятие о чести носило в высшей степени иерархический характер и отражало не внутренне присущее индивидууму чувство собственного достоинства и даже не личные заслуги, а положение человека на социальной лестнице и, таким образом, его близость к царю как к центру государства и вершине социальной пирамиды» [23; 39].

Рассмотрим теперь трактовку адресата службы благородного человека, сложившуюся в офицерской среде. Отличие данной трактовки заключается в следующем: если в официальном понимании благородный человек служит императору и отечеству, то, согласно представлениям военной молодежи, благородный человек служит отечеству *совместно с* императором. Монарх воспринимался в среде русских офицеров указанного периода как партнер в деле служения отечеству. Так, Ф. Н. Глинка писал, что император имеет ряд обязанностей перед своим народом: «Государь встает рано: у него много трудов, много работ, много забот: ему некогда успокоиться! – Он печется о целом народе, как нежной отец о семействе своем» [2; 8]. Адъютант М. И. Кутузова А. И. Михайловский-Данилевский воспринимал императора как человека, служащего отечеству. В своем «Журнале» он писал, что государь и его ближайшее окружение – это «ревностнейшие патриоты своего времени, желавшие поставить отечество свое на равную чреду с просвещенными державами Европы» [12; 147]. В связи с этим мы разделяем мнение М. А. Давыдова, согласно которому в сознании части дворянства постепенно утверждалась мысль о том, что дворяне и император в определенном смысле слова равны, ибо все они – слуги отечества. Монарх был хотя и первый, но все же среди равных [21; 22]. По мнению Л. Н. Вдовиной, идея служения государству распространяется на монарха с петровского времени [19; 8].

В этом отличии в понимании адресата службы была заключена основа офицерского понимания чести. При такой трактовке монарх исключался из сферы контроля над отношениями чести. Император не мог наделить человека честью, поскольку честь дана благородному человеку от рождения. Однако можно лишиться чести, совершив поступок, противоречащий нормам поведения благородного человека. Важно отметить, что отношения чести находились при этом в сфере контроля дворян. Вопрос о соответствии поведения офицера принятым нормам решался не монархом, а благородным сообществом. Например, модель поведения, которой должен был следовать офицер, требовала прежде всего проявления храбрости. Офицеры ревностно относились к собственной храбрости и постоянно анализировали свое поведение в ситуациях, когда возникали вопросы о его соответствии принятым нормам. Поручик А. И. Антоновский, анализируя свое поведение в бою у деревни Ропны 4 августа 1812 года, отмечал: «Я испытал свое хладнокровие и распорядительность и, выдержав с мужеством губительный огонь, не оставил своего места. Это все уверяло меня, что я впоследствии могу иметь способности воина, и чего более – довольно и предовольно» [1; 105]. В случаях, когда офицер нарушал принятые нормы поведения, он мог получить замечание. Такое замечание получил юнкер гвардейской артиллерии А. С. Норов, когда во время Бородинского сражения «отвесил несколько поклонов» пролетевшим ядрам [14; 193].

Исходя из этого награды и чины не признавались, на наш взгляд, офицерами своеобразной мерой чести. Честь есть абсолютное качество, которого не может быть больше или меньше, честь либо наличествует, либо отсутствует. Вот что вспоминал об офицере – участнике войны 1812 года И. С. Тимирязеве его сын: «Он не допускал никаких компромиссов ни для себя, ни для других: черное всегда черно, белое всегда бело; совесть или безупречно чиста, или туманна, и в этом последнем случае он большею частью не взвешивал степени этой туманности, а прямо отворачивался» [18; 161].

Кроме того, идея службы совместно с императором формировала идею исключительности дворянского сословия, чувство собственного достоинства, которое предполагало требовательность к себе, ответственность за свои поступки прежде всего перед самим собой. А. Н. Муравьев в письме брату Н. Н. Муравьеву (1810) говорил, что, исполняя служебные дела хорошо, был «доволен сам собою» [13; 159]. Недобросовестное исполнение обязанностей по службе для офицера оказывалось ниже его достоинства. «Чувство долга и дисциплины было у них, – писал о своем отце и дяде, офицерах – участниках войны 1812 года, Ф. И. Тимирязев, – настолько развито, что сознание своего достоинства не допустило бы их до нарушения обязанностей» [18; 164].

Таким образом, понятие *честь* в сознании русского офицера было связано с понятиями *благородство* и *служба* и было близко по смыслу к понятию *достоинство* (в значении «уважение к себе»). В противовес официальной трактовке, честь в представлениях военной молодежи являлась внутренним качеством человека.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Под русскими офицерами эпохи наполеоновских войн мы понимаем русских дворян, участвовавших в войнах с Наполеоном 1805–1814 годов в обер-офицерских и штаб-офицерских званиях.

ИСТОЧНИКИ

1. Антоновский А. И. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 3. Вильно: Тип. Штаба Виленского Военного Округа, 1904. С. 2–207.
2. Глинка Ф. Н. Подарок русскому солдату. СПб.: В тип. В. Плавильщикова, 1818. 140 с.
3. Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского дворянства // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Собр I. Т. XXII. 1784–1788. СПб., 1830. С. 344–358.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1994.
5. Зендельгорст К. Первый кадетский корпус в 1813–1825 гг. Воспоминания бывшего воспитанника // Русская старина. 1879. Т. 24. № 2. С. 305–316.
6. Истинная политика знатных и благородных особ. СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1745. 183 с.
7. Киреев М. Н. Записки Михаила Николаевича Киреева // Русская старина. 1890. Т. 67. № 7. С. 1–64.
8. Лунин М. С. Письмо Ипполиту Оже от 5 ноября 1816 г. г. Париж // Лунин М. С. Сочинения, письма, документы. М.: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. С. 235–236.
9. Манифест Александра I от 6.07.1812 г. // Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин: Тип. И. С. Скрейшовского, 1870. С. 426–427.
10. Манифест о поединках 1787 года апреля 21-го // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собр. I. Т. XXII. 1784–1788. № 16535. СПб., 1830. С. 839–846.
11. Мартос А. И. Записки инженерного офицера Мартоса о Турецкой войне в царствование Александра Павловича 1806–1812 (до 1818) // Русский архив. 1893. № 8. С. 449–542.
12. Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары. 1814–1815. СПб.: Изд-во РНБ, 2001. 400 с.
13. Муравьев А. Н. Письмо Н. Н. Муравьеву от 28 марта 1810 г. // Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. С. 159–160.
14. Норов А. С. Из воспоминаний // Бородино в воспоминаниях современников. СПб.: Скарабей, 2001. С. 188–204.
15. Норов А. С. Письмо родным от 10 октября 1812 г. // К чести России. Из частной переписки 1812 года. М.: Современник, 1988. С. 152–153.
16. Правила военного воспитания относительно благородного юношества и Наставления для Офицеров военной службе себя посвятивших. СПб.: В тип. Ивана Глазунова, 1807. 279 с.
17. Словарь Академии Российской: В 6 ч. СПб.: При Императорской Академии наук, 1789–1794.
18. Тимирязев Ф. И. Страницы прошлого // Русский архив. 1884. № 1. С. 155–180.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

19. Вдовина Л. Н. Что есть «мы»? (Русское национальное самосознание в контексте истории от Средневековья к Новому времени) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1993. № 5. С. 6–12.
20. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. 414 с.
21. Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. М.: РГГУ, 1994. 191 с.
22. Марасинова Е. Н. Понятие «честь» в сознании российского дворянина // Россия в Средние века и Новое время. М.: РОССПЭН, 1999. С. 272–292.
23. Рейфман И. Ритуализованная агрессия. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 327 с.
24. Prochazka H. On Concepts of Patriotism, Loyalty, And Honour in the Old Russian Military Accounts // The Slavonic and East European Review. 1985. Vol. 63. P. 481–497.

Kamenev E. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CONCEPT OF *HONOR* IN PERCEPTION OF RUSSIAN OFFICERS DURING NAPOLEONIC WARS' PERIOD

The paper presents semantics of the concept *honor* in perception of Russian officers in the period between 1805 and 1814. The work is based on the following sources: dictionaries, essays, letters, memoirs. It should be noted that the concept *honor* was used in the official ideology. Both official and officer's interpretations of the concept *honor* are compared in the paper. Semantics of the concept *honor* is revealed on the basis of the analysis of the concept *nobleness*. The concept *honor* in perception of Russian officers was connected with the concepts *generosity* and *service*, and it was close in the meaning to the concept *dignity* (in the sense of "self-respect"). In contrast to official interpretation, Russian officers considered honor an inherent characteristic of a person.

Key words: Russian officers in 1805–1814, semantics, service, nobleness

REFERENCES

1. Antonovskiy A. I. Zapiski [Memoirs] // Kharkevich V. I. *1812 god v dnevnikakh, zapiskakh i vospominaniyakh sovremennikov* [Campaign of 1812 in diaries, notes and memoirs of contemporaries]. Issue 3. Vil'no, Tip. Shtaba Vilenskogo voennogo Okruga, 1904. P. 2–207.
2. Glinka F. N. *Podarok russkomu soldatu* [A Present for a Russian Soldier]. St. Petersburg, V tip. V. Plavil'shchikova, 1818. 140 p.
3. Gramota na prava, vol'nosti i preimushchestva blagorodnogo Rossiyskogo dvoryanstva [Charter of Rights, Liberties and

Benefits of the Russian Nobility]// *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Collection I. Vol. XXII. 1784–1788. St. Petersburg, 1830. P. 344–358.
4. D a l ' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. Moscow, Progress Publ., 1994.
5. Z e n d e l ' g o r s t K. Pervyy kadetskiy korpus v 1813–1825 gg. Vospominaniya byvshego vospitannika [The First Cadet Corps in 1813–1825. Memoirs of the Former Pupil]. *Russkaya starina*. 1879. Vol. 24. № 2. P. 305–316.
6. *Istinnaya politika znatnykh i blagorodnykh osob* [True Policy of the Noble and Honorable Persons]. St. Petersburg, Pech. pri Imp. Akad. nauk, 1745. 183 p.
7. K i r e e v M. N. Zapiski Mikhaila Nikolaevicha Kireeva [Memoirs of Michael Kireev]. *Russkaya starina*. 1890. Vol. 67. № 7. P. 1–64.
8. L u n i n M. S. Pis'mo Ippolitu Ozhe ot 5 noyabrya 1816 g. [A Letter to Ippolit Ozhe from November 5, 1816] // Lunin M. S. S*ochineniya, pis'ma, dokumenty* [Writings, Letters, Documents]. Moscow, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988. P. 235–236.
9. Manifest Aleksandra I 6.07.1812 [Manifesto of Alexander I. 06.07.1812] // Shishkov A. S. *Zapiski, mneniya i perepiska admirala A. S. Shishkova* [Memoirs, opinions and correspondence of Admiral Shishkov]. Berlin, Tip. I. S. Skreyshovskogo, 1870. P. 426–427.
10. Manifest o poedinkakh. 1787 [Manifesto on Duels. 1787]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire] Collection I. Vol. XXII. 1784–1788. № 16535. St. Petersburg, 1830. P. 839–846.
11. M a r t o s A. I. Zapiski inzhenernogo ofitsera Martosa o Turetskoy voyne v tsarstvovanie Aleksandra Pavlovicha 1806–1812 (do 1818) [Memoirs of the Engineering Officer about Turkish War in the Reign of Alexander Pavlovich 1806–1812 (till 1818)]. *Russkiy arkhiv* [Russian Archive]. 1893. № 8. P. 449–542.
12. M i k h a y l o v s k i y - D a n i l e v s k i y A. I. Memuary [Memoirs]. 1814–1815. St. Petersburg: RNB Publ., 2001. 400 p.
13. M u r a v ' e v A. N. Pis'mo N. N. Murav'evu ot 28 marta 1810 g [A Letter to N. N. Murav'ev. from 28 March, 1810] // Murav'ev A. N. Sochineniya i pis'ma [Writings and Letters]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo,1986. P.159–160.
14. N o r o v A. S. Iz vospominaniy [From Memoirs]. *Borodino v vospominaniyakh sovremennikov* [Borodino in Memoirs of the Contemporaries]. St. Petersburg, Skarabey Publ., 2001. P. 188–204.
15. N o r o v A. S. Pis'mo rodnym ot 10 oktyabrya 1812 g. [A Letter to Kindred from October 10, 1812]. *K chesti Rossii. Iz chastnoy perepiski 1812 goda* [To Russia's Honor: From Private Correspondence of 1812]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988. P. 152–153.
16. *Pravila voennogo vospitaniya otnositel'no blagorodnago yunoshestva i Nastavleniya dlya Ofitserov voennoy sluzhbe sebya posvyativshikh* [Military Education Rules Regarding Noble Youth and Instructions for Officers who have Dedicated Themselves to Military Service]. St. Petersburg, V tip. Ivana Glazunova, 1807. 279 p.
17. *Slovar' Akademii Rossiyskoy* [The Russian Academy Dictionary]. St. Petersburg, 1789–1794.
18. T i m i r y a z e v F. I. Stranitsy proshlogo [Pages of History]. *Russkiy arkhiv*. 1884. № 1. P. 155–180.
19. V d o v i n a L. N. What does "we" mean? (Russian identity in the context of history from Middle ages to Modern age) [Chto est' "my"? (Russkoe natsional'noe samosoznanie v kontekste istorii ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [*The Moscow University Herald*]. Ser. 8. History. 1993. № 5. P. 6–12.
20. V o l k o v S. V. R*usskiy ofitserskiy korpus* [The Russian Officer Corps]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2003. 414 p.
21. D a v y d o v M. A. *Oppozitsiya Ego Velichestva* [The Opposition of His Majesty]. Moscow, RGGU Publ., 1994. 191 p.
22. M a r a s i n o v a E. N. Concept "honor" in perception of the Russian noble [Ponyatie "chest'" v soznanii rossiyskogo dvoryanina]. *Rossiya v srednie veka i novoe vremya* [Russia in the the Middle Ages and Modern Age]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. P. 272–292.
23. R e y f m a n I. *Ritualizovannaya agressiya* [Ritualized Violence]. Moscow, NLO Publ., 2002. 327 p.
24. P r o c h a z k a H. On Concepts of Patriotism, Loyalty, And Honour in the Old Russian Military Accounts // The Slavonic and East European Review. 1985. Vol. 63. P. 481–497.

Поступила в редакцию 18.12.2012

Февраль, № 1 **История** **2013**

УДК 908(470+571), 913

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОРАБЛЕВ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
nikolship@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА КАРЕЛИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

Рассматриваются основные этапы формирования в Карелии общероссийской территориально-управленческой вертикали: губерния – уезд – волость. При введении губернского деления Петром I в 1702–1708 годах Южная (Олонецкая) Карелия была включена в Петербургскую губернию, составив в ней особый военно-заводской округ, а северная – в Архангельскую. В 1744 году из приграничных северо-западных земель, отошедших от Швеции, была образована Выборгская губерния, населенная в восточной части карелами. Упорядоченную систему административного деления по схеме губерния – уезд ввела Екатерина II в ходе реформы 1775 года. К 1785 году основной массив земель, населенных карелами, вошел в Олонецкую губернию, делившуюся на 8 уездов. В 1801 году Павел I расформировал Олонецкую губернию. При ее восстановлении в 1802 году Александр I оставил Северную Карелию (Кемский уезд) в Архангельской губернии, усилив административную разобщенность карельского этноса. Такие же последствия имела передача в 1811 году Выборгской губернии Великому княжеству Финляндскому. После реформы 1861 года волость утвердилась в качестве базовой сельской административной единицы, стала звеном управленческой вертикали: губерния – уезд – волость. Сложившееся в начале XIX века устройство края на уровне губерния – уезд сохранилось до 1917 года.

Ключевые слова: Карелия, административно-территориальное устройство, реформы, губерния, уезд, волость

В XVIII века как геополитическое положение Карелии, так и ее внешние и внутренние административные границы неоднократно менялись, что определялось воздействием внешнеполитических и внутриполитических факторов. Первый этап этих изменений связан с эпохой петровских преобразований и Великой Северной войной 1700–1721 годов. В планах Петра I Южной, Олонецкой, Карелии уделялось важное место в качестве базы для борьбы за Балтийское побережье. Уже на начальном этапе Северной войны стало складываться административно-территориальное образование (Ингерманландская губерния), объединявшее возвращаемые Россией прибалтийские территории и земли Олонецкого уезда. После взятия Нотебурга, переименованного в Шлиссельбург, и наделения А. Д. Меншикова полномочиями губернатора Ингерманландии 2 декабря 1702 года Петр I издал указ о приписке к Шлиссельбургу города Олонца с уездом [30; 15]. С основанием в 1703 году Лодейнопольской верфи, началом строительства Олонецких Петровских заводов и припиской к этим предприятиям крестьянского населения Олонецкий уезд оформился в особый военно-заводской округ в составе Ингерманландской губернии. Пост воеводы был отменен. Округ возглавил комендант, имевший резиденцию на Лодейнопольской верфи, а с 1714 года – на Петровском заводе. Он напрямую подчинялся А. Д. Меншикову [37; 183].

Такое административное положение края сохранилось и в ходе губернской реформы 1708 года. Петр I включил Олонец в число 29 городов с уездами, отнесенных к Ингерманландской (с 1710 года – Санкт-Петербургской) губернии [5; № 2219; 436]. Указом от 6 июня 1712 года Олонецкий уезд как военно-заводской округ в ведомственном отношении был официально приписан к Адмиралтейству [5; № 2219, 2538; 436; 839].

На западе рубежи Петербургской губернии раздвигались по мере успехов русских войск. 14 июня 1710 года пала шведская крепость Выборг, а в сентябре того же года – Кексгольм (Корела). Со взятием Кексгольма завершилась столетняя оккупация шведами Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья. Эти земли составили Выборгский уезд Петербургской губернии. Новую государственную границу закрепил Ништадтский мир 1721 года На Карельском перешейке черта границы прошла западнее, а в Приладожье – несколько восточнее старой границы Тявзинского мира 1595 года, в итоге часть бывшего Корельского уезда – Иломантский погост (в составе 5 волостей) с православным карельским населением осталась в Швеции [39; 135–136].

Северные земли Карелии по губернской реформе 1708 года вошли в Архангелогородскую губернию [5; № 2219; 2538; 436; 839]. При этом север Карельского Поморья (от Кандалакши до Керети), а также северо-западные внутренние погосты (к северу от Лендер) стали частью Кольского уезда, а волости Карельского Поморья южнее Керети, входившие в Соловецкий вотчинный округ, – Двинского уезда. Однако в 1715 году обширный Ребольский погост был приписан к Петровским заводам и передан в состав Олонецкого уезда [32;

© Кораблев Н. А., 2013

203], территория которого на северо-западе достигла озер Топозеро и Пяозеро.

Видный дореволюционный исследователь проблемы А. Лохвицкий считал петровские губернии созданными не столько для местного управления вообще, сколько для военно-податных целей, сообразно количеству податного населения и военным потребностям [36; 39–40]. И действительно, жители Олонецкого уезда Петербургской губернии обеспечивали работу Петровских горных заводов и Лодейнопольской верфи, Выборгский уезд с системой крепостей прикрывал новую столицу страны с севера, а поморская Архангелогородская губерния питала людскими резервами военный флот.

В 1719 году в России стало вводиться внутреннее деление губерний на провинции. Территория Выборгского уезда стала Выборгской провинцией Петербургской губернии, а северо-карельские земли Кольского и Двинского уездов вошли в Двинскую провинцию Архангелогородской губернии [6; № 3380; 701; 707]. Ошибочно считают, что и Олонецкий уезд Петербургской губернии тогда был переименован в провинцию [34; 75], [37; 183]. Но в указе «Об устройстве губерний…» от 29 мая 1719 года Олонец среди провинциальных городов Петербургской губернии не упоминается [6; № 3380; 701–703]; в указе, вышедшем в тот же день, Петр I предписал: «Олонцу с заводами быть в ведении по-прежнему в Адмиралтействе…» [6; № 3379; 701]. В материалах заседаний Верховного тайного совета за 1727 год также разъяснялось: «Понеже тот город Олонец был под ведомством Адмиралтейской коллегии, и затем ни к какой провинции не приписан» [2; 507].

С победой в Северной войне стратегическое значение Олонецкого уезда уменьшилось. Утратил свою роль и стал приходить в упадок и комплекс Олонецких Петровских заводов. 31 марта 1727 года Екатерина I издала указ «О распределении воевод по провинциям», восстановивший в Олонецком уезде воеводское правление [6; № 5053; 774–775]. Вслед за этим Олонецкие горные заводы с приписанными волостями были переданы из ведения Адмиралтейства в ведение Берг-коллегии [4; 31]. Адмиралтейский военно-заводской округ прекратил существование. После разделения Петербургской губернии в апреле 1727 года на две – Петербургскую и Новгородскую – Олонец с уездом включили в Новгородскую провинцию Новгородской губернии [7; № 5065, № 5183; 783, 883], [33; 108].

В 1741–1743 годах Швеция вела в новую войну с Россией, пытаясь взять реванш за поражение в Великой Северной войне, но потерпела неудачу. По мирному договору, заключенному в г. Або (Турку), южный участок русско-шведской границы отодвигался на запад до р. Кюмене и в состав России включались Кюменегорская провинция с крепостями Фридрихсгам (Хамина) и Вильманстранд (Лаппеенранта) и часть Саволакской провинции с крепостью Нейшлот (Савонлинна) [8; № 8766; 853–874]. Вновь присоединенные земли вошли в Выборгскую провинцию, которая в 1744 году была выделена из Петербургской губернии в самостоятельную губернию [9; № 8856; 5–7].

В 1764 году губернатором Новгородской губернии был назначен деятельный Я. Е. Сиверс. Обревизовав в 1766 году Олонецкий уезд, он сделал вывод о необходимости усилить административное управление этой обширной окраиной. Разразившееся в 1769–1711 годах Кижское восстание приписных крестьян подтвердило правоту губернатора. 20 декабря 1773 года Екатерина II издала указ о реорганизации управления Олонецким уездом, в основу которого были положены предложения Сиверса. Уезд преобразовывался в провинцию с открытием в г. Олонце провинциальной канцелярии. В провинции учреждался новый город Вытегра с воеводской канцелярией, а Паданский погост возводился в ранг пригорода с комиссарским правлением [10; № 14088; 882]. Таким образом, провинция разделялась на три части: Олонецкий и Вытегорский уезды и Паданское комиссарство [33; 118].

После крестьянской войны 1773–1775 годов под предводительством Е. И. Пугачева правительство Екатерины II осуществило реформу, направленную на укрепление государственной власти на местах и создание стройной системы административно-территориального устройства. По закону «Учреждение для управления губерний Российской империи» от 7 ноября 1775 года, в основу административного деления закладывались демографический и географический принципы. В каждой губернии должно было проживать 300–400 тыс. ревизских душ. Провинции упраздненялись. Губернии делились на уезды, в каждом из которых должно было насчитываться 20–30 тыс. душ. При формировании территории губерний предписывалось также учитывать расстояние от губернского до уездных центров. Создавалась соответствующая двухступенчатая система местных административных, финансовых и судебных органов [11; № 14392; 231–234].

«Учреждение для управления губерний» вводилось в действие в течение десятилетия, вначале в центре страны, затем на окраинах. На Европейском Севере реформа имела промежуточные этапы; наряду с губернским и уездным звеньями здесь сохранялось и областное. При переустройстве Новгородской губернии на новых началах по указу от 24 августа 1776 года в ее составе остались две области (провинции) – Новгородская и Олонецкая. «Олонецкую область составить из Олонецкого уезда, из Петрозаводского ведомства, переименовав оное Петрозаводскою округою, из Вытегорского уезда, из Лопского Паданского комиссарства, именуя оное округою, да из Каргопольского уезда, за исключением се-

верной части, около 10 000 душ к Архангельской губернии» [11; № 14500; 408–409]. В 1777 году Петрозаводская слобода получила статус города [11; № 14602; 514]. Указом от 11 декабря 1781 года Олонецкая область из Новгородской губернии передавалась в столичную [12; № 15297; 352], что отражало рост стратегического значения края после постройки Александровского пушечного завода. В мае 1782 года областное правление было перенесено из Олонца в Петрозаводск и учрежден город Повенец вместо упраздняемого Паданска, с переименованием округа из Паданского в Повенецкий [12; № 15394; 501].

Указом от 25 января 1780 года вместо Архангелогородской губернии было образовано Вологодское наместничество в составе Архангельской, Великоустюжской и Вологодской областей. В Архангельской области было образовано 7 уездов, включая Онежский (центр – вновь учрежденный г. Онега) и Кольский, к которым относилась и территория Северной Карелии (Карельское Поморье и внутренние волости к северу от Топозера) [12; № 14973; 911–912].

Екатерининская губернская реформа на Европейском Севере завершилась в середине 1780-х годов. По указу от 26 марта 1784 года Архангельская область превращалась в самостоятельную губернию [13; № 15968; 86], а 22 мая был издан указ о преобразовании в наместничество (губернию) и Олонецкой области [13; № 15999; 150]. Вначале Олонецкое наместничество делилось на 5 уездов: Петрозаводский, Вытегорский, Повенецкий, Олонецкий и Каргопольский. Но 16 мая 1785 года последовал новый указ: «Пределы Олонецкого наместничества к северу распространить до Белого моря… поморских Онежского уезда жителей причислить к Повенецкому округу, разделяя оный, по причине великого его пространства, на два округа, переименовав городок Кемский уездным городом». Кроме Кемского уезда, в губернии дополнительно образовывались еще два: Пудожский (из отдаленных частей Вытегорского и Каргопольского уездов) и Лодейнопольский (из отдаленных земель Олонецкого и Петрозаводского уездов) [14; № 16204; 397–398]. Поселок при Лодейнопольской верфи и село Пудожский Погост возводились в ранг городов. Таким образом, в составе Олонецкой губернии стало 8 уездов.

Ко второй половине 1780-х годов основной массив заселенных карелами земель разделяла лишь одна административная граница – между Олонецкой и Выборгской губерниями. Однако такая благоприятная для карельского этноса ситуация сохранялась недолго. Указом от 12 декабря 1796 года Павел I ликвидировал Олонецкое наместничество, разделив его территорию между Архангельской и Новгородской губерниями [14; № 17634; 229–230]. В ходе этого разделения в 1799 году в состав Кемского уезда из Повенецкого перешли 5 южных волостей Поморского берега (Сорокская, Шиженская, Надвоицкая, Колежемская, Нюхотская), а также Сумский острог (с 1803 года – Сумский Посад) [15; № 19034; 720–721].

Император Александр I указом от 9 сентября 1801 года восстановил Олонецкую губернию. В отношении губернских границ указ гласил: «…положить пределы губернии, соображаясь не только бывшему доселе разграничению, но если усмотрят новые уважения к лучшему, могут назначить и перемены в нем…» [17; № 20004; 777]. В итоге сенатским указом от 10 октября 1802 года Кемский уезд, включая карельские селения к северу от Кимасозера, передавался в Архангельскую губернию, причем говорилось, что это делается «по удобности». Очевидно, «удобность» заключалась в традиционных экономических связях Карельского Поморья с Архангельском и наличии морского пути между ними [17; № 20455; 305]. Принятое решение вновь усиливало административную разобщенность карельского этноса.

Значительное и неоднозначное влияние на геополитическое положение Карелии оказало присоединение Финляндии к России в результате Русско-шведской войны 1808–1809 годов на правах автономного великого княжества. Бывшая граница со Швецией становилась мирной границей с автономным государственным образованием в составе России. В 1811 году Александр I передал Великому княжеству Финляндскому Выборгскую губернию [18; № 24907, № 24934; 923, 939–941], что создало определенные административные препятствия на пути этнической консолидации проживавших в Северо-Западном Приладожье карел с родственным карельским населением Олонецкой губернии. По данным 1830 года, в восточной части Выборгской губернии проживало около 20 тыс. православного карельского населения [38; 78–79].

Сложившееся в конце XVIII – начале XIX века административно-территориальное устройство карельских земель на губернском и уездном уровнях оказалось устойчивым. В своей основе оно сохранялось более 100 лет вплоть до революции 1917 года. За это время в крае произошло лишь одно существенное изменение уездной структуры, вызванное чрезвычайными обстоятельствами и носившее временный характер. После сожжения г. Колы английской эскадрой в период Крымской войны Кольский уезд в 1858 году упразднили, а его территорию присоединили к Кемскому уезду [20; № 33838; 329–431]. Позднее, в 1883 году, Кольский уезд был восстановлен с изменением его южной границы. Северная часть Карельского Поморья от Кандалакши до Керети и карельские поселения в районе Топозера остались в Кемском уезде [29; 41].

Низовое, внутриуездное территориальное деление в XVIII − начале XIX века продолжало развиваться на основе самоорганизации кре-

стьянского населения почти вне зависимости от административных реформ и оставалось неунифицированным. Так, в 1766 году на территории, подчиненной Олонецкого горному округу и вошедшей затем в основном в Петрозаводский уезд, имелись: объединенная Шокшинская и Шелтозерская волость, 8 других волостей, 5 погостов, 3 трети и Мунозерский конец [33; 26]. Кемский уезд в 1795 году подразделялся на одну волость, 3 погоста и 3 старощенья [28; 39]. В Повенецком уезде в 1786 году насчитывалось 5 волостей, 10 погостов, 2 трети и 1 жительство, а в 1829 году – 5 волостей, 2 погоста, 2 трети и одно жительство [29; 17]. На рубеже XVIII–XIX веков правление Олонецкого горного округа вместо разнородных единиц образовало в Петрозаводском уезде 7 вотчин и 44 волости. В 1832 году вотчины были переименованы в волости, а прежние волости – в сельские общества. Население реорганизованной приписной волости составляло 4–7 тыс. душ обоего пола [31; 49].

В государственной деревне края подобная реорганизация была осуществлена в ходе реформы П. Д. Киселева 1837–1841 годов. Внутри губерний вводилось ведомственное окружное деление, не вполне совпадавшее с уездным. В Олонецкой губернии было образовано 4 округа государственных имуществ: Вытегорский (входили казенные селения Вытегорского и западной части Лодейнопольского уездов), Каргопольский (селения Каргопольского и Пудожского уездов), Олонецкий (казенные селения Олонецкого и восточной части Лодейнопольского уездов) и Повенецкий [35; 282]. При формировании волостей закон предписывал ориентироваться на численность населения в 6 тыс. душ мужского пола [19; № 11189; 551]. К 1843 году в четырех округах Олонецкой губернии была создана 21 волость, делившаяся на 61 сельское общество [35; 282]. В Кемском уезде, вошедшем в одноименный округ Архангельской губернии, сформировали 5 волостей [28; 40]. Но в 1859 году правительство признало необходимым пересмотреть состав крупных волостей [21; № 35052; 217], [22; № 36157; 120]. В казенной деревне стало вводиться смешанное деление на волости и приравненные к ним отдельные сельские общества [22; № 36157; 120]. На рубеже 1850–60-х годов в Олонецкой губернии было образовано 36 волостей и 6 отдельных сельских обществ (в том числе 15 волостей и 5 обществ в карельских уездах), а в Кемском уезде (без учета Кольского полуострова) – 4 волости и 14 отдельных обществ [1], [29; 40–41].

В результате крестьянской реформы 1861 года волость окончательно утвердилась в качестве базовой сельской территориально-административной единицы, построенной на унифицированных началах, общих для всех категорий крестьянства и всех собственно российских губерний. Функционируя на принципах самоуправления, волость была интегрирована в систему государственно-административного управления. Она стала низовым звеном управленческой вертикали: центр – губерния – уезд – волость. В основу пореформенного волостного деления закладывались демографические и географические принципы. Волости создавались из состоящих в одном уезде смежных сельских обществ. Для образования волости полагалось от 300 до 2000 душ мужского пола, а расстояние от наиболее удаленных селений до центра определялось в 12 верст. Но в виде исключения допускалась возможность образования волостей и при отступлениях от этих нормативов [24; 45].

В Карелии, как и в других регионах, где преобладали государственные крестьяне, новое волостное устройство вводилось указом от 18 января 1866 года [23; № 42899; 35–36]. К концу 1860-х годов в 5 уездах карельского края было образовано 50 волостей, в которых проживало 165 тыс. человек. Наиболее населенной являлась Толвуйская волость Петрозаводского уезда (9,1 тыс. жителей), а самой маленькой – Тихтозерская волость Кемского уезда (0,6 тыс. жителей) [3; 416–418], [28; 136]. К началу XX века число волостей в 5 уездах увеличилось до 66, в их составе имелось 199 сельских обществ [25; 184–189], [26; 20–80, 240–294]. В отличие от уездов, волости в крае, как правило, были мононациональными по составу (либо карельскими, либо русскими, либо вепсскими), рабочим языком волостной администрации являлся язык местной национальности.

После революции 1917 года территориально-административное устройство карельского края подверглось кардинальному пересмотру на основе приоритета этнонациональных и экономических факторов, актуализировавшихся в начале XX века.

* Статья выполнена в рамках подготовки геоинформационного комплекса по истории системы расселения на территории Карелии (проект РГНФ № 11-01-12033в), а также проекта «Истоки Карелии: время, территория, народы» по Программе фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории».

ИСТОЧНИКИ

1. О новом образовании в Олонецкой губернии волостных правлений // Олонецкие губернские ведомости. 1860. № 51. 17 декабря. Ч. офиц. С. 1.
2. О приписке города Олонца к Новгородской губернии: протокол № 315 Верховного тайного совета. 11 окт. 1727 г. // Сборник Русского исторического общества. Т. 69. М., 1889. С. 507.
3. Общее народонаселение волостей Олонецкой губернии, распределенных по станам, к 1869 г. // Олонецкие губернские ведомости. 1869. № 44. 7 июня. Ч. неофиц. С. 416–418.

4. Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Т. 1. Петрозаводск: Карелия, 2001. 416 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. (ПСЗ I). Т. 4. СПб.: Тип. II отделения собств. его Императорского Величества канцелярии, 1830. 890 с.
6. ПСЗ I. Т. 5. СПб., 1830. 782 с.
7. ПСЗ I. Т. 7. СПб., 1830. 933 с.
8. ПСЗ I. Т. 11. СПб., 1830. 991 с.
9. ПСЗ I. Т. 12. СПб., 1830. 962 с.
10. ПСЗ I. Т. 18. СПб., 1830. 1039 с.
11. ПСЗ I. Т. 20. СПб., 1830. 1041 с.
12. ПСЗ I. Т. 21. СПб., 1830. 1070 с.
13. ПСЗ I. Т. 22. СПб., 1830. 1174 с.
14. ПСЗ I. Т. 24. СПб., 1830. 872 с.
15. ПСЗ I. Т. 25. СПб., 1830. 932 с.
16. ПСЗ I. Т. 26. СПб., 1830. 880 с.
17. ПСЗ I. Т. 27. СПб., 1830. 1196 с.
18. ПСЗ I. Т. 31. СПб., 1830. 941 с.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (ПСЗ II). Т. 13. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отделения собств. его Императорского Величества канцелярии, 1839. 1072 с.
20. ПСЗ II. Т. 33. Отд. 2. СПб., 1860. 596 с.
21. ПСЗ II. Т. 34. Отд. 2. СПб., 1861. 909 с.
22. ПСЗ II. Т. 35. Отд. 2. СПб., 1862. 920 с.
23. ПСЗ II. Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868. 1081 с.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. 3. СПб.: Государственная типография, 1886. 998 с.
25. Список населенных мест Архангельской губернии к 1905 г. / Сост. Н. А. Голубцов. Архангельск: Арханг. губ. тип., 1907. 216, XIII с.
26. Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. / Сост. И. И. Благовещенский. Петрозаводск: Олонец. губ. тип., 1907. 326 с.
27. Справочная книжка Архангельской губернии на 1870 г. Архангельск: Арханг. губ. тип., 1870. IV, 373 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

28. Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX вв.: Справочник. Архангельск: Гос. архив Арханг. обл., 1997. 416 с.
29. А м о з о в а Л. Н. Об административном делении Олонецкой губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Государственное управление и местное самоуправление на Европейском Севере: исторический опыт и современность: Материалы науч.-практ. конф. Петрозаводск, 1996. С. 16–17.
30. А н д р е е в а Е. А. Создание Ингерманландской губернии в первой четверти XVIII в. // Памяти академика А. И. Шегрена. 1794–1855: Сб. докл. науч. конф. СПб., 2007. С. 15–26.
31. Б а л а г у р о в Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1962. 352 с.
32. Г л а г о л е в а А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 248 с.
33. Г о т ь е Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. Реформа 1727 г. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. 472 с.
34. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
35. История северного крестьянства. Т. 1. Архангельск: Сев-зап. кн. изд-во, 1984. 432 с.
36. Л о х в и ц к и й А. Губерния. Ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. СПб.: Тип. И. Бочкарева, 1864. 221 с.
37. Очерки истории Карелии. Т. 1. Петрозаводск: Гос. изд-во Карел. АССР, 1957. 432 с.
38. П а ш к о в А. М. Сочинение Франца фон Кнорринга «Старая Финляндия» // Сортавальский исторический сборник. Вып. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 60–79.
39. B j o r n I. Suur-Ilomantsin historia. Pieksämäki: Enon, Ilomantsin ja Tupovaaran paikallishistoriatoimikunta, 1991. 810 s.

Korablev N. A., Institute of Linguistics, History, and Literature of Karelian Research Center (Petrozavodsk, Russian Federation)

EVOLUTION OF ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL SYSTEM OF KARELIA IN XVIII – BEGINING OF XX CENTURY

The article describes the main formation stages of the all-Russian territorial-administrative vertical in Karelia: province – district (uezd) – volost. After Peter I introduction of provincial division in 1702–1708, Southern (Olonetskaya) Karelia was included into Petersburg Province, as a special military-factories' district, and Northern Karelia – into Arkhangelskaya Province. Peter's provinces were heterogeneous by territory and had no clear internal structure. Attempts undertaken by Peter I and his successors to eliminate these defects were unsystematic and ineffective. In 1744, on the border of the north-western lands, Vyborg Province was set up. The province was later inhabited by Karelian population. An orderly system of administrative division, according to the scheme province-district, was introduced by Catherine II in the framework of the 1775 reforms. The introduced reforms were based on demographic and geographical principles. In 1785, most of the lands inhabited by Karelian population became part of Olonets Province. The Province lands were later subdivided into 8 districts. In 1801 Paul I annihilated Olonets Province. After its reconstruction in 1802 Alexander I left Northern Karelia (Kem district) in Arkhangelsk Province. In 1811 Vyborgskaya Province was transferred to the Grand Duchy of Finland. The lower division, originally set up in the region on the basis of self-organization of the peasantry, was not structured up to the reform of 1861. Administrative division of the territory on the level of province-uezd formed in early XIX century was practiced until 1917. The lower division (volost), originally formed in the region on the basis of self-organization of the peasants, was not institutionalized until the reform of 1861. Only after that volost was established as a basic rural administrative unit and became an integral part of the vertical management: province-district-volost.

Key words: Karelia, administrative-territorial entity, reform, province, district, volost

REFERENCES

1. On new formation of volost boarders in the province of Olonets [O novom obrazovanii v Olonetskoi gubernii volostnykh pravleniy]. *Olonetskie gubernskie vedomosti*. 1860. № 51. December 17. Official part. P. 1.
2. On the transfer of town Olonets to Novgorod Province: protocol № 315 of the Supreme secret council. October 11. 1727 [O pripiske goroda Olontsa k Novgorodskoi gubernii: protocol № 315 Verkhovnogo tainogo soveta]. *Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva* [The collection of Russian historical society]. Vol. 69. Moscow, 1889. P. 507.
3. The total population of the volosts of Olonets Province, distributed by stan to 1869 [Obshchee narodonaselenie volostei Olonetskoi gubernii, raspredelennykh po stanam]. *Olonetskie gubernskie vedomosti*. 1869. № 44, June 7. Unofficial part. P. 416–418.
4. *Petrozavodsk: 300 let istorii* [Petrozavodsk: 300 years of history]. Documents and materials. Vol. 1. Petrozavodsk, Karelia Publ., 2001. 416 p.
5. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection of I] (further CCL-I). Vol. 4. St. Petersburg, Tip. II otdeleniya sobstv. Ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1830. 890 p.
6. CCL-I. Vol. 5. St. Petersburg, 1830. 782 p.
7. CCL-I. Vol. 7. St. Petersburg, 1830. 933 p.
8. CCL-I. Vol. 11. St. Petersburg, 1830. 991 p.
9. CCL-I. Vol. 12. St. Petersburg, 1830. 962 p.
10. CCL-I. Vol. 18. St. Petersburg, 1830. 1039 p.
11. CCL-I. Vol. 20. St. Petersburg, 1830. 1041 p.
12. CCL-I. Vol. 21. St. Petersburg, 1830. 1070 p.
13. CCL-I. Vol. 22. St. Petersburg, 1830. 1174 p.
14. CCL-I. Vol. 24. St. Petersburg, 1830. 872 p.
15. CCL-I. Vol. 25. St. Petersburg, 1830. 932 p.
16. CCL-I. Vol. 26. St. Petersburg, 1830. 880 p.
17. CCL-I. Vol. 27. St. Petersburg, 1830. 1196 p.
18. CCL-I. Vol. 31. St. Petersburg, 1830. 941 p.
19. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection of II] (further CCL-II). Vol. 4. St. Petersburg, Tip. II otdeleniya sobstv. Ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1839. 1072 p.
20. CCL-II. Vol. 33. Part 2. St. Petersburg, 1860. 596 p.
21. CCL-II. Vol. 34. Part 2. St. Petersburg, 1861. 909 p.
22. CCL-II. Vol. 35. Part 2. St. Petersburg, 1862. 920 p.
23. CCL-II. Vol. 41. Part 1. St. Petersburg, 1868. 1081 p.
24. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection of III]. Vol. 13. Collection of I. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografia. 1886. 998 p.
25. *Spisok naselennykh mest Arkhangelskoi gubernii k 1905 g*. [List of Settlements of Arkhangelsk Province in 1905], comp. N. A. Golubtsov. Arkhangelsk, Arhang. gub. tip., 1907. 216, XIII p.
26. *Spisok naselennykh mest Olonetskoi gubernii po svedeniyam 1905 g*. [List of Settlements of Olonets Province according to 1905 information]. Comp. I. I. Blagoveshchenskii. Petrozavodsk, Olonets. gub. tip., 1907. 326 p.
27. *Spravochnaya knizhka Arkhangelskoi gubernii na 1870 g*. [Reference book on Arkhangelsk Province in 1870]. Arkhangelsk, Arhang. gub. tip., 1870. IV, 373 p.
28. *Administrativno-territorial'noe delenie Arkhangelskoi gubernii i oblasti v XVIII–XX vv*. [Administrative-territorial division of Arkhangelsk Province and of the region in XVIII–XX centuries]. Reference book. Arkhangelsk, The State Archive of Arkhangelsk region, 1997. 416 p.
29. A m o z o v a L. N. Administrativnoe delenie Olonetskoi gubernii v kontse XVIII – nachale XIX veka [Administrative division of Olonets Province at the end of XVIII – the first half of XIX century]. *Gosudarstvennoe upravlenie i mestnoe samoupravlenie na Evropeiskom Severe: istoricheskiy opyt i sovremennost'* [Public administration and local self-government in the European North: historical experience and modernity]. Proc. of the scientific and practical conf. Petrozavodsk, 1996. P. 16–17.
30. A n d r e e v a E. A. Sozdanie Ingermanlandskoi gubernii v pervoi chetverti XVIII v [Creation of Ingermanland province in the first quarter of XVIII century]. *Pamyati A. I. Sjögrena. 1794–1855* [Pro memoria of A. I. Sjögren. 1794–1855]. The collection of reports of scientific conference. St. Petersburg, 2007. P. 15–26.
31. B a l a g u r o v Yu. A. *Pripisnye krest'yane Karelii v XVIII–XIX vv*. [Ascribed peasants of Karelia in XVIII–XIX centuries]. Petrozavodsk, Karel. kn. izd-vo, 1962. 352 p.
32. G l a g o l e v a A. P. *Olonetskie zavody v pervoi chetverti XVIII v.* [Olonets factories in the first quarter of XVIII century]. Moscow, USSR Academy of Sciences publishing house, 1957. 248 p.
33. G a u t h i e r J. *Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Ekateriny II* [History of regional governance in Russia from Peter I to Catherine II]. Vol. I. Moscow, Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1913.
34. *Istoriya Karelii s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of Karelia from ancient times to the present]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2001. 944 p.
35. *Istoriya severnogo krest'yanstva* [History of the northern peasantry]. Vol. 1. Arkhangelsk: Sev.-Zap. Kn. izd-vo, 1984. 432 p.
36. L o k h v i t s k i y A. *Guberniya. Ee zemskie i pravitel'stvennye uchrezhdeniya* [Province. Its zemstvo and government institutions]. Part 1. St. Petersburg, Tip I. Bochkareva, 1864. 221 p.
37. *Ocherki istorii Karelii* [Essays on the history of Karelia]. Vol. 1. Petrozavodsk, Gos. izd-vo Karel. ASSR, 1957. 432 p.
38. P a s h k o v A. M. “Old Finland” by Franz von Knorring [Sochinenie Frantsa fon Knorringa “Staraya Finlyandia”]. Sortavalsky historical collection. № 1. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Press, 2005. P. 60–79.
39. B j o r n I. Suur-Ilomantsin historia. Pieksämäki, Enon, Ilomantsin ja Tupovaaran paikallishistoriatoimikunta, 1991. 810 s.

Поступила в редакцию 07.09.2012

Февраль, № 1 **История** **2013**

УДК 94:314“1797/1863”(470.1-22)

ПЕТР ПАВЛОВИЧ КОТОВ
кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Института гуманитарных наук, Сыктывкарский государственный университет (Сыктывкар, Российская Федерация)
kotovpetr55@mail.ru

УДЕЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ: РАЗМЕЩЕНИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

В 1797 году в России появляется новая категория податного населения – удельные крестьяне. Управление ими осуществлялось через Департамент уделов, на местах – через удельные экспедиции (позже – конторы) и приказы. На Севере удельные крестьяне проживали довольно компактной группой в бассейне рек Северной Двины, Ваги и по их притокам, частично в южных уездах Вологодской губернии. Численность удельных крестьян на протяжении первой половины XIX века составляла около 10 % всего населения региона. Она возрастала главным образом за счет естественного прироста, а в первой трети XIX века по Вологодской губернии – и за счет покупок помещичьих крестьян. В связи с этим среднегодовые показатели прироста населения в удельной деревне Вологодской губернии были значительно выше, чем в Архангельской, тогда как естественный прирост был не намного выше. На демографические процессы в удельной деревне Севера влияла и политика удельного ведомства.

Ключевые слова: удельная деревня, структура управления, численность удельных крестьян, людность дворов и селений

До начала XX столетия основным производящим классом России выступало крестьянство. В эпоху феодализма оно подразделялось на разные категории и разряды. Своеобразие их существования проявлялось и в отдельных регионах огромной страны. Основные усилия исследователей крестьянства Европейского Севера России сосредотачивались на изучении государственных крестьян и помещичьей деревни. История же удельной деревни региона остается недостаточно изученной.

В предлагаемой статье, как и в большинстве исследований до 1917 года, в упомянутый регион включены Архангельская и Вологодская губернии. Правда, В. И. Ленин к северному региону относил и Олонецкую губернию. Но его точка зрения, по понятным причинам ставшая превалирующей в советской историографии, все-таки не отрицала прежнего мнения о районировании страны. Этого мнения придерживались и авторитетные историки, которые изучали демографические проблемы. Но необходимо учитывать, что в первой половине XIX века удельные крестьяне Олонецкой губернии составляли немногим более 1 тыс. душ и поэтому не могли оказывать сколь-нибудь заметного влияния на демографические процессы на Европейском Севере России.

Новая категория податного населения России – удельные крестьяне – была образована по указу Павла I от 5 апреля 1797 года [4]. В разряд удельных крестьян были переведены дворцовые крестьяне 36 губерний. Они должны были обеспечивать средствами младших членов императорской фамилии.

Владения удела на Севере располагались в конце XVIII века в основном на юге Архангельской губернии в Шенкурском уезде и на севере центральной части Вологодской губернии в Вельском, Тотемском и Сольвычегодском уездах. Все эти уезды граничили между собой, то есть удельные владения на Севере находились изначально довольно компактно по берегам р. Ваги, среднего течения Северной Двины и их притокам. Небольшая часть удельных крестьян проживала в Вологодском (305 душ) и Кадниковском (348 душ) уездах, то есть на юге Вологодской губернии [3]. В дальнейшем на территории последней удел приобрел несколько помещичьих имений. В сентябре 1804 года в Сольвычегодском и Великоустюгском уездах он купил у княгини Шаховской 917 ревизских душ мужского пола (д. м. п.) крепостных [14]. В ноябре того же года в Вологодском и Грязовецком уездах было приобретено имение помещицы Соколовой (116 душ) [7]. И наконец, в 1824 году ведомство купило владения князя Щербатова (534 души) в Кадниковском и Грязовецком уездах [19].

Так в первой четверти XIX века владения удела появились в Великоустюгском, Вологодском, Грязовецком и Кадниковском уездах Вологодской губернии. Здесь они были разбросаны небольшими островками среди помещичьих и казенных земель. Но основная часть удельных крестьян Севера (свыше 90 %) по-прежнему проживала в бассейне р. Ваги и среднего течения Северной Двины.

Для управления удельными имениями был создан Департамент уделов, который с 1826 года входил в состав Министерства императорского двора и уделов. На местах в 1797–1798 годах были образованы 9 удельных экспедиций, каждая из которых объединяла бывшую дворцо-

© Котов П. П., 2013

вую собственность и крестьян нескольких губерний. На Севере Архангельская экспедиция начала существовать с февраля 1798 года [17]. В нее вошли все дворцовые волости Архангельской и Вологодской губерний. Местные органы удельного управления в определенной степени зависели от общей губернской администрации: губернские казенные палаты должны были ежемесячно проверять денежные кассы удельных экспедиций, они давали разрешение на сдачу в аренду земель, на заключение всякого рода контрактов, участвовали в сборе налогов. Чиновники экспедиций тратили много времени на написание большого количества бумаг по многим формам в канцелярии губернаторов, в казенные палаты и в Департамент уделов. Затрудняла их деятельность и удаленность селений удельных крестьян, которые располагались в нескольких губерниях. Так, штат Архангельской экспедиции находился в г. Архангельске, и от него до удельных селений было 500–700 и более верст. Но для некоторых экспедиций это расстояние достигало 2000 верст. Все это послужило причиной реорганизации управления.

По новому «Положению о Департаменте уделов» 1808 года создаются 19 удельных имений (контор) и 3 отделения (в губерниях, где менее 10 тыс. удельных крестьян). Они выводились из подчинения общей губернской администрации [6]. На Севере образуются две удельные конторы: Архангельская и Вологодская, которые в 1858 году объединяются в Вельскую контору с центром в г. Вельске, так как основные районы обитания удельных крестьян все же были на значительном расстоянии от губернских городов региона [16].

Удельные экспедиции, с 1808 года – конторы, делились на приказы. До 1808 года в каждый приказ должно было включаться 3 тыс. ревизских д. м. п., затем – от 2 до 4 тыс. душ. На территориях, где насчитывалось менее 2 тыс. ревизских д. м. п., создавались удельные отделения. Поэтому отделения могли быть в «ранге» удельного имения (конторы) и в статусе удельного приказа. В рамках первого могли существовать и удельные приказы, и удельные отделения. Удельные имения и соответствующие им отделения являлись представителями власти на местах, имели внутреннюю бюрократическую структуру и состояли из иерархии чиновников во главе с управляющим. Напротив, приказы функционировали на принципах крестьянского (общинного) самоуправления.

Архангельская экспедиция вначале делилась на 14 приказов. В 1804 году на месте купленного имения княгини Шаховской было образовано Кузнецовское отделение. После создания в 1808 году удельных контор произошла реорганизация и системы удельных приказов. На Севере их центры переносятся ближе к основным группам селений, в связи с этим изменились и некоторые названия. Отныне территории всех удельных приказов в регионе располагались только в границах конкретных уездов, что не выдерживалось в отношении отделений. С этого времени и до реформы 1863 года в Шенкурском уезде Архангельской губернии существовало 6 приказов: Благовещенский, Устьпаденский, Великониколаевский, Предтеченский, Устьважский и Кургоминский. В Вологодской губернии функционировали: в Вельском уезде – Верховский, Устьвельский и Тавренский приказы, в Тотемском уезде – Спасский и Шевденицкий приказы, в Сольвычегодском уезде – Верхотоемский и Афанасьевский приказы. В этом же и Великоустюгском уездах по-прежнему располагалось Кузнецовское отделение. На территории Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского уездов было создано Турундаевское отделение.

Приказы, в свою очередь, состояли из сельских обществ (волостей), куда входило несколько селений. Они действовали также в рамках общинных порядков. Удельных сельских обществ в 1860 году в Архангельской губернии насчитывалось 51, в Вологодской – 79 [1].

Переходя к анализу демографических проблем, прежде всего отметим, что в Архангельской губернии по V ревизии насчитывалось 40 289 душ удельных крестьян, по X ревизии – 51 695 душ, в Вологодской по V ревизии – 48 679 душ, по X – 80 203 души. Среднегодовой прирост крестьян между этими ревизиями был невысок, особенно по Архангельской конторе – всего 0,46 %. По Вологодской губернии он составил 1,04 % (в 2 с лишним раза выше). В ней более высокий прирост удельных крестьян достигался за счет приобретения крепостных у помещиков. Без них в удельной деревне Вологодской губернии среднегодовой прирост мужского населения между V и X ревизиями составлял 0,65 %. Наибольший среднегодовой прирост населения в удельной деревне Архангельской губернии наблюдается между IX и X ревизиями (0,75 %). В Вологодской губернии этот показатель отмечался между V и VI (0,98 %), VII и VIII ревизиями (1,14 %), то есть в периоды, когда происходили покупки помещичьих крестьян. С VI по VII ревизию в северной удельной деревне отмечалась убыль мужского населения: в Архангельской губернии по 0,15 % за год, в Вологодской – по 0,21 %[1].

Число мужчин в удельной деревне Архангельской губернии с V по X ревизию возросло с 19 483 до 24 685 душ, или на 26,7 %, женщин – с 20 806 до 27 010 душ, или на 29,8 %. По неоднократно упомянутым причинам в Вологодской губернии численность удельных мужчин и женщин умножилась существенно заметней. Здесь между V и X ревизиями число мужчин в удельной деревне увеличилось с 23 326 до 37 624, или на 61,3 %, женщин – с 25 349 до 42 579, или на 68 %.

В целом прирост женского населения в удельной деревне Севера был выше, чем мужского. Это было характерно и для общей демографической тенденции в России. Однако по отдельным периодам имелись исключения. Так, между VII и VIII, IX и X ревизиями в Архангельской конторе среднегодовой прирост мужчин ненамного преобладал над приростом женщин, соответственно 0,72 против 0,66 % и 0,79 против 0,75 %. В Вологодской губернии прирост мужчин доминировал над приростом женщин чаще. Здесь между VI и VII ревизиями среднегодовой прирост у мужчин составлял 0,46 %, у женщин – 0,01 %, между VII и VIII ревизиями у мужчин – 1,16 %, у женщин – 1,12 % и между VIII и IX ревизиями у мужчин – 0,84 %, у женщин – 0,79 %.

Неравномерность прироста населения между ревизиями в удельной деревне Севера имела существенные отличия от подобных показателей в казенной деревне и в целом по губерниям. В обобщенном виде приведем подобные сравнения по ревизским д. м. п. Заметим также, что по V и VI ревизиям в число казенных крестьян включены и экономические крестьяне, которые с VII ревизии были включены в отдельный разряд. Между V и X ревизиями среднегодовой прирост мужчин по Архангельской губернии в целом (0,65 %) и в казенной деревне (0,51 %) был выше, чем в удельной деревне (0,43 %). В Вологодской губернии положение было зеркальным. Здесь среднегодовой прирост удельных крестьян (0,99 %) превалировал над приростом всего населения в губернии (0,76 %) и над приростом государственных крестьян (0,92 %). В связи с этим происходило изменение доли удельных крестьян в общей массе населения северных губерний. В Архангельской губернии она уменьшилась с 21,4 % по V ревизии до 19,4 % по X ревизии, в Вологодской несколько возросла – с 8,0 до 8,7 %.

Необходимо также заметить, что среднегодовой прирост дворцовых крестьян Севера между I и V ревизиями (0,86 %) и удельных крестьян в 1857–1895 годах (1,0 %) был выше их прироста между V и X ревизиями (0,73 %) даже с учетом купленных крепостных. С определенной долей вероятности это можно объяснить изменением правового и экономического положения этих крестьян.

Удельный вес трудоспособного населения среди удельных крестьян Севера был невысок. В 1842 году в Архангельском имении насчитывалось 22 640 «работников» (в возрасте от 18 до 60 лет), или 47,2 % населения [1], [2]. Таковые в Вологодском имении в 1844 году представляли 34 326 душ, или 45,8 % населения [18]. При этом доля «рабочих» душ среди женского населения была выше, чем среди мужчин. Так, в 1872 году в бывшей удельной деревне Архангельской губернии среди мужчин насчитывался 13 741 «работник» (50,1 %), среди женщин – 15 570 душ (52,2 %). «Полуработники» (от 16 до 18 лет) составляли 1941 д. м. п. (7,1 %) и 2106 душ женского пола (7,1 %), люди старше 60 лет – 3065 душ обоего пола (д. об. п.), или 5,4 % населения [21].

Прибыль населения в удельной деревне Севера происходила главным образом за счет естественного прироста (рождаемости), в первой четверти XIX века – частично и за счет покупок помещичьих имений. Определенную долю прироста женского населения давали переходы крепостных и казенных крестьянок в разряд удельных при бракосочетании. Переход мужчин в удельное ведомство наблюдался редко. В 1835–1854 годах в Архангельском имении численность мужчин увеличилась на 21 195, женщин – на 21 595 душ. При этом доля прибыли мужчин за счет рождаемости составила 21 126 душ, или 99,7 %, женщин – 20 245 душ, или 93,7 %. В указанные годы в Вологодском имении рождаемость обеспечила 99,8 % (27 067 душ) всей прибыли мужского пола и 92,1 % (25 599 душ) прибыли женского пола.

Убыль удельных крестьян Севера происходила в основном из-за смертности, мужчин – еще и за счет рекрутских наборов. Переходу удельных крестьян в другие категории населения удел изначально противодействовал. Им запрещалось перечисляться в разряд государственных крестьян, а переход в городские сословия был разрешен только целыми семействами с уплатой всех старых податей по крестьянству до очередной ревизии без освобождения от податей, налагаемых на купцов или мещан. Кроме этого, взималась особая плата в казну удела. Она равнялась цене за рекрута и налагалась вначале на каждую ревизскую д. м. п., с 1800 года – на каждую наличную д. м. п. В 1798–1809 годах плата за выход в городские сословия составляла с души 360 руб., в 1810–1811 годах – 500 руб. асс. В 1812–1826 годах эти выплаты были дифференцированы и равнялись 700 руб. за перевод в мещанство и 1 тыс. руб. – в купечество. В 1827 году они выросли соответственно до 2 и 5 тыс. руб. В 1839 году эти суммы переводились на серебро и составляли соответственно около 550 и 1400 руб. Затем они были еще раз увеличены и в 1840–1858 годах равнялись 600 руб. сер. за перевод в мещанство и 1500 руб. сер. – в купечество. С 1829 года за такие переходы ввели еще и плату за каждую из дочерей главы семьи в размере 100 руб. асс. Поэтому перечисления удельных крестьян в другие сословия были чрезвычайно редкими: в северных имениях по 1–2 человека в год, в некоторые годы – ни одного.

В 1858 году удельные крестьяне получили «личные и по имуществу права свободных обывателей». И со следующего года за переход в мещанство назначалась плата по 15 руб. сер. с домохозяина, в купечество – по 40 руб. С остальных членов семьи она определялась в половину

от указанных размеров. Переселения удельных крестьян в города сразу участились. На Севере в городские сословия в 1859 году перешла 21 семья удельных крестьян, в 1860-м – 33, в 1861-м – 17 семей [8], [9], [10].

Выход девушки замуж за государственного или крепостного крестьянина разрешался при наличии гарантии (с 1820 года – письменной), что кто-либо из односельчан возьмет замуж девушку соответственно из казенной или помещичьей деревни. В случае бракосочетания с купцом или мещанином (с 1833 года – с любым лицом свободного звания) платился сбор (выкуп) в размере 100 руб. асс. [5], [13].

Департамент уделов усиливал свое вмешательство и во внутрисемейные отношения крестьян. Он стремился свести к минимуму семейные разделы. Вначале разрешение на раздел давал крестьянский мир, который нес ответственность в случае разорения крестьян. В 1827 году появились специальные правила. Кроме разрешения мира необходимо было представить письменные сведения о разделяющейся семье в удельную контору. Крестьянский приговор утверждался в том случае, если в разделившейся семье имелось не менее 2 трудоспособных работников (с 1831 года – 3 работника) на каждую вновь образовавшуюся семью и «все необходимое для ведения хозяйства» [15], [20]. Виновные, уличенные в самовольных разделах, наказывались. Семьи насильственно воссоединялись. Это приводило к увеличению «людности» дворов в удельной деревне. Так, в конце XVIII века на один двор в удельной деревне Архангельской губернии приходилось в среднем 7 д. об. п., в начале 1860-х годов – 8,2 д. об. п., в Вологодской – соответственно 6,4 и 8,4 д. об. п., тогда как в целом по Северу (включая все категории крестьян) в 1858 году – 7,4 д. об. п. Конечно, были дворы, в которых насчитывалось менее 3 душ, были и такие, в которых имелось свыше 9 душ.

Число дворов в удельной деревне Севера в 1798–1864 годах увеличивалось в среднем на 51 двор в год, а браков регистрировалось значительно больше (в 1798–1860 годах – свыше 1,6 тыс.). Но жизнь брала свое, и сами удельные чиновники понимали, что циркулярами, штрафами и наказаниями не удержать процесс разделения крестьянских семей. В 1830–1862 годах в северных удельных имениях было выявлено 674 самовольных раздела крестьянских семей. Поэтому удельное ведомство вынуждено было пойти на частичную уступку. По специальным разрешениям вначале редко, с 1830-х годов все чаще и чаще допускалось проживание крестьянских семей в 2 домах, считаясь одним двором (без разделения имущества, работ и повинностей) [11], [12]. В результате в начале 1860-х годов в Вельском имении насчитывалось 16 732 двора (7,9 д. об. п. на двор) и 19 220 крестьянских домов (6,7 д. об. п. на дом).

Удельные крестьяне Севера проживали в небольших по численности населения деревнях и селах. Их количество со временем уменьшалось, людность увеличивалась. Особенно заметно количество удельных сел и деревень сократилось в Архангельской губернии. В 1798 году их насчитывалось 1060, в 1863-м – 855, то есть на 19,3 % меньше. В Вологодской губернии в эти годы количество удельных деревень убавилось всего на 1,9 %, с 1112 до 1091 поселения. Правда, в последнем случае вновь следует учитывать фактор покупки уделом помещичьих имений. Так, в 1800 году удельные крестьяне заселяли 178 селений Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. После упомянутого приобретения владений княгини Шаховской в 1804 году они проживали уже в 224 населенных пунктах, в 1863-м – в 162 селениях. Таким образом, с 1804 по 1863 год в уезде исчезли 27,7 % (62) деревень, но наблюдался рост их людности. Если в 1805 году на одно селение здесь приходилось около 24 д. м. п., то в 1863-м – примерно 40 д. м. п., что на 66,7 % больше. Примерно такой же прирост людности произошел в удельных селениях Архангельской губернии, где в 1798–1863 годах число д. об. п. возросло с 38 до 61 – на 60,5 %, количество дворов – с 5,4 до 7,7. В целом по удельной деревне Вологодской губернии показатель прироста людности был еще выше. В ней в 1798 году на одно селение приходилось почти 44 человека (6,9 двора), в 1863 году – около 74 (9,3 двора), на 68,6 % больше.

Отметим, что средняя численность проживающих в одном удельном селении была ниже аналогичных показателей сельских поселений Европейского Севера в целом. В конце XVIII века в среднем по региону на одно сельское поселение приходилось около 9 дворов, в середине XIX века – 12 дворов, в удельной деревне соответственно – 6,1 и 8,6 двора.

Таким образом, в конце XVIII века в России появляется новая категория податного населения – удельные крестьяне. Управление этими крестьянами осуществлялось через Департамент уделов, на местах – через удельные экспедиции (позже – конторы) и приказы.

На Севере удельные крестьяне проживали довольно компактной группой в бассейне Северной Двины, Ваги и их притоков. Часть этих крестьян имелась и в южных уездах Вологодской губернии. Численность удельных крестьян на протяжении первой половины XIX века составляла около 10 % всего населения региона. Она возрастала главным образом за счет естественного прироста, а в первой трети XIX века в Вологодской губернии – и за счет покупок помещичьих крестьян. В связи с этим среднегодовые показатели прироста населения в удельной деревне Вологодской губернии были значительно выше, чем в Архангельской, тогда как естественный прирост был ненамного выше. На демографические процессы в удельной деревне Севера влияла и политика удельного ведомства.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Данные обобщенного характера в тексте статьи определены по источникам: ГААО (Государственный архив Архангельской области). Ф. 925. Оп. 2. Д. 413, 429, 474; Оп. 3. Д. 1; ГАВО (Государственный архив Вологодской области). Ф. 18. Оп. 1. Д. 31; РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 515. Оп. 1. Д. 1–74; Оп. 5. Д. 4–67; Оп. 7. Д. 381–1240; Оп. 10. Д. 55, 56; Оп. 12. Д. 655, 658, 680; Оп. 15. Д. 282–611; Оп. 16. Д. 9–13; Оп. 71. Д. 2218; Оп. 74. Д. 86–99; Оп. 78. Д. 219, 220.

ИСТОЧНИКИ

1. ГААО. Ф. 925. Оп. 2. Д. 413. Л. 16–20.
2. ГААО. Ф. 925. Оп. 3. Д. 1. Л. 59.
3. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 31. Л 14–21.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). СПб., 1830. Собрание I. Т. 24. № 17 906.
5. ПСЗ РИ. СПб., 1830. Собрание I. Т. 26. № 19 451.
6. ПСЗ РИ. СПб., 1830. Собрание I. Т. 30. № 23 020.
7. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 13. Л. 69–70 об.
8. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 71. Л. 207.
9. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 72. Л. 258.
10. РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 73. Л. 233.
11. РГИА. Ф. 515. Оп. 2. Д. 299. Ст. 2413.
12. РГИА. Ф. 515. Оп. 2. Д. 300. Ст. 3022.
13. РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 1359.
14. РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 10. Л. 2–27.
15. РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 786. Л. 42.
16. РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 587. Л. 40.
17. РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 658. Л. 92.
18. РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 1208. Л. 22.
19. РГИА. Ф. 515. Оп. 16. Д. 832. Л. 53 об.–54.
20. РГИА. Ф. 515. Оп. 16. Д. 1825. Л. 2–5.
21. Статистическое описание сельского населения и промышленности Архангельской губернии / Сост. помощником председателя статистического комитета Г. Минейко. 231 с.

Kotov P. P., Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)

TSAR'S FAMILY PEASANTS IN EUROPEAN NORTH OF RUSSIA: DISTRIBUTION AND DEMOGRAPHIC PROCESSES

In 1797 a new category of tribute levying population appeared in Russia: it was the tsar's family peasants. The tsar's family department with its territorial representatives (such as tsar's family officers) was established to manage these peasants. In the north of Russia the tsar's family peasants lived as a very compact group in the basin of the Northern Dvina River, the Vaga River, and their tributaries. Some of these peasants lived in Southern districts of Vologda province. During the first half of the XIXth century the number of the tsar's family peasants was about 10 % of the total region population. It was increasing mostly due to the natural population growth. The number of the tsar's family peasants also increased due to landowners' peasants purchase in Vologda province during the first thirty years of the XIXth century. Consequently the average annual growth rate of the population in the tsar's family village of Vologda province exceeded that in the tsar's family village of Arkhangelsk province. Meanwhile the natural population growth in these provinces was almost the same. Also the policy of tsar's family department had an effect on demographic processes in the tsar's family village in the north of Russia.

Key words: the tsar's family village, a structure of administration, a number of a tsar's family peasants, a number of people in yards and settlements

SOURCES

1. The State archive of Arkhangelsk oblast. Fund 925. List 2. File 413. Sheets 16–20. (In Russ.)
2. The State archive of Arkhangelsk oblast. Fund 925. List 3. File 1. Sheet 59. (In Russ.)
3. The State archive of Vologda oblast. Fund 18. List 1. File 31. Sheets 14–21. (In Russ.)
4. The full collection of the Russian Empire's laws. St. Petersburg, 1830. Collection I. Vol. 24. № 17 906. (In Russ.)
5. The full collection of the Russian Empire's laws. St. Petersburg, 1830. Collection I. Vol. 26. № 19 451. (In Russ.)
6. The full collection of the Russian Empire's laws. St. Petersburg, 1830. Collection I. Vol. 30. № 23 020. (In Russ.)
7. The Russian State historical archives. Fund 515. List 1. File 13. Sheets 69–70 back. (In Russ.)
8. The Russian State historical archives. Fund 515. List 1. File 71. Sheet 207. (In Russ.)
9. The Russian State historical archives. Fund 515. List 1. File 72. Sheet 258. (In Russ.)
10. The Russian State historical archives. Fund 515. List 1. File 73. Sheet 233. (In Russ.)
11. The Russian State historical archives. Fund 515. List 2. File 299. Section 2413. (In Russ.)
12. The Russian State historical archives. Fund 515. List 2. File 300. Section 3022. (In Russ.)
13. The Russian State historical archives. Fund 515. List 5. File 1359. (In Russ.)
14. The Russian State historical archives. Fund 515. List 7. File 10. Sheets 2–27. (In Russ.)
15. The Russian State historical archives. Fund 515. ist 7. File 786. Sheet 42. (In Russ.)
16. The Russian State historical archives. Fund 515. List 10. File 587. Sheet 40. (In Russ.)
17. The Russian State historical archives. Fund 515. List 10. File 658. Sheet 92. (In Russ.)
18. The Russian State historical archives. Fund 515. List 12. File 1208. Sheet 22. (In Russ.)
19. The Russian State historical archives. Fund 515. List 16. File 832. Sheet 53 back – 54. (In Russ.)
20. The Russian State historical archives. Fund 515. List 16. File 1825. Sheets 2–5. (In Russ.)
21. The statistical description of the rural population and industry in the Arkhangelsk province. 231 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 17.04.2012

Февраль, № 1 **История** **2013**

УДК 39

НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА ТАДИНА
кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Российская Федерация)
ntadina@yandex.ru

ТЕНГИС СТЕПАНОВИЧ ЯБЫШТАЕВ
аспирант кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Российская Федерация)
teng7891@mail.ru

«ТЮРКИ ПО ЯЗЫКУ, ФИННО-УГРЫ ПО ОБЛИКУ»: ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ СЕВЕРНЫХ АЛТАЙЦЕВ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ*

Рассматривается конструирование этнической идентичности северных алтайцев (тубаларов, челканцев, кумандинцев) и то, как социальные акторы движения возрождения (этнические лидеры, Ассоциация коренных малочисленных народов Республики Алтай) актуализируют «финно-угорскую» общность северных групп в качестве отличия от южных алтайцев. В легитимизации «финского типа» опираются на записи первых путешественников, постсоветские научные сборники и на сайты Интернета, посвященные северным группам. Их «другой» образ «отдельного этноса» подкреплен своеобразным составом сёоков-родов, антропологическим уральским типом и диалектом, сложившимся под угро-самодийским влиянием. Невысокая численность, утрата основных черт традиционной культуры, рост числа смешанных браков способствуют этническому размыванию. Развернувшийся этнокультурный дискурс стал политикой создания коллективных идентичностей тюркоязычных групп алтайцев. Это сообщество, традиционное в своей основе, давно встало на путь неизбежной модернизации в виде русификации и европеизации, усвоения этнически нейтральных ценностей и стандартов поведения. Сложности внутриэтнических отношений групп алтайцев указывают на необходимость выработки общей стратегии возрождения на фоне этнокультурного дискурса.

Ключевые слова: алтайцы, северные группы, этническое возрождение, языковая проблема

В Республике Алтай на волне этнического возрождения алтайцев особое значение стало придаваться не языковому родству южных и северных групп, а своеобразному «финскому» типу последних. Термин «финно-угры / финский» используется в контексте определения этнического сообщества северных алтайцев (тубаларов, челканцев и кумандинцев). У южных алтайцев (алтай-кижи и теленгитов) важным остается родовая структура, принадлежность к патрилинейному сёоку-роду, функционирование обычаев экзогамии и авункулата. Испытав в наибольшей степени влияние православия, обрусевшие северные алтайцы в своем южном этническом окружении предстали как маргиналы, прозванные «туба». Их «другой» образ подкреплен своеобразным составом сёоков-родов, антропологическим уральским типом и диалектом, сложившимся под угро-самодийским влиянием. Развернувшийся этнокультурный дискурс стал политикой создания коллективных идентичностей тюркоязычных групп алтайцев.

В записях путешественников XIX века отмечены особенности внешности северных алтайцев. Г. П. фон Гельмерсен, посетивший Алтай в 1834 году, поразился сходству кумандинцев с финнами, поэтому порою «забывал», у какого озера находится – Телецкого или Ладожского в Новой Финляндии. В кумандинской одежде он увидел подобие мордовских и черемисских костюмов, а во внешности – сходство с чухонцами: безбородые скуластые лица с прямыми светлыми волосами и полуприкрытыми глазами [12; 26].

В. В. Радлов, изучавший язык и этнографию алтайцев в 1860–70-е годы, заметил, что южные алтайцы называют северных «*јыш кижи*» (лесной человек, таежник) и «*туба*»: «…здешние туба – потомки древних самоедских дубо» [8; 215]. Его мнение о самодийском влиянии в этногенезе северных алтайцев, выявленном на основе этнонимов, нашло подтверждение. Н. М. Ядринцев в 1880 году заметил, что северные алтайцы «по типу весьма отличаются от алтайцев и теленгитов и причисляются к финским народностям, когда-то смешавшимся с алтайскими тюрками» [14; 101]. По заключению А. М. Ярхо, алтае-саянские тюрки, в том числе северные алтайцы, имеют сложный антропологический состав, не сводимый к одному типу, и представляют собой тип, переходный от уральской расы к южносибирской и центральноазиатской [14].

Л. П. Потапов, ведущий советский алтаевед, видел в северных алтайцах не только тюркизи-

© Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С., 2013

рованных самодийцев и угров. В качестве доказательств он отметил общность лодок, ручных нарт, лыж и другого снаряжения северных алтайцев и самодийских народов. К примеру, распашная одежда кумандинцев и челканцев такая же, как и верхняя одежда сургутских хантов [7; 311]. Кумандинцы, как древнейшие жители Алтая, развили культуру на основе скотоводства [5; 322]. Древняя охотничья культура северных алтайцев с ее шаманскими культами связана с самодийской и угорской. Л. П. Потапов осветил древнетюркскую основу культуры северных алтайцев. Умение добывать руду и плавить железо тубалары переняли от древних тюрок [6; 59]. Челканцы, называемые «куу кижи» (люди р. Лебедь, лебединцы), по составу родов ближе к тубаларам, с которыми имеют экзогамные группы [7; 312].

На основе историко-этнографических сведений формируются взгляды на прошлое. Популярные конструктивистские теории пришли на смену некогда мощной примордиальной концепции, в рамках которой алтайские группы еще в советское время были признаны единым народом. В постсоветский период северные алтайцы обрели статус этноса. Согласно этнонациональному дискурсу, они «не алтайцы», а «другие» – «родня финнам через самодийцев и угров» и имеют «финские корни». В 1993 году кумандинцы, а затем в 2000 году тубалары и челканцы вошли в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. В связи с этим появилась необходимость обосновать статус нового этноса и тогда на помощь пришел научный мир. Начиная с 2000 года о каждой группе северных алтайцев были изданы сборники статей и извлечений из редких книг [2], [12], [13]. Издания подобного рода стали опорой для конструктивистских идей. Участвующие в этом этнографы стараются обосновать новый статус северных алтайцев, желая «восстановить историческую справедливость», «исправить ошибки советской науки», «уравнять малочисленные группы Северного Алтая». Идею удревнения истоков этногенеза до «куманов и динлинов» можно рассматривать как стремление к архаизации: «В антропологическом типе кумандинцы сохранили европеоидные черты древнего населения Сибири» [2; 3].

На сайте «Кумандинцы на Алтае» освещаются проблемы северных алтайцев. Авторы сайта обнаруживают стремление развить интерес к истории, культуре и языку кумандинцев и донести его до пользователей. Здесь есть иллюстративный материал по культурному наследию кумандинцев и содержится множество ссылок на подобные сайты. Презентация трех групп северных алтайцев в интернет-ресурсах представляет размноженную версию. В ней подчеркивается угро-самодийская основа культуры: «…этнографическое своеобразие материальной и духовной культуры кумандинцев имеет много общего с их северными соседями – хантами, манси, селькупами и кетами» [3]. Истоки этногенеза северных алтайцев прослеживаются в археологических культурах. Такая архаизация должна объяснить особенности физического облика северных алтайцев, в котором «сочетаются черты, свойственные европеоидам и палеосибирским народам уральской расовой группы». На общем фоне сведений иначе расставлены акценты: нет привычного упора на традиционном типе хозяйства и верованиях. Запоминается описание внешнего вида северных алтайцев: «У тубаларов монголоидность основных антропологических признаков выражена гораздо слабее: у них наличествуют европеоидные признаки, т. е. встречаются светловолосые и светлоглазые типы» [3]. Их «правильный» облик, близкий прозападному миру, перекочевал на туристские сайты.

Таким образом, критерием этнической принадлежности у русских является внешность, а у алтайцев – знание родного языка. В результате интенсивной ассимиляции северные алтайцы находятся в промежуточном состоянии: между южными алтайцами, отвергающими их из-за незнания родного алтайского языка, и русскими, не принимающими как людей другого этнического происхождения, иной внешности, хотя и говорящих по-русски [11].

Около трех веков назад расселенные в предгорье северные группы первыми из алтайцев были вовлечены в русскую среду. Они оказались включенными в сложные процессы интеграции в российское государство, и как следствие – в процессы христианизации, которые заключались не только в смене веры, но и в целом комплексе социальных и культурных практик, таких как образовательная политика, формирование новых поселений для новокрещеных. Неслучайно первая интеллигенция сложилась из тубаларов, имена которых составляют гордость национальной культуры алтайцев. Это сказители Н. Улагашев и К. Тадыжеков, общественные деятели П. А. Чагат-Строев и В. Т. Тибер-Петров, династии купцов-меценатов Тобоковых и просветителей-художников Чевалковых. Сегодня потомки обрусевших тубаларов считаются русскими, хотя и носят алтайские фамилии.

В советской этнографической школе ряд положений основывался на эволюционно-историческом понимании этничности. Для научных понятий были найдены алтайские эквиваленты: «сёок» – это род, считавшийся пережитком. В категорию «племя» вошли группы северных и южных алтайцев. Эволюционный процесс должен был привести к распаду «родовых и племенных групп» и объединению их в «народность». Создание этнокультурного дискурса было бы невозможным без общего языка, каким явился

южно-алтайский язык, и убеждения об общем происхождении, при этом «финский тип» северных алтайцев был неважен. В рамках примордиальной концепции этнотерриториальные группы были признаны единым народом – алтайцами. Вследствие того что в перспективе все народы страны сольются в единую общность, знание родного языка оказалось неважным. Обрусевшие алтайцы стеснялись говорить на родном языке, особенно в общественных местах. Престижным считалось знать русский язык и говорить на нем без акцента. В 1970-х годах развернулась политика сокращения национальных школ и ликвидации «неперспективных» деревень – исчезли 60 из 80 тубаларских сел [6].

В последние годы введено преподавание алтайского языка с учетом диалектных особенностей. Лишь малая доля северных алтайцев пассивно владеет родным языком: понимают, о чем говорят, но отвечают по-русски, объясняя тем, что «так удобно» и «понятным является русский язык». Немногие используют родной язык в повседневной жизни – лишь лица старше 50 лет. В основном это те, кто в послевоенные годы учился в г. Горно-Алтайске: тогда было тесное общение с южными алтайцами и в ходу были книги с произведениями алтайских писателей. Это поколение трилингвов предлагает свое решение «языковой» проблемы путем издания журналов, книг со сказками, песнями на родном диалекте, создания радио- и телепередач, что поднимет престиж и расширит сферу употребления языка. Однако эти пожелания не отвечают реальной жизненной действительности, в которой книга вытеснена виртуальным миром (электронными текстами, мультфильмами, компьютерными играми, Интернетом), где популярность приобретает английский язык.

В начале 1990-х годов кумандинский, челканский и тубаларский языки были занесены в Красную книгу языков России. Среди главных назревших проблем северные алтайцы называют языковую, решение которой позволит им стать равными с южными алтайцами. Предполагается, что «оживление» их диалектов позволит сохранить многое – терминологию и фольклорные тексты, промыслы и ремесла. Решение проблемы многие видят в преподавании алтайского языка в школе по опыту южных алтайцев. В их моноэтничных селах в начальной школе преподают на родном языке, а затем на русском, при этом алтайский язык и алтайская литература остаются. Северные алтайцы, живущие в смешанных селах, учатся в школах с русским языком обучения. По результатам социолингвистического опроса, проведенного среди тубаларов местными языковедами, примерно треть анкетируемых считают целесообразным использовать во всех классах средней школы родной язык [7]. Столько же информантов высказываются за русский язык, треть опрошенных указывают на необходимость вести обучение на двух языках. В школах преподается русский язык и иностранный, в основном английский, а алтайский язык введен факультативно. Фактически его преподавание происходит эпизодически, но для освоения языка необходимо общение. В семейной и родственной среде родной язык не звучит, и поэтому дети его не знают. Такая ситуация приводит к отказу учить алтайский язык, что родители объясняют большой загруженностью детей в школе. На самом деле они не видят необходимости в изучении родного языка и исходят из соображений престижа русского языка для упрощения адаптации в русскоязычном коллективе, получения качественного образования и возможности благополучной карьеры.

В результате интенсивной ассимиляции утрачивается этническое «я». Происходит депопулизация северных алтайцев: по данным переписей 2002 и 2010 годов, прироста их численности не произошло. В Республике Алтай челканцев насчитывается 0,9 тыс. чел., тубаларов – 1,6 тыс. чел., а кумандинцев – около 1 тыс. чел. (в Алтайском крае – 1,7 тыс. чел., Кемеровской области – 0,3 тыс. чел.) [3]. В это число вошли дети от смешанных браков и члены их семей, относящиеся к русским, но пожелавшие стать представителями коренных малых народов Севера (КМНС). Об этом можно судить, побывав на Съезде КМНС республики, где кроме северных алтайцев присутствуют метисы и родственники из русских. Свою этническую принадлежность они объясняют так: «я по матери русский, а по отцу тубалар», «у меня бабушка была кумандинкой», «мой муж челканец, значит, наши дети челканцы, ну и я записалась челканкой». С целью установления национальности обращаются в суд, даже в обыденной речи появилось выражение «сделать КМНС».

За двойной идентичностью стоит трансформация понимания этничности. Один из «новых» тубаларов, родом из местных русских, объяснил так: «Теперь быть тубаларом означает не только “антропология” (в смысле внешность), как было раньше, а условия совместного проживания с тубаларами и та же среда обитания, в которой ощущаешь себя таким же тубаларом». «Новые» северные алтайцы не стремятся знать один из диалектов, а желают получать льготы, полагающиеся КМНС России: квота при зачислении в вуз и другие учебные заведения, получение стипендии и общежития, освобождение от налогов на землю, бесплатная заготовка дров и строительного леса, получение охотничьего билета, выход на пенсию раньше на 5 лет (мужчины в 55 лет, женщины в 50 лет).

Перечисленные меры направлены на улучшение низкого уровня жизни северных алтайцев, когда семья безработных вынуждена жить на

детское пособие или пенсию инвалидов и престарелых. Получив право на бесплатную вырезку леса и 30 тыс. руб. на его вывоз, немалая доля северных алтайцев продают лес и пускают выручку на спиртное. Другая проблема заключается в том, что вследствие уничтожения кедра оказалась подорвана традиционная система природопользования, испокон веков связанная с кедровой тайгой. В получении права на охоту для удовлетворения нужд многие видят возможность браконьерства и нарушают неписаные правила промысла. Наконец, создание «новой» Ассоциации КМНС республики и борьба за должность председателя, отсутствие школьных учебников и словарей по родному алтайскому языку подводят к мысли о том, что языковая проблема становится предметом политических спекуляций [13].

Коренные малочисленные народы Алтая остаются создателями и хранителями уникальной культуры. Актуальными остаются проблемы укрепления самосознания на основе «финского типа» северных алтайцев и сохранения их родного языка. Невысокая численность народа, утрата основных черт традиционной культуры, рост числа смешанных браков способствуют этническому размыванию. Сложности внутриэтнических отношений групп алтайцев указывают на необходимость выработки общей стратегии возрождения на фоне этнокультурного дискурса.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РГНФ «Символы и атрибуты родовой потестарности алтайцев в этнополитическом дискурсе Республики Алтай» № 13-11-04005а(р), рук. Н. А. Тадина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гельмерсен Г. П. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая / Пер. с нем. Д. Планера // Горный журнал. 1840. Т. II. Кн. 4. С. 17–57.
2. Культура и традиции коренных народов Северного Алтая / Отв. ред. А. В. Малинов. СПб.: Изд. Дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. 400 с.
3. Кумандинцы на Алтае [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bigpi.biysk.ru/altay/viewpage.php
4. О национальном составе населения России по переписи 2010 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zemfort1983.livejournal.com
5. Потапов Л. П. Из этнической истории кумандинцев // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 316–323.
6. Потапов Л. П. Тубалары Горного Алтая // Этническая история народов Азии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 52–66.
7. Потапов Л. П. Заметка о происхождении челканцев-лебединцев // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 304–313.
8. Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника / Пер. с нем. К. Д. Цивиной, Б. Е. Чистовой. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 749 с.
9. Сарбашева С. Б. Социолингвистическая ситуация у тубинцев // Алтайская филология. Горно-Алтайск: ГАГУ РИО «Универ-Принт», 2001. С. 157–166.
10. Тадина Н. А. Алтайцы: между «севером» и «югом» (к проблеме внутриэтнического общения) // Известия АГУ. Сер. «История». 2008 № 4/2 (60). С. 178–184.
11. Тубалары (туба, черневые татары): Сборник науч. статей (очерков) и мат-лов, извлечений из трудов исследователей территории и населения Алтая XIX–XX вв. / Сост. С. Н. Тарбанакова. Горно-Алтайск; Барнаул: ООО «ИПП “Алтай”», 2009. 328 с.
12. Челканцы в исследованиях и материалах XX века / Отв. ред. Д. А. Функ. М.: Издание ИЭА РАН, 2000. 155 с.
13. Ябыштаев Т. С. О кризисе общественных отношений в Республике Алтай // Вестник ТГУ. 2012. № 4 (20). С. 161–164 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/his
14. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. Т. 2. 336 с.
15. Ярхо А. И. Алтае-саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан: Хакоблиздат, 1947. 9 с.

Tadina N. A., Gorno-Altaisk State University (Gorno-Altaisk, Russian Federation)
Yabyshtaev T. S., Gorno-Altaisk State University (Gorno-Altaisk, Russian Federation)

“TURK IN LANGUAGE, FINNO-UGRIC PEOPLE IN APPEARANCE”: ON ETHNO-CULTURAL DISCOURSE OF NORTHERN ALTAIANS IN ALTAI REPUBLIC

The article is concerned with the problem of ethnic identity formation of the northern Altaians (Tubalars, Chelkans, Kumandins). The authors also deal with the process of “Finno-Ugric” identity actualization in Northern groups as different from southern Altaians with the focus on the role executed by the revival movement of ethnic leaders and the Association of Indigenous Peoples of the Altai Republic. The attempt to assert the “Finnish style” is based on the records of the first travelers, post-Soviet scientific collections, and Internet sites devoted to the northern group. Ethnic “otherness” is supported by the peculiar composition of the Seok-kin system and by appurtenance to the Uralic anthropological type and dialect. The latter two elements were a result of the Finno-Samoyed influence. Small numbers, losing their traditional culture in its basic features and the ever growing number of mixed marriages contribute to the process of ethnic decomposition. Ethnic and cultural discourse has unfolded the policy of collective identity development for Altaic Turkic groups. This community, traditional at its core, has long taken the path of inevitable modernization and Europeanization as Russification by learning ethnically neutral values and standards of behavior. Complexity of the inter-group relations indicates a need for common revival strategy against the background of the ethnic and cultural discourse.

Key words: Altaians, the northern groups, the ethnic revival, language problem

REFERENCES

1. G e l ' m e r s e n G. P. Teletskoe ozero i teleuty Vostochnogo Altaya [Teletskoye lake Teleuts Eastern Altai]. *Gornyy zhurnal*. 1840. Vol. II. Book 4. P. 17–57.
2. Kul'tura i traditsii korennykh narodov Severnogo Altaya [Culture and traditions of indigenous peoples of North Altai]. St. Petersburg, Izd. Dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2008. 400 p.
3. *Kumandintsy na Altae* [Kumandinians in Altai]. Available at: http://www.bigpi.biysk.ru/altay/viewpage.php
4. O natsional'nom sostave naseleniya Rossii po perepisi 2010 goda [On the national composition of the population of Russia for the 2010 Census]. Available at: http://zemfort1983.livejournal.com
5. P o t a p o v L. P. Iz etnicheskoy istorii kumandintsev [Of ethnic history Kumandins]. I*storiya, arkheologiya i etnografiya Sredney Azii* [History, Archeology and Ethnography of Central Asia]. Moscow, Nauka Publ., 1968. P. 316–323.
6. P o t a p o v L. P. Tubalary Gornogo Altaya [Tubalars Altai]. *Etnicheskaya istoriya narodov Azii* [Ethnic History of Asian Peoples]. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1972. P. 52–66.
7. P o t a p o v L. P. Zametka o proiskhozhdenii chelkantsev-lebedintsev [Article on the origin of Chelkans-Lebedins]. *Bronzovyy i zheleznyy vek Sibiri* [Bronze and Iron Age of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974. P. 304–313.
8. R a d l o v V. V. *Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika* [From Siberia: Diary Pages]. Moscow, Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1989. 749 p.
9. S a r b a s h e v a S. B. Sotsiolingvisticheskaya situatsiya u tubintsev [Sociolinguistic situation in Tubintsev]. *Altayskaya filologiya* [Altay Philology]. Gorno-Altaysk, GAGU RIO "Univer-Print" Publ., 2001. P. 157–166.
10. T a d i n a N. A. Altaytsy: mezhdu «severom» i «yugom» (k probleme vnutrietnicheskogo obshcheniya) [Altai: between "North" and "South" (to the Problem Intraethnic Communication)]. *Izvestiya AGU. Ser. "Istoriya"*. 2008. № 4/2 (60). P. 178–184.
11. *Tubalary (tuba, chernevye tatary): Sbornik nauch. statey (ocherkov) i materialov, izvlecheniy iz trudov issl. territorii i naseleniya Altaya XIX–XX vv*. [Tubalars (Tuba, Tatars): Collection of Scientific Articles (Essays) and Materials extracted from the Research. Territory and Population of the Altai XIX–XX centuries]. Gorno-Altaysk; Barnaul: OOO «IPP "Altay" Publ., 2009. 328 p.
12. *Chelkantsy v issledovaniyakh i materialakh XX veka* [Chelkans in Research and Materials of XX Century]. Moscow, IEA RAN Publ., 2000. 155 p.
13. Y a b y s h t a e v T. S. On the Crisis of Public Relations in the Republic of Altai [O krizise obshchestvennykh otnosheniy v Respublike Altay]. *Vestnik TGU*. 2012. № 4 (20). P. 161–164. Available at: http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/his
14. Y a d r i n t s e v N. M. *Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie* [Siberian Natives, their Life and Current Situation]. Tyumen': Yu. Mandriki Publ., 2000. Vol. 2. 336 p.
15. Y a r k h o A. I. *Altae-Sayanskie tyurki. Antropologicheskiy ocherk* [Altai-Sayan Turkic. Anthropological essay]. Abakan, Khakoblizdat Publ., 1947. 9 p.

Поступила в редакцию 23.04.2012

Февраль, № 1 **История** **2013**

УДК 39(093)

АННА ВИКТОРОВНА БОЛЬШАКОВА
старший преподаватель кафедры истории и гуманитарных наук факультета истории и социальных наук, Бокситогорский институт (филиал) Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Бокситогорск, Российская Федерация)
anschovis@yandex.ru

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОМ ВЕПССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Дан обзор особенностей имущественных прав женщин в традиционной культуре вепсов – малочисленного народа Северо-Запада России. Статья базируется на архивных источниках и историко-этнографических исследованиях.

Ключевые слова: история Карелии, история Ленинградской области, гендерная история, вепсянка, правовое положение женщины, обычное право, традиционное общество, общесемейное имущество

Вепсы – один из коренных народов Северо-Запада России – в середине XIX – начале XX века вместе с другими народами Российской империи переживал трансформацию традиционной культуры. Одним из признаков этого процесса является эволюция социально-экономического положения женщин в традиционном вепсском обществе и семье.

Девочка, девушка, живущая в родительском доме на попечении отца и матери, считалась временной жилицей в семье. Ее имущественные права ограничивались правом на владение и распоряжение игрушками – куклами, свистульками, копиями орудий женского труда – коробами, предметами утвари, посудой, прялочками, веретенами, ткацкими станочками и т. п. С 7 и до 13–16 лет девочка разделяла с матерью все общие семейные работы, а значит, накапливала знания, которые облегчали существование в крестьянском мире и повышали шансы на удачный брачный союз: «При заключении браков редко имеется в виду взаимное влечение, чаще хозяйственные соображения. В невесте ценится ее трудоспособность, имущественный достаток...» [3; 36].

До выхода замуж девушка имела право жить с отцом, братьями или с одним из них (с кем пожелает) и, работая в его хозяйстве, получала за это пищевое и прочее довольствие [13; 76]. К 13–16 годам юная вепсянка работала наравне со взрослыми и готовила для себя приданое [10; 7–14].

Прогнать девушку из дома братья могли лишь за распутное поведение. Потеря девушкой девственности до брака не осуждалась и не являлась препятствием для замужества: «Если у девушки есть какие улики против соблазнителя, она возбуждает против него дело и выходит за него замуж» [3; 28]. Но забеременевшая девушка вызывала всеобщее осуждение. Ее шансы создать полную семью сводились только к брачному союзу со вдовцом. Мать-одиночка получала деньги на содержание ребенка от его отца, «но как получала – больше на словах, чем на деле» [3; 28].

Иногда беременная девушка изгонялась из семьи, и тогда ее дети становились бобылями, живущими подаянием. Чтобы прокормить себя и ребенка, молодая мать, практически не получавшая помощи от отца ребенка, нанималась в няньки, прислуги, работницы, уходила в города – Петрозаводск, Лодейное Поле, Повенец, Петербург – на заработки, как другие девушки и подростки, где зарабатывала иногда не более 2–3 рублей в месяц [11; 2]. Если же беременная не изгонялась из семьи, то ее дети становились равноправными членами семьи и общества, получив отчество «Богданович»; в наследовании имущества они имели равные права с законнорожденными в этой семье детьми [3; 28].

Если по какой-либо причине девушке не удавалось до 24–25 лет [1; 17] выйти замуж, она считалась старой девой. Живущая как работница в родной семье, она получала за свой труд пищу, посуду, одежду, обувь и прочее из общесемейной собственности. Если она хотела отделиться от большой семьи и вступала в тяжбу с братьями, то суд был не на ее стороне, так как «девушке отдельно жить не полагается» [13; 76].

После замужества хозяйство обязано было обеспечить девушку частью общесемейного имущества, считавшейся собственностью невесты: коровой или нетелью, парой овец, сундуков, одеял, соломенных матрацев, 20–30 штуками полотенец, двумя ложками, чайным набором, ткацким станком, одеждой [2; 100], набором сельскохозяйственного инвентаря, куда входили топор, коса для рубки деревьев, серп, коса-«стойка» или «литовка», грабли [7; 123] (жених также вносил в основу общего хозяйства инструменты: серп, косу, грабли и т. д. [4; 58]).

В. Н. Майнов оставил сообщение о существовании у вепсов со стародавних времен «обычая вносить калым за невесту; калым этот доходит до 10 рублей (и более) и передается на руки тестю, который однако никогда не оставляет деньги эти у себя, а по возвращении от венца всегда

© Большакова А. В., 2013

возвращает калым дочери – “на обзаведенье”. Калым этот носит на чудском языке крайне интересное название, которое прямо указывает на значение его как платы отцу за соблюдение нравственности дочери; “verehiine velg” значит собственно “кровавый долг”, быть может в смысле платы за отчуждение одной из кровных, а быть может также за акт пролития крови» [14; 25]. В севернорусской традиции с подобной целью выкуп не выплачивался, но существовал обычай денежной помощи со стороны жениха. Чаще всего деньги шли на свадебные расходы [12; 130].

На второй день после свадьбы во время проведения церемонии «княжеский стол» молодая жена одаривала новых родственников подарками, изготовленными собственными руками, – рубашками, полотенцами и пр. При подсчете денежного эквивалента всех даров, преподносимых невестой родне мужа в начале XX века, получается довольно внушительная сумма – около 42 рублей 75 копеек [6; 132–134] (не считая полотенец). За свою работу девушка сама же получала деньги в помощь из рук одариваемых. Они шли на хозяйственные нужды молодой семьи. Родители невесты, приезжавшие в дом новобрачных через трое суток для того, чтобы передать приданое дочери, могли одарить ее деньгами, если были достаточно обеспечены [7; 123].

Замужняя женщина-вепсянка выходила из родной семьи в семью мужа под покровительство его самого и его родителей. В большой вепсской семье все имущество считалось собственностью всех ее членов [18; 406]. Безусловное право распоряжения общесемейным имуществом принадлежало главе семьи, старшему мужчине – ижанду (большаку, хозяину). Его власть была почти неограниченной. Он распределял членов семьи по работам, отправлял на отхожие промыслы, собирал и контролировал заработанное другими членами семьи [16; 160]. Обладание большим количеством материальных ценностей обеспечивало высокий статус мужчины в обществе, уважение соседей-односельчан, поэтому «больше всего крестьянин гордился богатством и к этому больше всего стремился» [3; 23].

Связь с капиталистически развитыми районами со временем становилась более тесной. В начале XX века значение трудоемкого подсечного земледелия стало падать, напротив, значение отхожих промыслов в хозяйстве большой семьи стало возрастать. В самой вепсской деревне складывались буржуазные отношения. Работавшие по найму мужчины-вепсы возвращались домой с заработанными деньгами, затронутые влиянием капиталистического общества, у них зрело недовольство властью хозяина – ижанда. Все это вело к более частым разделам больших семей [16; 160].

В традиционной культуре вепсов важное место занимала поземельная община, отличавшаяся некоторыми своеобразными чертами: общинное владение землей и частное землепользование (участки земли наследовались); отсутствие общих переделов земли при частичных переделах; отсутствие круговой поруки; свободный уход членов общины на заработки; сходы собирались не чаще одного раза в год. На сходах избирались десятские, сборщики налогов и писарь (староста назначался волостным правлением), раскладывались налоги, выделялись участки для постройки домов, решались вопросы о ремонте церкви и т. д. [16; 160].

Женщина не являлась самостоятельным полноправным членом общины, не имела в собственности земли, но могла принимать участие в дележе участков при частичных переделах, спровоцированных в том числе распадами больших семей. Один из таких дележей, происходивших в Тихвинском уезде Новгородской губернии, описывает Не-Садко: «В дележе, который мне пришлось наблюдать, участвовали четверо: 2 женщины, мужик и старик. Им четверым, по дележу общества, достался угол, и они этот угол делят уже между собой; угол, в свою очередь, разбит ими на 2 участка. На каждых двух, участвующих в дележе, приходилось по одному участку; предстояло решить: которая из двух сторон владеет тем или другим участком. Долго и горячо об этом спорили, но, по-видимому, не пришли ни к какому соглашению... так как старик, сделав два жребия из деревянной палочки и расколов каждый надвое, две половинки бросил на пол, а две других, на которых были отмечены тот и другой участок лядин, оставил у себя. Поспорили еще немного, одна из женщин, перекрестившись, поднимает с пола один из жребьев, и тогда старик показывает ей соответствующую половинку жребья, на которой отмечены доставшиеся ей лядины, после чего все споры прекратились и оживление деливших сменилось обычной апатией, говорящей о глухой покорности судьбе» [15; 3–4].

Этот эпизод может говорить о том, что женщина принимала участие в дележе земли, но не как хозяйка, а как «рука Бога». Тот жребий, который вытащила, перекрестившись, женщина, указал волю провидения для всех четверых, а женщина явилась проводником этой воли, которую приняли как данность двое соперников – мужчин.

Как бы ни была велика власть ижанда над имуществом семьи, это право не распространялось на приданое жены и невесток: собственность хозяйки ни муж, ни дети, ни родственники не могли продать, подарить или зарезать (скот) без ее разрешения. Тем не менее вепсская женщина в браке крайне редко могла иметь собственность, кроме полученной в приданое. Полагалось, что она как существо неразумное не может быть самостоятельной в имущественных вопросах.

Источники начала XX века отмечают, что вепсские женщины, как и русские, часть изго-

товленного своими руками за долгую зиму (пряжа, нитки, холст, вязаные чулки, белье и пр.), шерсть, яйца могли продать: «Вся выручка от продажи этих вещей составляет неотъемлемую собственность женщины, огражденную обычаем от всяких посторонних покушений» [11], [19]. На вырученные деньги женщины покупали наряды, посуду [3; 3].

Моментом истины для определения семейного уклада в любом обществе является развод. В традиционном вепсском обществе, признававшем только венчанный церковный брак и осуждавшем свободное сожительство, развода в юридическом смысле не существовало. Если и прибегали к расторжению брака, то очень редко и только на время: «Бывает, муж переменит обращение, а бывает иначе: как-нибудь поспорят, жена и уйдет. Друга думает, что муж будет просить вернутцы обратно, а он и не подумает, и возьмет себе другу бабу» [8; 73]. Разводились редко: мужчина терял рабочие руки, но если жить под одной крышей представлялось невозможным, расходились помимо церкви и помимо гражданской власти по взаимному соглашению. Это свидетельствует о том, что каноническое представление о природе брака как о таинстве еще недостаточно укрепилось в правосознании населения. В браке и разводе по взаимному согласию еще усматривается частноправовой договорный элемент. Необходимо отметить, что развод по взаимному согласию прямо запрещается статьей 46 Законов гражданских, опубликованных в Своде законов Российской империи в начале XX века [5; Ст. 46].

Для женщины развод был гораздо более сложным и предосудительным делом, нежели для мужчины. Общество критично относилось к разведенным и к тем, из-за кого разводились супруги. Однако в результате развода право жены на приданое вступало в силу, и она возвращалась в родительский дом.

После смерти мужа вдова имела право получить приданое в натуре или его полную стоимость, если она уходила из семьи мужа [17; 217]. Бездетная вдова имела право претендовать и на «пожилое» – заработок за прожитые в семье мужа годы, так как в этом случае она рассматривалась лишь как наемная работница. Имущественные права замужней женщины в традиционном вепсском обществе были сопоставимы с правами примака. В случае смерти жены примак имел право лишь на получение своего «приноса», который фактически приравнивался к приданому девушки, а также на пожилое [17; 217].

У вепсов семья была не только брачным и родовым, но и трудовым союзом, обладающим семейным имуществом, все члены мужского пола которого имели право на долю в общей собственности. Женщина-вепсянка не имела права на долю общесемейного имущества: при его разделе учитывался в первую очередь мужской состав по нисходящей линии родства. Женщины могли участвовать в коллективном пользовании наравне с другими членами семьи, распоряжаться своим приданым и имуществом, произведенным лично в результате эксплуатации движимой собственности или полученным в дар. В некоторых случаях женщины имели право на распоряжение семейным имуществом (вдова ижанда). Их имущественные права были защищены обычаем.

Под влиянием социально-экономических и политических преобразований второй половины XIX – начала XX века в семейном укладе вепсов происходили изменения. Наблюдается постепенная трансформация статуса и роли женщины, что было связано с ростом числа малых (нуклеарных) семей на фоне уменьшения количества больших и неразделенных семей, в результате чего главами женской части дома становились еще достаточно молодые женщины, которые могли заниматься хозяйственными делами без оглядки на старших невесток и свекровей. В связи с активным участием мужчин в отхожих промыслах женщины стали играть основную роль в земледелии, выступая хранительницами основ традиционного хозяйства вепсов, что отразилось и на их имущественном положении.

ИСТОЧНИКИ

1. Баранова А. А. Полевой дневник научной экспедиции в Тихвинский район Ленинградской области. Июль 1974 года // Научный архив Российского этнографического музея. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1774. 96 л.
2. Волков Н. Н. Зимние занятия вепсов. Ребоконецкий лесопункт. Капшинский район Ленинградской области. Полевые записи; 1940 г. // Архив Музея Антропологии и этнографии имени Петра Великого. Ф. 13. Оп. 1. Д. 13. 20 л.
3. Лескова А. В. О чухарях // Научный архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 2. Д. 373. 96 л.
4. Отчет Логинова К. К. по этнографической экспедиции в Ленинградскую область, Бокситогорский район, Сидоровский сельский совет (южные вепсы) – 1978 г. // Архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 50. Д. 482. 78 л.
5. Свод законов Российской империи. Законы гражданские. Т. 10. СПб., 1916.
6. Скородумов Е. В. Свадебный обряд вепсов. Статья. Машинопись (1928–1930) // Архив Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. Ф. 13. Оп. 1. Д. 24. 140 л.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

7. Анхимова Н. А. Материалы по свадебной обрядности северных и средних вепсов (конец XIX – начало XX в.) // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1999. С. 114–123.
8. Борисова А. Взаимоотношения полов у чухарей // Старый и новый быт. Л.: Госиздат, 1924. С. 59–80.
9. Вепсско-русский, русско-вепсский учебный словарь. Петрозаводск: Карелия, 1995. 191 с.
10. Горб Д. А., Засецкая М. Л. Трудовое воспитание у прибалтийско-финских народов Северо-Запада СССР // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР: В 2 ч. Ч. 1. Л.: Музей этнографии народов СССР, 1991. С. 5–17.

11. К у з н е ц о в В. К. Работы крестьянского населения Олонецкой губернии в осенне-зимний период // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 67. С. 2.
12. К у з н е ц о в а В. П. Вепсско-русские параллели (на материале свадебной обрядности) // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты / Под ред. И. Ю. Винокуровой. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1999. С. 126–147.
13. Л и н е в с к и й А. М. Очерки по истории Древней Карелии. Ч. 1. Петрозаводск, 1940. 132 с.
14. М а й н о в В. Н. Приоятская чудь (Весь – Вепсы) // Древняя и Новая Россия. 1887. Т. 2. № 6. С. 133–143.
15. Н е -С а д к о . Чухари // Новгородская жизнь. 1909. № 94. 29 ноября. С. 3–4.
16. П и м е н о в В. В. Поездка к прионежским вепсам // Советская этнография. 1957. № 3. С. 158–163.
17. П и м е н о в В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л.: Наука, 1965. 264 с.
18. Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. 671 с.
19. Ш а й ж и н Н. Семейный и общественный быт населения Олонецкого края // Олонецкие губернские ведомости. 1908. № 97. С. 2.

Bol'shakova A. V., Boksitogorsk Institute (Branch) of Pushkin Leningrad State University (Boksitogorsk, Russian Federation)

FEMALE PROPERTY RIGHTS IN TRADITIONAL VEPSIAN SOCIETY

The article gives a general overview of the specific characteristics of property rights, which a woman in the traditional culture of «veps» (a numerically small ethnic group in the North-West of the Russian Federation) had. The research is based on the data stored in the Scientific Archive of the Russian Ethnographic Museum (Saint-Petersburg), the Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Saint-Petersburg), the Archive of the Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk) and on the preceding historical-ethnographical studies.

Key words: history of Karelia, history of Leningrad region, gender history, «veps» woman, legal status of a woman, customary law, traditional society, family property

REFERENCES

1. B a r a n o v a A. A. Field Book of Scientific Expedition in Tikhvin District of Leningrad Region. July 1974 // Scientific Archive of Russian Ethnographic Museum. F. 2. C. 1. 1774. 96 p. (In Russ.)
2. V o l k o v N. N. Winter Employments of "Veps". Logging Depot. Kapshinskiy of Leningrad Area. Field Records. Year 1940 // Archive of Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great. F. 13. C. 1. D. 13. 20 p. (In Russ.)
3. L e s k o v a A. V. About the Men of Finno-Ugric Origin // Scientific Archive of Russian Ethnographic Museum. F. 1. C. 2. D. 373. 96 p. (In Russ.)
4. A report of Loginov K. K. on Ethnographic expedition to Leningrad region, Boksitogorsk district, Sidorovskiy Village Soviet (South Vepsian). 1978 // Archive of Karelian Scientific Centre of the Russian Academy of Science. F. 1. C. 50. D. 482. 78 p. (In Russ.)
5. Statute-book of the Russian Empire. Civil Laws. V. 10. Saint-Petersburg, 1916. (In Russ.)
6. S k o r o d u m o v E. V. Marriage Rite of Vepsians. Article. Typing (1928–1930) // Archive of Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great. F.13. C. 1. D. 24. 140 p. (In Russ.)
7. A n k h i m o v a N. A. Materials on a Wedding Rite of the North and Middle Vepsians (end of the XIX – beginning of the XX century) [Materialy po svadebnoy obryadnosti severnykh i srednikh vepsov (konets XIX – nachalo XX veka)]. *Vepsy: istoria, kul'tura i mezhetnicheskie kontakty* [Vepsians: history, culture, and intercultural contacts]. Petrozavodsk, Kazan branch of the Academy of Science in the USSR, 1999. P. 114–123.
8. B o r i s o v a A. Gender interrelation of people of Finno-Ugric origin [Vzaimotnosheniya polov u chukharei]. *Staryi i novyi byt* [Ancient and Modern Culture]. Leningrad, Gosizdat Publ., 1924. P. 59–80.
9. *Vepssko-russkiy, russko-vepskiy uchebnyi slovar'* [Vepsian-Russian, Russian-Vepsian Learner's Dictionary] / Petrozavodsk, Karelia Publ., 1995. 191 p.
10. G o r b D. A., Z a s e t s k a y a M. L. Trudovoe vospitanie u pribaltiysko-finskikh narodov Severo-Zapada SSSR [Labour Nurturing of the Baltic-Finnic nation in the North-West of the USSR]. *"Mir detstva" v traditsionnoy kul'ture narodov SSSR* ["The World of Childhood" in traditional culture of people in the USSR: In 2 vol. Vol. 1]. Leningrad, 1991. P. 5–17.
11. K u z n e t s o v V. K. Labour of Peasant Population in Olonetskaya Guberniya in Autumn and Winter Period [Trudovoe vospitanie u pribaltiysko-finskikh narodov Severo-Zapada SSSR]. *Olonetskiy Gubernskie Vedomosti*. 1902. № 67. P. 2.
12. K u z n e t s o v a V. P. Vepsian-Russian parallels (Materials of Marriage Rites) [Vepssko-russkie paralleli (na materiale svadebnoi obryadnosti)]. *Vepsy: istoriya, kul'tura i mezhetnicheskie kontakty* [Vepsians: history, culture, and intercultural contacts]. Petrozavodsk, Kolskiy Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 1999. P. 126–147.
13. L i n e v s k i y A. M. *Ocherki po istorii drevney Karelii* [Essays on history of Ancient Karelia]. Vol. 1. Petrozavodsk, State Publishing House Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic, 1940. 132 p.
14. M a i n o v V. N. Prioiatska Chude («Veps» – Vepsians) [Prioyatskaya chud']. *Drevnyaya i novaya Rossiya* [Ancient and Modern Russia]. 1887. Vol. 2. № 6. P. 133–143.
15. N e -S a d k o . The Man of Finno-Ugric Origin [Ne-Sadko. Chukhari]. *Novgorodskaya xhizn'* [Novgorod Life]. 1909. № 94. November 29. P. 3–4.
16. P i m e n o v V. V. Journey to Onega Vepsians [Poezdka k prionezhskim vepsam]. *Soviet ethnography*. 1957. № 3. P. 158–163.
17. P i m e n o v V. V. *Vepsians. Vepsy. Otcherk etnicheskoy istorii i genezisa kul'tury* [Essay of Ethnic History and Genesis of Culture]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. 264 p.
18. *Pribaltiysko-finskie narody Rossii* [Baltic-Finnish nations of Russia]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 671 p.
19. S h a i z h i n N. Family and Social Life of Population in Olonetskaya
area [Semeynyi i obshchestvennyi byt naseleniya Olonetskogo kraya]. *Olonetskie gubernskie vedomosti*. 1908. № 97. P. 2.

Поступила в редакцию 04.10.2011

Февраль, № 1 **Педагогика** **2013**

УДК 37(09)

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА РАДУЛ
кандидат педагогических наук, профессор кафедры дошкольного и начального образования факультета педагогики и психологии, Кировоградский государственный педагогический университет им. Владимира Винниченка (Кировоград, Украина)
pposp08@i.ua

ПОБРАТИМСТВО И ПОСЕСТРИНСТВО КАК ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН VI–XIII ВЕКОВ

Изучение воспитания в древние периоды отечественной истории усложнено небольшим количеством письменных источников этого периода. Реконструировать процесс воспитания у восточных славян возможно прежде всего с помощью интеграции этнографии и фольклористики. В исследовании таких форм общественного воспитания детей, как побратимство и посестринство, союзы ровесников, использовались этнографические материалы, собранные учеными XIX века – П. В. Киреевским, И. М. Снегиревым, А. Коринфским, В. В. Боржковским, Н. Ф. Сумцовым, Н. Н. Чернышевым и др., и исследования XX века – В. П. Аникина, А. Дэя, С. Килимника, Р. С. Липец, Н. В. Новикова, В. К. Соколовой. Возникновение детских объединений относится к эпохе разложения первобытного строя, возникновения военной демократии, соседской территориальной общины. С одной стороны, эти объединения были трансформацией различных половозрастных групп, с другой – создавались на совсем иной, неродственной, основе. Они объединяли детей отроческого и юношеского возраста, что нашло отражение в древнерусских былинах, сказках, веснянках, песнях-хороводах. Организация этих товариществ сопровождалась обрядами, некоторые из них зафиксированы в былинах, а также частично в фольклоре русских, украинцев и белорусов, что свидетельствует о давности этой традиции, существовавшей до XIII–XIV веков.

Ключевые слова: воспитание, восточные славяне IV–XIII веков, детские объединения, побратимство, посестринство

К древним периодам отечественной истории воспитания, в частности периоду VI–XIII веков, обращалось не так много исследователей. Трудность их изучения заключается прежде всего в небольшом количестве письменных источников, при этом в них только косвенно упоминаются верования, быт, обряды, образ жизни, занятия восточных славян. Среди небольшого количества работ можно выделить несколько: «Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв.» (1985), учебное пособие «История педагогики. Воспитание и образование в России (X – начало XX века)» Д. И. Латышиной (1998), «Українська етнопедагогіка в її історичному розвитку» Е. И. Сявавко (1974). В этих работах есть отдельные разделы, посвященные истории воспитания и средствам народной педагогики.

Восстановить процесс воспитания у древних славян можно на основе интеграции нескольких наук – истории, археологии, этнографии, фольклористики, истории культуры и др. Исследование вопроса о формах общения детей отроческого возраста возможно прежде всего на основе объединения этнографии и фольклора. Исторически их взаимосвязь сложилась в результате того, что у бесписьменных народов фольклор есть важнейший компонент общественного сознания.

На существование у древних славян таких форм детского общения, как побратимство, посестринство, союзы ровесников, молодежные объединения, отряды отроков-воинов, местных князей, обратили внимание ученые, этнографы XIX века – Ф. И. Буслаев, Ф. К. Волков, Н. Ф. Сумцов, В. В. Боржковский, Н. Н. Чернышев и др. Так, Ф. И. Буслаев говорил о том, что кроме кровного родства у славян существовали условные, духовные родственные отношения, в том числе и побратимство [4; 312–313].

Смена родовых отношений отношениями случайно объединенных людей характерна для эпохи разложения первобытного строя, возникновения военной демократии (вождизма, чифдома), отрицавшей основы родового строя, для периода объединения родов в племена, на этапе возникновения соседской территориальной общины. Детские объединения также организуются не по родственному принципу, а на основе симпатий, но эти узы, объединявшие побратимов, часто были более сильными, чем родственные отношения. С одной стороны, эти товарищества были трансформацией различных половозрастных объединений, существовавших в первобытном обществе, а с другой – они создавались на иной основе. Внесемейные формы общения возникают у детей отроческого и юношеского возраста. Согласно народной педагогике восточных славян VI–XIII веков, подростковый (отроческий) возраст охватывал детей в возрасте 7–14 лет, юношеский («парубочий») – неженатых и незамужних молодых людей.

© Радул О. С., 2013

Одним из источников изучения побратимства у древних славян является фольклор. Так, этнограф Ф. К. Волков в статьях 90-х годов XIX века, посвященных явлению побратимства на территории Украины, обратил внимание на его отражение в былинах, сказках, пословицах. Об этом писал в работе «Современная малорусская этнография» Н. Ф. Сумцов [16; 90].

Явление побратимства в былинах изучала исследовательница древнерусского фольклора Р. С. Липец. Она обратила внимание на то, что в былинах устойчивы пары богатырей-побратимов: Илья Муромец и Добрыня, Добрыня и Алеша Попович и др. Каждый из них называется «братом названым» или «крестовым». В то же время из двух побратимов один занимает несколько подчиненное положение, как бы младшего брата. Во время военных действий такие побратимы неразлучны и должны выручать друг друга в минуту опасности, в частности об Алеше Поповиче и Екиме Ивановиче поется: «Оне ездят, богатыри, плеча о плечо, Стремяно в стремяно богатырское». Выражение «ездить у стремяни» в древнерусских письменных памятниках обозначает и союз, и какие-то отношения подчиненности. Былины сообщают, что побратима нельзя было убить, что желание побратима было законом для другого [8; 84–85].

Организация этих товариществ сопровождалась определенными обрядами. Древнерусские былины зафиксировали отдельные из них. Так, для осуществления акта побратимства между русскими богатырями достаточно было обменяться нательными крестами, что указывает на соединение древних традиций и христианских. В других вариантах обменивались конем и платьем: «Да конями с Чурилом-то поменяносе, Да цветным-то платьем побратаносе» [8; 85].

Традиции побратимства у восточных славян сохранялись на протяжении многих веков и существовали в отдаленных регионах Украины, России, Белоруссии еще в XIX веке. Модели совершения обрядов побратимства зафиксированы этнографами. Наиболее древним способом братания было заключение союза между ровесниками путем обмена горстями земли. Земля у славян символизировала силу взаимной клятвы и верности слову. Горсть земли зашивали в ладанку и носили на шее, в чем проявлялась связь обычая с языческими верованиями [9; 19].

Один из вариантов побратимства описал И. Франко, наблюдавший его среди молодых пастухов в горных карпатских селениях. Дети брали палку, разрезали ее вдоль на половинки, делали на них зарубки, в которые вкладывали несколько зерен. Потом соединяли половинки, брались за палку и говорили: «Побратим?» – «Побратим» – «До какого времени?» – «До гробовой доски». С этой минуты подростки обращались друг к другу на «вы», называли себе побратимами, братанами, помогали друг другу во всем [2; 65].

На Украине в XIX веке сохранялся обряд «коронования» – принятие подростка в парубоцтво. Молодежь собиралась в определенном месте. Подросток, желавший стать членом товарищества, кланялся им. После этого его поднимали вверх и пели величальную песню. Коронованный садился в круг новых товарищей и угощал их. Прием в товарищество обозначался допущением вступившего к общей работе с последующим угощением в его честь [3], [15; 38–39]. Н. Ф. Сумцов обратил внимание на то, что, во-первых, древним проявлением культуры в этом обряде выступает факт вступления в парубоцтво, отвечающий возрастным инициациям. Во-вторых, древность этого обряда подтверждает способ принятия подростка и само название «коронование». Ученый относит его ко временам «удельно-вечевой Руси, а может быть и более древней Руси, разделенной на мелкие племенные особи», когда при выборе князя его поднимали вверх и пели величальные песни [15; 39]. Эту же точку зрения отстаивал и этнограф Н. Н. Чернышев. По его мнению, если взять во внимание всю сумму характерных парубоцтву прав и обычаев, возникновение «парубоцтва» как общественной группы должно быть отодвинуто в несравнимо более отдаленное прошлое, выходящее за пределы исторического. Ученый добавлял, что сравнительно-этнографические исследования этого вопроса подтверждают эту мысль [17; 492].

Все эти примеры свидетельствуют о том, что отношения древнерусского побратимства были новыми, потому что формировались не по принципу родства, обряд же при этом использовался древний.

Древнерусские былины указывают на то, что побратимами, членами молодежных товариществ были ровесники, подростки и юноши одного возраста. Некоторые герои былин набирают себе дружину ровесников с 12 или 15 лет, что, в свою очередь, подтверждает существование в древнерусском обществе подростковых объединений отроков-воинов. Например, в наиболее архаичной былине сообщается:

Стал себе Волох он дружину прибирать,
…Он набрал дружину себе семь тысяч тысячей;
Сам он, Волох, в пятнадцать лет,
И вся его дружина по пятнадцати лет [8; 98].

Р. С. Липец акцентирует внимание на том, что молодые воины-дружинники и внешне похожи между собой во всем [8; 98]:

Прибирал он дружью-то, дружины всё хоробрыя,
Шьтобы были всё да одного росту,
А да голос к голосу да волос к волосу.
А ис тридцать тысяч только выбрал триста добрых молодцов.

Вся дружина одета в одинаковые платья, ездит на конях одной масти и т. п.

Эти же черты отмечены и в русских сказках, где речь идет о 12 молодцах. Например, в сказке из собрания А. Н. Афанасьева «Вещий сон» (№ 91): «Иван купеческий сын набрал себе товарищей, и было всех их с Иваном двенадцать человек, а похожи друг на дружку словно братья родные – рост в рост, голос в голос, волос в волос. Нарядились они в одинаковые кафтаны, по одной мерке шитые, сели на добрых коней…» [10; 261], в сказке «Хитрая наука» (№ 97): «…двенадцать добрых молодцев – рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо, словно одна мать родила» [10; 261, 279].

Дружина молодых отроков-воинов, возглавляемая юношей того же возраста, широко известна по историко-этнографическим материалам и эпосам разных народов. Она тесно связана с мужскими союзами, значение которых возросло, как уже говорилось, в эпоху военной демократии (вождизма, чифдома). Эпос воспевает дружины именно этой эпохи. Бурное развитие героического эпоса в Киевской Руси в конце I – начале II тыс. было обусловлено переломным характером этой эпохи.

Существование подростковых и юношеских объединений зафиксировано и в веснянках, например в украинской веснянке «Барвинок»:

Там на крутій горонці
З'їжджаються молодці;
Молодці ся з'їжджають,
Ворон коня сідлають.
Межи ними оден подобен,
Пусти коня сідлати,
Сам пішов зілля копати.
Роман зілля копає
Та сам його не знає.
Поніс він єго на раду,
Межи господарську громаду…
[потом] В господинську громаду. <…>
[потом] Межи дівочу громаду [6; 281–282].

В этом варианте очень выразительно отмечено, что «ворон коня седлает», что означает, что товарищество собирается в поход. Один из них «роман-зелье» копает, то есть собирается жениться. От него отрекается товарищество молодых воинов, взрослое общество его еще не принимает, а принимает женская громада. Таким образом, в этой веснянке обращается внимание на тот факт, что из юношеского объединения исключается тот, кто собирается жениться, то есть оно объединяет только холостых молодых людей, составляющих определенную возрастную группу. Кроме того, здесь зафиксировано и существование девичьего товарищества.

Меньше информации в историко-этнографической литературе об объединениях девочек-подростков и девушек. Этнографические материалы, собранные в XIX веке П. В. Киреевским, А. Коринфским, М. А. Максимовичем, И. М. Снегиревым, Н. П. Степановым и др., сообщают о такой форме посестринства, как кумление.

Обряд посестринства происходил в конце весны – начале лета, в русальную (позже – троицкую) неделю. Молодые девушки шли в лес, выбирали самую красивую березу, украшали ее разноцветными лентами, плели из цветов венок и вешали его на дерево или завивали ветви березы, образуя из них венки. Под березой водили хороводы, по очереди целовались через венок, обменивались бусами, кольцами, пели песни. Например, в Московской, Владимирской, Рязанской, Тульской губерниях в первой половине XIX века пели: «Покумимся, кума, Покумимся! Нам с тобою не браниться, Вечно дружиться» [13; 131–132]. В украинском варианте аналогичный текст: «Ой кумочки, И голубочки, Мы у лис идем, Мы кумится йдем, И покумимося, И поголубымося» [5; 23]. Белорусские девушки во время обряда кумления пели и русальные песни, например: «Русалочки, земляночки, На дуб лезли, кору грызли, Свалилися забылися» [13; 15], что подтверждает проведение обряда в русальную неделю. Все заканчивалось обрядовым общим кушаньем, причем обязательно была яичница. В некоторых случаях украшенную березку устанавливали в поле, что нашло отражение в русской песне-хороводе «Во поле береза стояла».

У русских молодых девушек обряд посестринства еще назывался крещением кукушки («кукушку крестить»). Девушки связывали две березки и пели: «Ты кукушка ряба, Ты кому уже кума? Покумимся, кукушка, Покумимся, голубушка, Чтоб нам с тобой не браниться» [12; 299].

После всех обрядовых действий молодые девушки давали друг другу слово посестринской верности. Иногда кумились не отдельные пары, а все девушки между собой и тогда заплетенный венок переходил по очереди с одной головы на другую [1; 175]. Покумившиеся девушки становились как бы кровными родственницами, обещали дружить всю жизнь. Использование березы как культового дерева у древних славян и клятва под нею означали крепость дружеских отношений, усиливали значимость обряда.

Существование одинаковых обрядов посестринства у русских, украинцев и белорусов свидетельствует о давности этой традиции, существовавшей до XIII–XIV веков. Древность обычая кумления подтверждает исследовательница русского фольклора В. К. Соколова. Она пишет, что кумление на семик восходит к обрядам родового строя. Скорее всего это было принятием в род, признанием его полноправными членами девушек, достигших определенного (брачного) возраста, своеобразная инициация. Кумовство – посестринство скрепляло половозрастной союз [14; 200].

Об архаичности этих обрядов свидетельствует наличие в песнях аграрно-магического со-

держания. Например, в Вологодской губернии девушки под березами пели:

Где девки шли,
Сарафанами трясли –
Тут рожь густа,
Умолотиста, уколосиста:
С одного то колоска
Умолотишь три мешка [14; 210–211].

Существование девичьих объединений подтверждают сказки восточных славян, в которых говорится о девичьих царствах, девушках-богатыршах. По мнению Н. В. Новикова, эти сказки имеют историческую основу, относящуюся к отдаленной эпохе матриархата [11; 74]. В ряде сказок упоминается о двенадцати сестрах. Птичками они прилетают в баню мыться, на берег реки купаться и т. п. и перевоплощаются в людей. Живут они в отдельном доме, как, например, в сказках «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что», «Ночные пляски» [10; № 84, 115].

Упоминание в сказках 12 сестер, 12 юношей, словно братьев родных, говорит о том, что это были не родные братья и сестры. Древнерусская семья из-за небольшой продолжительности жизни, по подсчетам археологов, могла иметь не больше 5–6 детей [7]. Следовательно, это были детские и юношеские объединения по возрасту и полу.

Детские объединения занимали важное место в общественном воспитании восточных славян. Верность клятве формировала понятие о дружбе и чести как высших моральных качествах. Очевидно, с тех давних времен возникли пословицы о дружбе, бытующие у всех восточнославянских народов: «Доброе братство дороже богатства», «С кем хлеб-соль водишь, на того и походишь», «Бой красен мужеством, а приятель дружеством», «Верну другу несть измены», «Конь до коня, а молодец до молодца» и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин В. П. Русский фольклор: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1987. 286 с.
2. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. / Сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюров. М.: Педагогика, 1985. 363 с.
3. Боржковский В. «Парубоцтво» как особая группа в малорусском сельском обществе // Киевская Старина. 1887. Т. 18. № 8. С. 765–776.
4. Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка: Учеб. пособие для студентов пед. институтов. М.: Просвещение, 1992. 572 с.
5. Дей О. Народно-пісенні жанри. Киев: Музична Україна, 1983. 176 с.
6. Килимник С. Український рік у народних звичаях в історичному освітленні: У 3 кн. 6 т. Факс. вид. Киев: АТ «Обереги», 1994. Кн. 1. 400 с.
7. Козюба В. К. Історико-демографічна характеристика давньоруської сім'ї (за матеріалами історичних та археологічних джерел) // Археологія. 2001. № 1. С. 29–41.
8. Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М.: Наука, 1969. 302 с.
9. Народная Русь (А. Коринфский, 1901). М.: Белый город, 2007. 592 с.
10. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / Сост. А. А. Горелов. Л.: Лениздат, 1983. 446 с.
11. Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974. 255 с.
12. Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом Любителей Российской Словесности при Императорском Московском Университете. Вып. 1. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1911. 125 с.
13. Снегирев И. М. Русские народные праздники и суеверные обряды. М.: Сов. Россия, 1990. Ч. 1. 160 с.
14. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начала XX в. М.: Наука, 1979.
15. Сумцов Н. Ф. Культурные переживания // Киевская Старина. 1889. Т. 27. № 10. С. 18–51.
16. Сумцов Н. Ф. Современная малорусская этнография // Киевская Старина. 1895. № 10. С. 88–96.
17. Чернышев Н. Н. К вопросу о «парубоцтве» как особой общественной группе // Киевская Старина. 1887. Т. 19. № 11. С. 491–505.

Radul O. S., Kirovograd State University (Kirovograd, Ukrain)

BROTHERHOOD AND SISTERHOOD AS FORMS OF COMMUNITY UPBRINGING OF EASTERN SLAVS IN VI–XIII CENTIES

The study of the upbringing traditions typical for ancient periods of native history is complicated by a small number of written sources of these periods. Reconstruction of the upbringing traditions practiced by the Eastern Slavs is possible, first of all, through the integration of ethnography and folklore study. Ethnographic materials collected by scientists and lovers of the antique of the XIX century: P. V. Kiriyevskiy, I. M. Snegiryov, A. Korinfskiy, V. V. Borzhkovskiy, N. F. Sumtsov, N. N. Chernushev and others. The works of the folklore scientists of the XX century: V. P. Anikin, A. Dey, S. Kilimnik, R. S. Lipits, N. V. Novikov, V. K. Sokolova were used to research such forms of upbringing as brotherhood, sisterhood, and communities of peers. The rise of the children communities dates back to the time of primitive society devolution, emergence of military democracy, and neighbourly territorial community. On the one hand, these unions were transformations of different gender groups, on the other hand, they were created on the non-kindred basis. Children communities consisted of the children of young and juvenescent age. This fact is reflected in ancient Russian heroic folk epics, fairy-tales, vesnyanki (spring folk songs) and round song-dances. Formation of these communities was accompanied by special rites, some of which were represented in Russian heroic epics and partially in Russian, Ukrainian, and Belorussian folklore, which serves as an evidence to the fact that it is a long standing tradition that existed up to the XIII–XIV centuries.

Key words: upbringing, the Eastern Slavs of VI–XIII century, children communities, brotherhood, sisterhood

REFERENCES

1. A n i k i n V. P. *Russkiy fol'klor* [Russian folklore]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987. 286 p.
2. Antologiya pedagogicheskoy mysli Drevney Rusi i Russkogo gosudarstva XIV–XVII vv. [Anthology of Ancient Russian pedagogical thought in XIV–XVII centuries]. Moscow, Pedagogika Publ., 1985. 363 p.
3. B o r z h k o v s k i y V. "Parubotsstvo" as a special group in Little Russian rural society ["Parubotstvo" kak osobaya gruppa v malorusskom sel'skom obshchestve]. *Kievskaya Starina*. 1887. Vol. 18. № 8. P. 765–776.
4. B u s l a e v F. I. *Prepodavanie otechestvennogo yazyka* [Teaching home language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1992. 572 p.
5. D e j O. *Narodno-pisenni zhanri* [Song folk genres]. Kiev, Muzichna Ukraïna Publ., 1983. 176 p.
6. K i l i m n i k S. *Ukrains'kiy rik u narodnikh zvichayah v istorichnomu osvitlenni* [Ukrainian year in folk customs in hisrorical light]: In 3 books. Vol. 6. Kiev, AT "Oberegi" Publ., 1994. Book 1. 400 p.
7. K o z y u b a V. K. Hisrorical and demographical characteristics of ancient Russian family (on historical and archeological sources) [Istoriko-demografichna harakteristika davn'orus'koy sim'i (za materialami istorichnikh ta arkheologichnih dzherel)]. *Arkheologiya*. 2001. № 1. P. 29–41.
8. L i p e t s R. S. *Epic and Ancient Russia* [Epos i Drevnyaya Rus']. Moscow, Nauka Publ., 1969. 302 p.
9. *Folk Rus' (A. Korinfskiy, 1901)* [Narodnaya Rus' (A. Korinfskiy, 1901)]. Moscow, Belyi gorod Publ., 2007. 592 p.
10. *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva* [A. N. Afanasiev's folk Russian fairy-tales]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1983. 446 p.
11. N o v i k o v N. V. *Obrazy vostochnoslavyanskoj volshebnoy skazki* [Images of Eastern-Slavic magic fairy-tales]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 255 p.
12. *Pesni, sobrannye P. V. Kireevskim* [Songs, collected by P. V. Kireevskiy]. Issue 1. Moscow, Pechatnya A. I. Snegirevoy, 1911. 125 p.
13. S n e g i r e v I. M. *Russkie narodnye prazdniki i suevernye obryady* [Russian folk holidays and superstitious ceremonies]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1990. Ch. 1. 160 p.
14. S o k o l o v a V. K. *Vesenne-letnie kalendarnye obryady russkikh, ukraintsev i belorusov XIX – nachala XX v.* [Spring and summer calendar ceremonies of the Russians, Ukrainians, and Belorussians in XIX – beginning of XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1979.
15. S u m t s o v N. F. Culture experience [Kul'turnye perezhivaniya]. *Kievskaya Starina*. 1889. Vol. 27. № 10. P. 18–51.
16. S u m t s o v N. F. Modern Little Russian ethnography [Sovremennaya malorusskaya etnografiya]. *Kievskaya Starina*. 1895. № 10. P. 88–96.
17. C h e r n y s h e v N. N. On the question of "parubotstvo" as a special social group [K voprosu o "parubotstve" kak osoboy obshchestvennoy gruppe]. *Kievskaya Starina*. 1887. Vol. 19. № 11. P. 491–505.

Поступила в редакцию 19.12.2012

Февраль, № 1 **Педагогика** **2013**

УДК 378

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ШИЯН
доктор педагогических наук, профессор кафедры физики, информатики и информационных технологий факультета физико-математического образования, информатики и программирования, Мурманский государственный гуманитарный университет (Мурманск, Российская Федерация)
nv-shiyan@mail.ru

ЛЮБОВЬ ВЯЧЕСЛАВОВНА ЛУКОЯНОВА
аспирант кафедры экономики Института экономики, управления и международных отношений, Мурманский государственный технический университет (Мурманск, Российская Федерация)
Lukoyanova.LV@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ НАУЧНОГО УРОВНЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

Сегодня в нашей стране отмечается недостаточное понимание важности естественнонаучного образования (ЕНО). В результате число часов, выделяемое на преподавание естественно-научных дисциплин в школах и вузах, уменьшено; сокращены объемы подготовки специалистов естественнонаучного профиля для научной, технической и педагогической сфер деятельности. В условиях дефицита учебного времени эффективным средством повышения уровня ЕНО является мобилизация внутренних ресурсов образовательного учреждения, развитие инновационных процессов, создание и внедрение новых методик и технологий обучения. Современные цифровые информационные технологии предоставляют богатый набор средств для разработки новых педагогических методов и приемов, организации и структурирования учебной информации, стимулирования и поддержки самостоятельной деятельности обучающихся, а также улучшения места и роли преподавателя в учебном процессе. Поэтому в практике преподавания мы уделяем максимум внимания следующим направлениям: использованию возможностей современных мультимедийных технологий для предъявления образовательной информации (с использованием компьютерной анимации, средств цифрового видео и звукозаписи; средств компьютерного моделирования; возможностей обучающего диалога с компьютером, деловых игр и т. п.); инновационной деятельности преподавателя в использовании компьютерных технологий и коммуникаций для создания условий включения студентов в активный, добровольный, творческий процесс формирования знаний и обобщенных способов деятельности. Исследование показало, что включение инновационных ресурсов в образовательную среду обучаемого способствует повышению эффективности и научности учебного процесса, обеспечивает глубокую работу мысли студента, повышает научный уровень естественно-научного восприятия изучаемого вопроса.

Ключевые слова: модернизация, инновационное обучение, инновационная деятельность преподавателя вуза, современные технологии

В нашей стране с богатейшими традициями и достижениями в области изучения естественнонаучных дисциплин [1] сегодня недостает понимания важности естественно-научного образования (ЕНО). Следствием этого является снижение его уровня, в частности, за счет сокращения объемов подготовки научных и технических кадров и уменьшения количества часов на преподавание естественно-научных дисциплин. По мнению В. Г. Разумовского, «сокращение в несколько раз количества часов на естественно-научные предметы означает в будущем лишение квалифицированных преподавательских кадров, которые создаются десятилетиями. Поэтому результат планируемого тотального разрушения, в частности физического образования, может оказаться необратимым, что нанесет непоправимый ущерб интеллектуальному потенциалу страны в целом и поставит Россию на обочину цивилизации» [2].

В сложившихся условиях эффективным средством повышения уровня ЕНО является мобилизация внутренних ресурсов образовательного учреждения, развитие инновационных процессов, создание и внедрение новых методик и технологий обучения, обеспечивающих достижение наибольшего эффекта в условиях дефицита учебного времени. Именно современные цифровые информационные технологии предоставляют богатый набор средств для разработки новых педагогических методов и приемов, организации и структурирования учебной информации, стимулирования и поддержки самостоятельной деятельности обучающихся, а также совершенствования места и роли преподавателя в учебном процессе [3]. В этой связи в своей педагогической практике мы уделяем максимум внимания следующим четырем аспектам влияния новых технологий на развитие инновационных процессов в системе ЕНО.

Первый аспект связан с методической системой обучения, общая направленность которой определяется возможностью представления

© Шиян Н. В., Лукоянова Л. В., 2013

информации в различных формах и с разными мультимедийными эффектами: графическими, звуковыми и видео, компьютерного моделирования, обучающего диалога с компьютером, деловых игр и т. п.

Основу деятельности преподавателя естественно-научных дисциплин составляет чтение лекций и проведение практических занятий. Учебное время лекций можно использовать наиболее эффективно, если, применяя самые современные технические инновации, опереться на важные психологические механизмы – ассоциацию и визуализацию, и основными видами деятельности избрать восприятие, осмысление, запоминание и впоследствии воспроизведение.

Современные инновационные технологии позволяют визуализировать лекционный материал демонстрацией работы не только реальных объектов, но и их компьютерных моделей. Например, при изучении устройства и работы двигателя внутреннего сгорания (ДВС) наряду с показом натурной модели, демонстрирующей работу одного цилиндра с поршнем, мы показываем и комментируем анимацию работы четырехцилиндрового ДВС. На семинарских занятиях разбираем интересные анимации, которые показывают устройство и принцип действия других конструкций тепловых двигателей, например устройство и работу роторного ДВС Ванкеля.

Флэш-анимации – один из современных способов обеспечения наглядности, научности и доступности изложения изучаемого материала. Так, при объяснении принципа действия устройств, объектов и сооружений, работу которых невозможно моделировать натурно, в условиях аудитории и лаборатории (атомные станции, цепные ядерные реакции, процессы микромира, работа Большого адронного коллайдера и др.), мы широко используем на лекциях демонстрации анимаций, выложенных в свободном доступе на интернет-сайтах:

1. Как работает АЭС (http://www.youtube.com/watch?v=67xfxUNcS60&feature=related).
2. Работа атомного реактора (http://www.youtube.com/watch?v=3wjMoYUpUZQ&feature=fvwrel).
3. «Ядерные реакции». Первая часть рассказывает о превращении атомных ядер и о делении ядер урана, вторая – о ядерных реакторах, термоядерных реакциях и о применении ядерной энергии (http://www.youtube.com/watch?v=ZhA1esNC8QU).
4. Большой адронный коллайдер (http://www.youtube.com/watch?v=YtwId_TvCnI&feature=related).

В современных условиях ушли в прошлое демонстрации на лекциях классических учебных фильмов, им на смену пришли компьютерные видеоролики научно-популярных и учебных фильмов. Важную роль для активизации познавательной деятельности студентов играют видеоматериалы по истории науки и техники: история создания космического Бурана, экраноплана, исследование в области климатологического оружия на примере установки Харп.

К сожалению, информационная емкость лекций ограничена, а объем информации, подлежащий усвоению учащимися, постоянно растет. В этой связи в настоящее время ведущей целью обучения является развитие самостоятельной деятельности обучающегося, поэтому основными психологическими механизмами обучения становятся механизмы творческой деятельности, средствами которых служат выдвижение и анализ проблем, анализ нестандартных задач и ситуаций, творческая дискуссия и т. п. Поэтому мы организуем самостоятельную работу студентов по получению новых знаний, используя современные телекоммуникационные возможности. Задача преподавателя – совершенствование информационной культуры студентов: формирование у них желания поделиться и обсудить полученную научную видеоинформацию. С этой целью мы даем своим студентам задания по самостоятельному поиску современных научных видеоматериалов по изучаемой теме, имеющих проблемную направленность, для обсуждения на семинарских занятиях. Например, при изучении темы «Физика атомного ядра» на семинарских занятиях:

а) разбираем видеолекцию «Ядерная энергетика России», опубликованную на сайте Открытого университета «Сколково» (http://openu.ru/event/lekciya-no1yadernaya-energetika-rossii);

б) анализируем прогнозы специалистов в телепередаче А. Гордона «Атомная энергетика к 2030 году» (http://www.youtube.com/watch?v=LdgGVmPvfns);

в) проводим творческую дискуссию после просмотра фильма «Будущее энергетики» (http://www.youtube.com/watch?v=OO8rOrfkEgM&feature=related).

Наша практика показала, что использование современных видеоматериалов и компьютерных анимаций повышает научное обеспечение учебного процесса, привлекает внимание студентов к вопросам, пробуждающим их любознательность, вызывает желание разобраться в них. Выполняемая студентами объемная работа по поиску и подбору нужного материала обеспечивает глубокую работу мысли и повышает уровень естественно-научного восприятия изучаемого вопроса. Кроме того, современные цифровые технологии дают преподавателю и студенту возможность создавать собственные видеоролики с иллюстрациями изучаемых законов, которые демонстрируются и анализируются на занятиях.

Второй аспект инновационной деятельности преподавателя заключается в использовании компьютерных технологий и коммуникаций для создания условий включения студентов в активный,

добровольный, творческий процесс формирования знаний и обобщенных способов деятельности.

Для формирования творческой активности необходимо вовлекать студентов в различные виды познавательной деятельности, направлять их творчество на изготовление современных устройств с использованием ресурсов Интернета и компьютерного моделирования.

Приведем пример из нашей практики. В Интернете размещено много информации о конструкциях самых различных технических устройств. Большой интерес у студентов вызвал видеоролик, демонстрирующий модель левитронного двигателя, ротор которого парит в постоянном магнитном поле, а электрический ток в обмотке ротора создают солнечные батареи, закрепленные на его гранях. У студентов возникло желание самим создать натурный вариант этой модели. Однако подробных объяснений конструкции найти не удалось, и им пришлось углубляться в изучение электромагнитных явлений и физических теорий. Работающая модель была продемонстрирована на студенческой конференции и вызвала живой интерес. Не меньший интерес у студентов вызвала анимация конструкции работы электрополевого двигателя Дудышева, найденная ими в Интернете. Попытка реализовать натурную модель этого двигателя не удалась. Студенты провели научную экспертизу и доказали, что принцип, заявленный изобретателем, в условиях поля тяготения неэффективен.

Подобная творческая деятельность студентов дает им возможность продемонстрировать свои знания и результаты работы своим товарищам и испытать психологическое ощущение успеха.

Третий аспект инновационной деятельности преподавателя – организация выполнения виртуального компьютерного эксперимента. Сегодня существует множество программ для выполнения виртуальных лабораторных работ, что позволяет организовать самостоятельное и безопасное выполнение учащимися лабораторного эксперимента в домашних условиях. Например, наши студенты выполняют некоторые простые лабораторные работы, используя бесплатную программу «Начала электроники». Для выполнения более сложных работ мы используем программный пакет Electronics WorkBench, который позволяет симулировать работу реальных электрических цепей с помощью компьютерных моделей. Для учебных целей может быть использована аналогичная, но бесплатная программа Qucs.

Виртуальный эксперимент дополняет натурный эксперимент, проводимый в учебной лаборатории, опытами и режимами, которые невозможно реализовать на натурном объекте. Исследуемая лабораторная установка имеет ограничения по мощности из соображений техники безопасности, из-за недостатка приборов и т. д.

Для оптимизации самостоятельной деятельности студентов при обработке результатов лабораторного эксперимента необходимо привить им культуру использования современных вычислительных пакетов: обучить работе с пакетами компьютерной математики, с электронными таблицами, научить использованию графических возможностей компьютерных программ. При изучении естественно-научных дисциплин это позволит студенту сократить затраты учебного времени на обработку результатов лабораторного эксперимента, исключив рутинную работу. Кроме того, инновационное обучение учит студентов самостоятельному построению плана действий с учетом конкретных операций, в результате чего знания, формируемые как умения, приобретаются при положительной мотивации с помощью использования эмоционального фона.

Применение инноваций при организации виртуального эксперимента решает ряд педагогических задач: обеспечивает активный диалог обучаемого не только с преподавателем, но и с динамической моделью объекта изучения; поддерживает созерцательный интерес и возбуждает эмоционально-психическую деятельность субъекта, пробуждая интерес к изучаемому явлению; формирует не только активную, но и инициативную позицию студента по отношению к исследуемому явлению.

Все это позволит студенту не просто занимать активную позицию при овладении материалом, предлагаемым стандартом, но и уметь реализовывать свои знания при изучении мира, вступать с ним в диалог, не останавливаться на найденном решении как на окончательной истине.

Четвертый аспект заключается в использовании возможностей современных технологий для коммуникации обучаемого с преподавателем, с другими обучаемыми, с информационными ресурсами просветительских и образовательных центров. Это дает импульс развитию дистанционного обучения, связывая обучаемого с университетом посредством компьютерной сети персонально либо позволяя проводить занятия в филиалах в режиме видеоконференций с участием ведущих специалистов головного вуза.

Инновационное обучение учитывает не только интеллектуальную сторону деятельности учащегося, но и эмоциональные и волевые сферы. Лишь они могут создать благоприятные условия для включения студента в учебную деятельность и успешного в ней участия.

Применение современных компьютерных и телекоммуникационных технологий в сфере образования меняет требования к квалификации преподавателя и к качеству его труда. В этих условиях преподаватель должен, во-первых, разработать содержание курса на новой технологической основе, во-вторых, помочь обучаемому сориентироваться в обширной и разнообраз-

ной учебной информации и найти подходящую именно ему образовательную траекторию, в-третьих, обеспечить активное взаимодействие обучаемого как с преподавателем, так и с другими обучаемыми в ходе обсуждения вопросов курса. Именно эти изменения, а не вытеснение преподавателей компьютерами и видеоустановками, актуальны для современного образования. При этом для каждого из основных видов преподавательской деятельности характерны специфические проблемы. Так, разработка курсов на базе новых технологий требует не только свободного владения учебным предметом, его содержанием, но и специальных знаний в области современных информационных технологий.

Успех инновационного обучения обеспечивается целым рядом факторов:

- изменением характера взаимодействия педагога и студентов;
- изменением вида учебной деятельности: наблюдения, практические действия, исследовательские формы работы преобладают над рассказом преподавателя или сопутствуют ему;
- созданием и поддержанием положительного эмоционального фона;
- обучением навыкам культуры мыслительного процесса: использование методов аналогий, синтеза и анализа, индукции и дедукции, умение систематизировать и классифицировать и т. д.

Задача педагога – включить инновационные ресурсы в образовательную среду обучаемого. Как это сделать, каждый педагог определяет исходя из своего творческого опыта и мастерства, из условий и возможностей учебного заведения и учащегося. Вместе с тем можно использовать и некоторые готовые решения и опыт.

Некоторую часть программных средств для внедрения инноваций в обучение можно найти на Федеральном портале образовательных ресурсов. Однако каждый преподаватель пополняет свою творческую лабораторию, разрабатывая собственные образовательные маршруты и привлекая к проектной деятельности своих студентов, что также является стимулом к использованию инноваций в учебном процессе. Таким образом, современные информационные технологии предоставляют богатый набор средств для разработки новых педагогических методов и приемов, организации и структурирования учебной информации, стимулирования и поддержки самостоятельной деятельности обучающихся, а также изменения места и роли преподавателя в учебном процессе.

Ученые-педагоги считают, что феномен творчества педагога рождается самой его деятельностью. Деятельность для преподавателя – это открытая система, в которой он может постоянно реализовывать свои педагогические возможности на основе современных технологий по организации самостоятельной деятельности учащихся (например, технология проектно-модульного обучения, выступающая инвариантной методической составляющей для двух уровней политехнической подготовки студентов). На основе этой технологии происходит перенос акцента на интересы обучаемого, на перестройку учебного процесса из пассивного усвоения знаний в активный процесс формирования профессиональных компетенций.

Начиная освоение инновационных технологий, преподаватель нередко осознает свою неготовность работать по-новому в изменившихся условиях, в первую очередь из-за того, что ему самому нужно глубоко освоить компьютерные технологии, а во-вторых, из-за больших затрат времени на подготовку к занятиям. Много времени уходит на поиск познавательных видеофильмов, видеороликов с учебными задачами, разработку электронных УМК и др. Тем не менее происходящие в обществе процессы стимулируют преподавателя к разным видам инновационной деятельности, так как результатом его педагогического труда является специалист, или ощутивший вкус познания и уверенность в собственных силах, или подавленный системой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новиков А. М. Развитие отечественного образования. М.: Эгвес, 2005. 176 с.
2. Разумовский В. Г. Проблемы естественнонаучного образования школьников [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.netda.ru/belka/docs/reformobraz-f.htm#2
3. Хуторской А. В. Современные педагогические инновации на уроке // Интернет-журнал «Эйдос». 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eidos.ru/journal/2007/0705-4.htm

---

Shiyan N. V., Murmansk State Humanities University (Murmansk, Russian Federation)
Lukoyanova L. V., Murmansk State Technical University (Murmansk, Russian Federation)

SOME ASPECTS OF IMPROVING SCIENTIFIC LEVEL OF EDUCATIONAL PROCESS

At present the significance of Science education is underestimated in our country. It has led to the reduction of academic hours designated for Science disciplines at schools and higher educational institutions as well as to the decrease of the number of specialists trained for scientific, technical, and pedagogical work. In conditions of learning time deficiency, effective means of increasing the level of Science education involve mobilization of internal resources of an educational institution, development of innovative processes, creation, and introduction of new teaching techniques and technologies. Modern digital information tech-

nologies provide a varied set of means for developing new pedagogical methods and techniques, for arranging and presenting educational information in a structured way, stimulating and supporting independent activities of the learner as well as enhancing the place and role of the teacher in educational process. For this reason, in teaching practice we give maximum attention to the following directions: application of modern multimedia technologies to present educational information (computer animation, digital video and sound recording, computer modelling, training dialogue with a computer, business games, etc.); teacher innovative activities connected with the use of computer technologies and communications with the aim of creating conditions for student involvement in active, voluntary, creative process of the formation of both knowledge and generalized methods of work. The study demonstrated that innovative resources, when incorporated into learner educational environment, contribute to the improvement of the efficiency and scientific character of an educational process, ensure learner's intense brainwork, and increase the level of the natural science-based perception of the issues to be studied.

Key words: modernization, innovative learning, innovative activities of higher educational institution instructor, modern technologies

REFERENCES

1. N o v i k o v A. M. *Razvitie otechestvennogo obrazovaniya* [Development of national education]. Moscow, Egves Publ., 2005. 176 p.
2. R a z u m o v s k i y V. G. *Problemy estestvennonauchnogo obrazovaniya shkol'nikov* [Problems of school education in the field of natural sciences]. Available at: http://www.netda.ru/belka/docs/reformobraz-f.htm#2
3. K h u t o r s k o y A. V. *Sovremennye pedagogicheskie innovatsii na uroke* [Modern pedagogical classroom innovations]. Available at: http://www.eidos.ru/journal/2007/0705-4.htm

Поступила в редакцию 05.06.2012

Февраль, № 1 **Филология** **2013**

УДК 81'36

АНАТОЛИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ШАРАНДИН
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (Тамбов, Российская Федерация)
sharandin@list.ru

ДИНАМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЫШЛЕНИЯ, ЯЗЫКА И КОММУНИКАЦИИ*

Динамическая теория частей речи отражает взаимосвязь и взаимодействие мышления (сознания) человека и языка как репрезентанта этого мышления в коммуникативном процессе. Это позволяет вскрыть динамические процессы в системе частей речи и объяснить с когнитивных и коммуникативных позиций наличие у них системы дискурсивных форм, не входящих в классификацию частей речи. Традиционно части речи рассматриваются как классы слов, то есть первичной является связь части речи с понятием слова. В нашем понимании первичной является связь понятия части речи не со словом, а с типом речи, с характером восприятия действительности. Части речи – это элементы членимого типа речи. Членимость высказываний обусловлена включением в их состав слов как языковых знаков. Дальнейшее представление системы частей речи строится с учетом разграничения понятий «слово» (лексема) и «форма слова», поскольку их функции принципиально различны: «слово» (лексема) объективирует окружающий нас мир, а «форма слова» – отношения между различными сторонами этого мира. Поэтому в классификацию частей речи формы слов не должны включаться. Они представляют собой когнитивно-дискурсивные образования одного слова, которые являются либо членами грамматических категорий, либо отражают взаимодействие частей речи в коммуникативном процессе.

Ключевые слова: мышление, коммуникация, части речи, иерархия частей речи, динамический подход, когнитивно-дискурсивные формы глагольного слова

Как известно, теория частей речи связана с классификационным аспектом представления лексической системы того или иного языка. При этом, по мнению Е. С. Кубряковой, «распределение слов если и не диктуется существующим положением дел в мире, то во всяком случае с ним вполне согласовано. Это значит также, что классификации в языке хранят в себе черты *естественных* классификаций» [2; 88].

Несомненно, исследователи видят в распределении слов по частям речи определенную концептуальную соотнесенность с предметами и явлениями действительности, которые отражаются и объективируются в содержании слов не зеркально, а с учетом того, что это отражение пропускается через сознание человека и, естественно, оказывается в нем преломленным, но не настолько, чтобы представить отраженную действительность в полностью искаженном виде. Поэтому по отношению к частям речи Е. С. Кубрякова предлагает термин «когнитивно-дискурсивные категории». Она пишет: «Сталкиваясь с частями речи, мы сталкиваемся с особым речемыслительным феноменом, и если в одной части термина мы хотим подчеркнуть связанность частей речи с психическими, ментальными и познавательными процессами и в первую очередь – с определенными содержательными структурами знания, то другой частью термина мы хотим отразить созданность подобных структур для их дальнейшего участия в актах коммуникации». В синтезе начал (когнитивного и коммуникативного) отражены, по мнению Е. С. Кубряковой, те факторы, которые действовали в генезисе частей речи и которые считаются главными для характеристики всей языковой системы» [2; 13].

В настоящее время в дискуссиях и работах о частях речи русского языка мы имеем *развитие* теории, связанное не столько с объектом исследования, сколько с «поворотом внимания к разным сторонам объекта», когда «происходит замена объекта исследования предметом описания» [1; 134]. В нашей статье речь идет об описании частей речи русского языка с позиций *динамического осмысления* классификационной работы нашего сознания или мышления (в рамках данной статьи понятия «сознание» и «мышление» строго не разграничиваются, хотя исследовательская ценность и значимость их разграничения в аспекте взаимосвязи с языком нами осознается (см. [3; 18–32]). Мышление (сознание), связанное с работой человеческого мозга, осуществляет процесс номинации (обозначения, называния) предметов и явлений окружающего мира, когда они выделяются и закрепляются в жизнедеятельности человека с помощью языка. Естественно, чтобы отразить многообразие и разнообразие этого мира, мышление должно быть динамическим по своей природе, обрабатывая поступающий в мозг ин-

© Шарандин А. Л., 2013

формационный поток, отражающий познание действительности.

Итак, части речи как языковое явление не могут рассматриваться вне взаимодействия языка и мышления (сознания), поскольку они представлены такими единицами, как слова, которые признаются языковыми знаками. Но в этом случае мы не должны забывать о том, что есть *слово* и **слово**. Есть *слово* как своего рода аналог того объекта действительности, обозначением которого он является, и есть **слово** как единица языка, включенная в коммуникативный процесс.

В этом плане показательно отношение исследователей к статусу такой лексической группировки, как тематическая группа. Они отмечают экстралингвистическую направленность ее содержания и считают, что слова в ней оказываются своего рода «слепками», «фотографиями» тех или иных фрагментов действительности. Например, лексический состав тематической группы «Части человеческого тела» обусловлен физиологической организацией человека, строением его тела. И собственно языковых (лексико-семантических) закономерностей, позволяющих описать связи между словами в тематической группе, по существу нет [5; 62].

С этой точки зрения лексические значения, отражающие предметы и явления окружающего мира, оказываются его репрезентантами, имеющими аналоговую, логическую форму, содержание которой связано с отражением представлений и понятий об этих предметах и явлениях действительности. Лексические значения, будучи аналогами естественных объектов, в этом случае находятся как бы за пределами языка, за пределами слова как языковой единицы.

С другой стороны, лексические обозначения, сохраняя знания о действительности, оказываются тем способом передачи знаний о действительности, который имеет языковой характер, поскольку слова включаются в коммуникативный процесс, осуществляемый когнитивно-дискурсивным способом. Именно включение в коммуникацию, представленную уже речемыслительными единицами (разными типами высказываний), позволяет слову в качестве номинативного знака реализовать свои функциональные речевые возможности, изменить статус знака вообще (семиотический статус) на статус *языкового* знака как единицы общения. И это изменение статуса слова сопровождается соотносительностью языковой формы и значения, то есть слово становится единицей языка как коммуникативной знаковой системы.

Таким образом, лексическая единица оказывается единством сознания (мышления), номинации (обозначения) и коммуникации (речевой деятельности). Причем сознание, представленное теми или иными ментальными (когнитивными) структурами, в отношении к номинации использует фонетические (звуковые) и графические механизмы оформления мыслительного содержания, тогда как в отношении к речевой деятельности реализует дискурсивные (морфолого-синтаксические) способы оформления мыслительного содержания. В первом случае мыслительное содержание не есть еще собственно языковое значение слова, оно в большей степени логическое, аналоговое, а во втором – мыслительное содержание может рассматриваться как собственно языковое значение, как собственно лексическое значение, обусловленное включением в коммуникативный процесс.

При этом важно отметить, что включение слова в состав высказывания на правах того или иного его члена не делает слово коммуникативной единицей. Оно остается номинативной единицей, а не единицей сообщения. Однако его участие в сообщении позволяет отразить динамический характер человеческого сознания, которое в этом случае способно представить объективную действительность в виде взаимосвязанных и взаимодействующих денотатов тех или иных предметов и явлений действительности, что в конечном счете дает возможность успешно решать те или иные коммуникативные задачи, добиваться определенных коммуникативных целей. Это позволяет выполнять языку присущие ему функции – как основные (номинативную, коммуникативную и когнитивную), так и дополнительные (экспрессивную, эмотивную, прагматическую, фатическую и т. д.).

Важно также отметить, что сознание (мышление) присутствует и на этапе выполнения языком номинативной (семиотической) функции, то есть в функции обозначения (называния) того или иного предмета или явления действительности, и на этапе выполнения языком коммуникативной (речевой) функции, когда называемый словом объект действительности включается в коммуникативный процесс, где предстает уже в той или иной речевой форме.

Таким образом, можно выделить *две основные функции слова*: 1) собственно знаковую (аналоговую) функцию, которую можно назвать *когнитивно-семиотической*, и 2) собственно языковую (речемыслительную) – *когнитивно-коммуникативную* функцию, которая реализуется в виде того или иного когнитивно-дискурсивного образования, то есть в виде *слова* как грамматически (морфологически и/или синтаксически) оформленного языкового знака [7].

Теория частей речи, отражающая динамический характер нашего мышления и познания действительности, может в определенной степени характеризоваться как динамическая теория. При этом необходимо заметить, что, определяя языковую теорию динамической, важно увидеть собственно языковые процессы, позволяющие отразить и объяснить те изменения в анализи-

руемой системе, которые являются результатом взаимодействия ее единиц в коммуникативном пространстве человека. Именно на это нацелена динамическая теория частей речи русского языка В. Г. Руделева, где система частей речи предстает в виде оппозиций, показателями которых является нейтрализация. Применяемый в этом случае теоретико-информационный метод, основанный на анализе нейтрализаций, дает, по мнению исследователя, однозначный ответ на вопрос о маркированности / немаркированности элементов частеречных оппозиций [4].

В отличие от концепции динамической теории частей речи русского языка, представленной в работах В. Г. Руделева, в нашем понимании *первичной* является *связь* понятия части речи не со словом, а *с типом речи*, с характером восприятия действительности посредством высказываний в коммуникации, которая в этом случае может рассматриваться не только в качестве базового социального процесса, но и в качестве функциональной базы, позволяющей реализовать когнитивно-коммуникативные возможности речемыслительной деятельности человека, действия которого направлены на освоение и заполнение им коммуникативного пространства дискурсивными формами.

Человек в своем общении использует два типа вербализованных коммуникативных сигналов: во-первых, заполненные словами, вследствие чего высказывания оказываются членимыми (расчлененными), во-вторых, не заполненные словами как языковыми знаками, вследствие чего высказывания имеют нечленимую (нерасчлененную) структуру. Однако в языке человека нерасчлененный тип высказываний не является основным. Действительность чаще всего отражается коммуникативными сигналами расчлененного типа. Именно по этому типу общения язык определяется как *знаковая коммуникативная система* человека, что и отличает его от коммуникативной системы животных. Другими словами, наличие частей речи является *шифром*, позволяющим выявлять и описывать функционирование высказываний, заполненных словами, а их отсутствие – это показатель нечленимых, элементарных коммуникативных сигналов. Поэтому для нас *первичной* является связь понятия «часть речи» с особым типом речи, а не с понятием «слово». *Части речи – это элементы расчлененного (членимого) типа речи.*

Дальнейшее представление системы частей речи строится с учетом разграничения понятий «слово» (лексема) и «форма слова», поскольку их *функции* принципиально различны: «*слово*» (*лексема*) объективирует окружающий нас мир, а «*форма слова*» – отношения между различными сторонами этого мира. Поэтому если мы будем связывать части речи через посредство слов с отражением действительности, то в классификацию частей речи формы слов не должны включаться. Это не означает, что формы слов не объективируют действительность. Они объективируют действительность, но их объективация вторичная, результат преломления в сознании человека той первичной объективации, которая осуществлена знаковым способом – когнитивно-семиотическим. Другими словами, причастия и деепричастия, например, не должны включаться в классификацию частей речи, если будут признаваться формами глагола. Если же им придается статус самостоятельных слов (лексем), то в этом случае они включаются в собственно лексическую классификацию, в классификацию частей речи как классов слов.

В рамках настоящей статьи не представляется возможным дать полное описание динамической теории частей речи в нашем понимании (подробно см.: [6], [8]). Здесь же, с учетом изложенного выше предмета описания частей речи как языкового объекта, отметим, что наличие частей речи как «когнитивно-дискурсивных категорий» (Е. С. Кубрякова) является результатом взаимосвязи и взаимодействия мышления (сознания) человека и языка как репрезентанта этого мышления в коммуникативном процессе. В связи с этим представляется неправомерным рассмотрение частей речи с чисто формальных (грамматических) позиций. Использование же слова в качестве когнитивно-семиотического знака, когда по существу исключается соотносительность языковой формы и значения, приводит к лексической классификации частей речи. В том же случае, когда слово выполняет когнитивно-коммуникативную функцию, мы имеем семантико-грамматический подход в осмыслении системы частей речи. Именно в его рамках закономерно динамическое осмысление частей речи, обусловленное динамической природой нашего мышления и динамическим характером коммуникации.

Динамический подход позволяет не только увидеть эту взаимосвязь и взаимодействие, но и осмыслить систему частей речи русского языка не как их набор, не как совокупность частей речи, лежащих в одной плоскости, а как систему, имеющую определенную структуру, в которой отношения между частями речи могут быть определены как иерархические, что позволяет выявить место и значимость той или иной части речи в языковой и ментальной системе, а также те оппозиции, которые связывают части речи в их противопоставлении друг другу, тем самым позволяя описать процессы их взаимодействия в коммуникативном процессе. Это дает возможность вскрыть динамические процессы в системе частей речи и объяснить с когнитивных и коммуникативных позиций наличие у них системы дискурсивных форм, не входящих в классификацию частей речи.

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Госконтракт № 16.740.11.0547).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесов В. В. К принципам периодизации истории русского языкознания // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 649. Из истории славяноведения в России. 2. Тарту, 1983. С. 122–136.
2. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: ИЯ РАН, 1997. 331 с.
3. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы. М.: Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1997. 415 с.
4. Руделев В. Г. Динамическая теория частей речи русского языка // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 1996. Вып. 1. С. 83–89.
5. Тарланов З. К. Методы и принципы лингвистического анализа. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 191 с.
6. Шарандин А. Л. Системная категоризация русского глагола. Тамбов: ТГУ, 2001. 209 с.
7. Шарандин А. Л. Слово в аспекте знаковой теории языка // Слово и предложение. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 9–19.
8. Шарандин А. Л. Русский глагол: комплексное описание. Тамбов: ТГУ, 2009. 587 с.

Sharandin A. L., Tambov State University (Tambov, Russian Federation)

PARTS OF SPEECH DYNAMIC THEORY AS REPRESENTATION OF INTERACTION OF THINKING, LANGUAGE, AND COMMUNICATION

Dynamic theory of the parts of speech system reflects interdependence and interaction between human thinking (reflection) and a language as a representation of this thinking during communication process. This helps to reveal dynamic processes in the parts of speech system and explain from cognitive and communicative viewpoints existence of the system of discourse forms not included into the classification of the parts of speech system. Parts of speech are traditionally looked upon as word classes, i.e. the initial one is a relationship between the part of speech and the conception of the word. In our understanding, the primary one is a relationship of the part of speech not with the word, but with the type of speech, with the nature of world perception. Parts of speech are elements of divisible types of speech. Divisibility of statements is conditioned by the presence of words as language signs in their structure. Further conception of the parts of speech system is developed by taking into consideration differentiation of concepts “word” (lexeme) and “word form” because their functions vary cardinally: “word” (lexeme) objectifies reality, and “word form” – relations between various spheres of this reality. That’s why word forms shouldn’t be included into the classification of the parts of speech system. We consider them cognitive-discursive formations of one word, which are either parts of grammatical categories or represent interaction of various parts of speech in communication process.

Key words: thinking, communication, parts of speech, hierarchy of parts of speech, dynamic approach, cognitive-discursive forms of verbal word

REFERENCES

1. Kolesov V. V. To the periodization principles of the history of Russian linguistics [K printsipam periodizatsii istorii russkogo yazykoznaniya]. *Uchen. zap. Tartuskogo un-ta. Iz istorii slavyanovedeniya v Rossii*. 1983. Issue 649. P. 122–136.
2. Kubryakova E. S. *Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya* [Parts of speech from the cognitive point of view]. Moscow, Institute of Linguistics Russian Academy of Science Publ., 1997. 331 p.
3. Morkovkin V. V., Morkovkina A. V. *Russkie agnonimy* [Russian agronymes]. Moscow, 1997. 415 p.
4. Rudelev V. G. Dynamic theory of parts of speech in the Russian language [Dinamicheskaya teoriya chastey rechi russkogo yazyka]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* [Tambov University Bulletin. Ser. the Humanities. Issue 1.]. Tambov, 1996. Issue 1. P. 83–89.
5. Tarlanov Z. K. *Methods and principles of linguistic analysis* [Metody i printsipy lingvisticheskogo analiza]. Petrozavodsk, 1995. 191 p.
6. Sharandin A. L. *Sistemnaya kategorizatsiya russkogo glagola* [Systemic Categorization of the Russian Verb]. Tambov, 2001. 209 p.
7. Sharandin A. L. Word in the aspect of the symbolic theory of a language [Slovo v aspekte znakovoy teorii yazyka]. *Slovo i predlozhenie* [The word and The sentence]. St. Petrsburg, 2007. P. 9–19.
8. Sharandin A. L. *Russkiy glagol: kompleksnoe opisanie* [Russian Verb: Complex Description]. Tambov, 2009. 587 p.

Поступила в редакцию 18.10.2012

Февраль, № 1 **Филология** **2013**

УДК 81’23+81’271

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА КОШКАРОВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры «Международные коммуникации» международного факультета, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)
nkoshka@rambler.ru

СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ДИХОТОМИИ «ВОСТОК – ЗАПАД» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ МЕЖКУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ

Анализируются средства экспликации дихотомии «Восток – Запад» в политическом интервью межкультурного уровня. Представители восточных средств массовой информации и интервьюируемые используют такие тактики и приемы, которые позволяют отнести анализируемые интервью к сфере функционирования гармоничного дискурса. В статье анализируются следующие риторические приемы: использование «**мы**-инклюзивного», обращение к журналисту по имени, этикетные вводные фразы. В качестве итога высказывается мысль, что общение представителей Востока и Запада является коммуникацией не столько стран, сколько культур с присущими им традициями.

Ключевые слова: восточная культура, западная культура, национальные особенности, конфликтный дискурс, гармоничный дискурс

Средства массовой информации в настоящее время играют важную роль в формировании коммуникативной среды читателя и слушателя, а «качество» взаимодействия адресанта и адресата не всегда будет характеризоваться положительными макроинтенциями на шкале «кооперативность – конфликтность». Г. Г. Почепцов [9] отмечает, что ситуация конфликтности относится к числу приоритетов масс-медиа. В том и другом случае влияние тематики и стилистики современных СМИ на коммуникативное пространство социума является очевидным. Руководствуясь этим положением, мы выбрали материалом для анализа в настоящем исследовании тексты интервью российских политиков представителям восточных и западных средств массовой информации, которые служат ярким примером проявления всех специфических характеристик дихотомии «Восток – Запад» на уровне межкультурного взаимодействия интервьюера и интервьюируемого в политическом интервью.

События последних лет в стране и мире создали такую геополитическую конфигурацию, которая позволяет говорить о существовании дихотомии «Восток – Запад» даже в рамках одного государства, а именно России. 26 августа 2008 года указом президента Российской Федерации была признана независимость республик Абхазия и Южная Осетия, в то время как Грузия по-прежнему считает их своей территорией. Подобная ситуация на политической арене позволяет считать разговор между премьер-министром России В. В. Путиным и представителями абхазских СМИ диалогом двух культур (12 августа 2009 года состоялся именно такой разговор). Для восточной культуры характерна традиция клановости (или соборности в православной культуре), что находит свое отражение и в темах, интересующих представителей абхазских СМИ, позиционировании журналистов как представителей «большой дружной семьи», грамматическом оформлении высказывания. В ходе анализируемого интервью премьер-министру России был задан такой вопрос: *«Народы Кавказа высоко оценили поступок России в августе прошлого года. Но Запад критикует Россию за спасение двух малочисленных народов. Насколько такая политика двойных стандартов со стороны Запада влияет на шаги России в регионе?»* Примечательна реакция интервьюируемого на этот вопрос: *«Мы все время как бы по стандарту говорим: “Вот Запад...”, а “Вот Россия...”. Вы знаете, Запад тоже неоднороден. Совсем неоднороден. На Западе, условном Западе, есть реально немало наших сторонников».* Как видно из приведенного фрагмента, журналисты выступают в данном случае не только как представители аккредитованных изданий, но и как члены семьи кавказских народов, отсюда – их озабоченность проблемами своего региона в свете последних политических событий. Причисляя себя к так называемому «восточному» миру, абхазские журналисты противопоставляют его миру «западному», отсюда – реакция интервьюируемого, который в ответ на инициирующую реплику интервьюеров развивает мысль о дихотомии «Восток – Запад». Идея коллективизма и единства народов Востока находит свое отражение и в грамматических особенностях вопросов, заданных в ходе анализируемого интервью. Употребление личных местоимений в парадигме «***мы***-инклюзивное» делает вопросы интервьюеров более ориентированными на коллектив и свою культуру: *1. Несмотря на экономический кризис, экономика Абхазии в последнее время интенсивно развивается. По крайней*

© Кошкарова Н. Н., 2013

мере – так считают ***наши*** *эксперты. 2.* ***Мы*** *все в Абхазии очень переживали за Россию, когда решался вопрос Олимпиады 2014 года. 3. Владимир Владимирович, большая часть населения* ***нашей*** *республики – это граждане Российской Федерации.* В данном случае реализуется одно из значений ***мы***-инклюзивного – метонимическое ***мы***, под которым понимается *«наша страна»*, а в данном случае – *«наша республика»*. На уникальную способность местоимения ***мы***-инклюзивного становиться выразителем разнообразных общественно-политических и культурных смыслов указывают М. А. Даниэль [2], Б. Ю. Норман [7], Т. Н. Колокольцева [5]. Так, например, Т. Н. Колокольцева [5] отмечает следующие концептуальные значения ***мы***-инклюзивного: 1) общенациональное ***мы*** (‘*все граждане страны, в том числе и президент*’); 2) коллегиальное ***мы*** (‘*руководство страны*’, ‘*президент + правительство*’); 3) метонимическое ***мы*** (‘*наша страна*’); 4) актуальное ***мы*** (адресанты и адресаты речи). Анализ языкового материала показывает, что на уровне политического интервью межкультурного уровня в вопросах журналистов (чаще всего представителей так называемого «восточного» мира) реализуется третье из указанных значений (метонимическое ***мы***). В интервью Д. А. Медведева на посту президента России Центральному телевидению Китайской Народной Республики интервьюер позиционирует себя одновременно и как представителя дружественного России государства, и как аккредитованного им издания, наделенного полномочиями в обсуждении актуальных вопросов современной политической ситуации: *Я думаю, что никто не мог пропустить репортаж в марте этого года о том, как Вы побывали за штурвалом «Су-34». И конечно, многие тоже вспомнили о том, как в свое время Президент Путин во время чеченской кампании летал на боевом самолете.* ***Мы*** *хотели бы узнать: наверное, это не только Ваше любопытство к военной технике, но еще какой-то сигнал, может быть, Вы хотели передать с помощью этого? <...>* ***Мы*** *обратили внимание на то, что в Вашем первом послании Вы критиковали США, в частности, по вопросу Южной Осетии и Абхазии. Как Вы оцениваете современный международный порядок?* В приведенном фрагменте интервьюер умело сочетает использование местоимений в парадигме «***мы***-инклюзивное», личного местоимения ***я*** и вводной фразы, подчеркивающей собственное отношение к предмету разговора. О. Н. Паршина [8] указывает на то, что повествование от первого лица несет в себе аспект достоверности, а интимизация как риторический прием имеет задачу создать атмосферу доверительности в общении и тем самым повлиять на сознание и мысли адресата. Прагматический потенциал данного риторического приема со всей полнотой реализуется в рамках гармоничного дискурса, пространство которого совпадает с областью функционирования текстов интервью журналистов, представляющих восточные СМИ, когда интервьюер главной своей задачей видит кооперативное взаимодействие с собеседником, смягчение негативных последствий от беседы, избегание провокационных вопросов и моментов во время интервью.

Другим приемом, направленным на коммуникативное сотрудничество, является обращение политика к журналисту по имени. Н. И. Лавринова [6] указывает на то, что обращение к собеседнику по имени может встречаться в интервью как кооперативного, так и конфликтного типа, а сам автор относит этот прием к средствам коммуникативного сотрудничества, когда говорящий демонстрирует стремление к кооперации, а в конфронтационном диалоге – к смягчению возможной резкости высказывания. Наши наблюдения показывают, что в политическом интервью межкультурного уровня обращение интервьюируемого к журналисту по имени встречается крайне редко, только в тех случаях, когда беседа носит сенсационный характер, как, например, в интервью В. В. Путина шефу бюро катарского телеканала «Аль-Джазира» в Москве (18 октября 2010 года): ВОПРОС: *Господин Президент, по поводу ООН. Многие считают, что это как бы уже формальный, слабый орган. У Вас есть какие-то предложения или видение по поводу реформирования ООН, чтобы она стала более эффективной, потому что при американском диктате, который сейчас везде присутствует, чувствуется, что на самом деле роль этой организации ослабла.* В. ПУТИН: *Вы знаете,* ***Акрам****, я так бы прокомментировал Ваш вопрос.*

Этикетное оформление реплик журналиста в гармоничном дискурсе происходит за счет использования определенной формы обращения, которая в данном случае является выражением статусных ролей собеседников и национальных особенностей коммуникантов. Т. С. Жукова [3] выделяет следующие функции обращения: 1) выражение вежливого, уважительного отношения к собеседнику; 2) указание на то, что конкретная информация будет направлена тому, кому данное сообщение адресовано; 3) демонстрация заинтересованности в личности другого как субъекта общения; 4) создание положительных эмоций у собеседника; 5) формирование аттракции (чувства взаимной симпатии).

На реализацию этих функций обращений в политическом интервью межкультурного уровня при общении с представителями восточных средств массовой информации существенным образом влияют экстралингвистические факторы, среди которых особая роль принадлежит статусным позициям адресата и адресанта, сохранению асимметричности ролевой ситуации.

Как следует из анализа языкового материала, почти все вопросы журналистов – представителей восточных СМИ вводятся обращениями *Господин Президент* или *Господин Премьер*, в то время как в интервью журналистов – представителей западных СМИ это обращение может быть заменено на использование имени-отчества собеседника или вовсе быть опущено.

Интервью характеризуется диалогической формой существования. И. В. Иванова [4], анализируя различные точки зрения по вопросу определения и классификации интервью, приходит к выводу, что исследуемый жанр представляет собой устный диалогический текст (автор подчеркивает мысль о том, что письменная сторона интервью является вторичной), состоящий из вопросов адресанта и ответов адресата, построенный по полужесткой схеме, обусловленный экстралингвистическими факторами (именно – общественно-политическими изменениями). Согласно информационно-аксиологическому критерию, о котором пишет Е. В. Вохрышева [1], диалогическое взаимодействие представляет собой коммуникативный и одновременно социокультурный феномен. Социокультурная модель, которую анализирует автор, с одной стороны, отражает типичную для коммуниканта как социального субъекта схему и стиль мышления, а с другой стороны, помогает выстраивать непосредственную коммуникацию и планируемые коммуникативные акты. По нашему мнению, у представителей восточных средств массовой информации доминирование социокультурных признаков происходит в направлении гармоничной диалогической модальности, что накладывает отпечаток на выбор интервьюируемым определенных тактик в ходе интервью и функционирование подобных текстов в рамках гармоничного дискурса.

Побуждение к позитивному обмену информацией в ходе интервью (особенно его начале) происходит при помощи вопросов. Журналист должен стремиться к получению достоверных, актуальных и полных сведений по обсуждаемой проблеме. Как показывает анализ языкового материала, вопросы журналистов – представителей восточных СМИ лишены конфликтогенного потенциала, задаются в очень корректной форме, редко провоцируют собеседника на спор или ссору. Мы считаем, что подобная формулировка вопросов позволяет интервьюеру быть не партнером по разговору, а лишь пассивным участником беседы, отдавая большие права интервьюируемому в плане выражения своей точки зрения и планирования беседы в нужном ему ракурсе. Как уже было указано выше, в таких интервью сохраняется асимметрия ролей партнеров, что является еще одним аргументом в пользу характеристики подобных информационных диалогов как функционирующих в рамках гармоничного дискурса. Так, например, в интервью тогда еще премьер-министра России В. В. Путина японскому информационном агентству «Киодо Цусин», телерадиокорпорации «Эн-Эйч-Кей» и газете «Нихон Кейдзай» («Никкей») журналисты используют следующие вводные фразы в своих вопросах и характерные для гармоничного дискурса формулировки своих высказываний: ***Теперь хотел бы задать вопрос*** *об экономическом сотрудничестве. <...>* ***Хотел бы обратиться к Вам еще с одним вопросом****. <...>* ***Я хотел бы спросить Вас насчет международных проблем****. <...> Теперь вопрос об американо-российских отношениях. <...> У меня еще один вопрос по ядерному разоружению. <...>* ***Теперь хотел бы задать вопрос*** *о Северной Корее. <...>* ***Я хотел бы задать вопрос*** *о внутренней экономической ситуации в России. <...>* ***Хотел бы задать еще один вопрос*** *по экономике.* Употребление сослагательного наклонения в инициирующей реплике способствует смягчению возможного негативного эффекта от иногда «неудобных» вопросов журналиста, позволяя одновременно с этим оставаться последнему ведущим в диалоге и определяющим дальнейшее развитие беседы. Формулировки подобного типа Н. И. Лавринова [6] характеризует как *экспликацию говорящим своего коммуникативного намерения*, когда говорящий направляет партнера по коммуникации в нужное субъекту речи русло, предупреждает его об изменениях в дальнейшем ходе беседы. Мы согласны с автором, что данный прием является показателем коммуникативного сотрудничества, а в нашей терминологии – характеристикой гармоничного дискурса.

Таким образом, общение представителей Востока и Запада в политическом интервью представляет коммуникацию не столько стран, сколько двух культур с присущими им национальными особенностями. В данном случае индивидуальные особенности речевого поведения коммуникантов функционируют в рамках норм и правил определенной культуры. Последние, в свою очередь, накладывают отпечаток на использование собеседниками в ходе политического интервью межкультурного уровня тех или иных риторических приемов, стратегий и тактик, речевых формул, принятых в том или ином обществе и реализуемых в данном типе информационного диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вохрышева Е. В. Коммуникативные стратегии диалогического взаимодействия в новоанглийском языке: Дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2001. 473 с.
2. Даниэль М. А. Является ли инклюзив местоимением первого лица (терминологический экскурс в типологической перспективе) // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М.: Индрик, 2002. С. 238–257.

3. Ж у к о в а Т. С. Обращение как инструмент эффективных диалогических коммуникаций (на примере делового общения) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/text/33435605/
4. И в а н о в а Д. В. Речевые способы преодоления конфликта (на материале русского и английского языков): Дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2010. 182 с.
5. К о л о к о л ь ц е в а Т. Н. Новые жанры диалогической коммуникации: теледиалог Президента с гражданами России [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid
6. Л а в р и н о в а Н. И. Текстовая актуализация речевого поведения коммуникантов в политическом интервью: Дис. … канд. филол. наук. Архангельск, 2010. 201 с.
7. Н о р м а н Б. Ю. Русское местоимение МЫ: внутренняя драматургия // Russian linguistics. 2002. Vol. 26. № 2. P. 217–234.
8. П а р ш и н а О. Н. Российская политическая речь: Теория и практика. М., 2012. 232 с.
9. П о ч е п ц о в Г. Г. Психологические войны. М., 2002. 528 с.

Koshkarova N. N., South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)

INTERCULTURAL POLITICAL INTERVIEW: MEANS OF “EAST – WEST” DICHOTOMY’S EXPLICATION

The paper is devoted to the analysis of the “East – West” dichotomy’s explication in the intercultural political interview. The representatives of the eastern mass-media and the interviewees choose the tactics which give good reasons to classify such interviews as functioning in the framework of congruous discourse. The author analyzes the following rhetorical means: “**we**-inclusive”, address to the journalist by his name, etiquette introduction phrases. The conclusion is that the interaction of the East and West’s representatives is not as much communication of the countries, but rather of the cultures with their traditions.

Key words: Eastern culture, western culture, national peculiarities, conflict discourse, congruous discourse

REFERENCES

1. V o k h r y s h e v a E. V. *Kommunikativnye strategii dialogicheskogo vzaimodeistviya v novoangliiskom yazyke. Diss. dokt. philol. nauk* [Communicative strategies of dialogical interaction in New English. Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2001. 473 p.
2. D a n i e l ’ M. A. Is an inclusion of the first-person pronoun (terminological excursus in typological perspective) [Yavlyaetsya li inklyuziv mestoimeniem pervogo litsa (terminologicheskiy ekskurs v tipologicheskoy perspektive)]. *Yaziky mira. Tipologiya. Uralistika. Pamyti T. Zhdanovoy. Statyi i vospominanya* [World Languages. Typology. The Urals Study. Remembering T. Zhdavova. Articles and Reminiscences]. Moscow, 2002. P. 238–257.
3. Z h u k o v a T. S. *Obrashcheniye kak instrument effektivnykh dialogicheskikh kommunikatsiy (na primere delovogo obshcheniya)* [Address as a Tool of Efficient Dialogical Communication (on the Basis of Business Communication)]. Available at: http://ecsocman.hse.ru/text/33435605/
4. I v a n o v a D. V. *Rechevye sposoby preodoleniya konflikta (na materiale russkogo i anglyiskogo yazykov). Diss. kand. philol. nauk* [Speech Means of Conflict Overcome (on the Basis of Russian and Englsih Languages). Cand. philol. sci. diss.]. Saratov, 2010. 182 p.
5. K o l o k o l t s e v a T. N. *Novye zhanry dialogicheskoy komunikatsii: teledialog Prezidenta s grazhdanami Rossii* [New Genres of Dialogical Communication; the President’s Hot Line with Russian Citizens]. Available at: www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid
6. L a v r i n o v a N. I. *Tekstovaya aktualizatsya rechevogo povedeniya kommunikantov v politicheskom interv’yu. Diss. kand. philol. nauk* [Text Updating of Speech Behaviour in Political Interview. Cand. philol. sci. diss.]. Arkhangel’sk, 2010. 201 p.
7. N o r m a n B. Yu. Russian Pronoun WE: Inner Drama [Russkoye Mestoimenye MY: vnytrennyaya dramaturgia]. *Russian linguistics* [Russian linguistics], 2002. Vol. 26. № 2. P. 217–234.
8. P a r s h i n a O. N. *Rossiyskya politicheskaya rech: teorya i praktika* [Russian Political Speech: Theory and Practice]. Moscow, 2012. 232 p.
9. P o c h e p t s o v G. G. *Psikhologicheskiye voiny* [Psychological Wars]. Moscow, 2002. 528 p.

Поступила в редакцию 15.10.2012

Февраль, № 1 **Филология** **2013**

УДК 801.3

АННА СЕРГЕЕВНА КУЛЕВА
кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Российская Федерация)
an_kuleva@mail.ru

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ УСЕЧЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ГРАММАТИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА*

Планируется дать определение понятию «усеченные прилагательные», рассмотреть отличия усеченных форм от кратких, их место в системе имени прилагательного. Предполагается, что работа позволит подтвердить гипотезу о сохранении на периферии современной русской грамматики возможности атрибутивного употребления кратких прилагательных.

Ключевые слова: имя прилагательное, усеченные формы, поэтический язык, грамматика

«Неравномерность в изучении отдельных объектов той или иной отрасли науки порождает научные мифы. Отсутствие – полное или почти полное – исследований по проблеме может стать причиной “отрицательного” единодушия специалистов, полагающих, что самой проблемы нет. Но наступает время, когда данный тезис необходимо доказать – и обнаруживается проблема, очень сложная, трудно разрешимая. Приблизительно такая ситуация сложилась в теории поэтического языка по отношению к морфологическому уровню» [3; 75]. Ярким примером подобного научного мифа можно назвать усеченные прилагательные. Важно, что проблема усеченных прилагательных позволяет вернуться ко многим традиционным вопросам в изучении имени прилагательного.

Функционирование и соотношение в современном русском языке полных и кратких форм имени прилагательного, как и история имени прилагательного, изучаются давно и продуктивно, что нашло отражение в обширной научной литературе. Однако некоторые вопросы остаются дискуссионными, что становится очевидным при обращении к той или иной частной проблеме. Например, значительные трудности, связанные с употреблением полных и кратких форм прилагательных, возникают в преподавании русского языка как иностранного.

В представлении современного носителя языка (в упрощенной школьной грамматике) краткие формы напрямую образуются от полных и играют второстепенную роль.

В классических учебниках, на которых и сегодня базируется филологическое образование, сообщается, что исторически полные прилагательные вторичны, они образовались слиянием более древних именных прилагательных с формами указательного местоимения, вследствие чего отличались от них значением определенности. Возникшее противопоставление по признаку определенности / неопределенности обусловило закрепление за местоименными прилагательными функции определения, за именными – именной части сказуемого, что привело к перестройке системы ([6], [10] и др.). Согласно современной точке зрения, не представляется убедительной гипотеза о существовании в прошлом общей категории имени, под сомнение ставится и противопоставление именных и местоименных прилагательных по признаку определенности / неопределенности [4; 30].

Для кратких прилагательных современная грамматика не допускает возможности склоняться и выступать в роли определения. Однако краткие формы в атрибутивном употреблении встречаются не так и редко, что вызывает к жизни различные оговорки и примечания мелким шрифтом. Так, в грамматиках отмечается употребление устойчивых выражений (*средь бела дня*), фольклорных эпитетов (*добру молодцу*), фразеологизмов церковнославянского происхождения (*свято место пусто не бывает*), а также возможность использования подобных форм в языке художественной литературы «в целях создания народно-поэтического колорита; например, у А. Блока: *Я голосом тот край, где синь туман, бужу, Я песню длинную прилежно вывожу* (“Песельник”)» [5; 256]. Особого внимания заслуживает полупредикативное употребление прилагательных [7; 80–81, 90], в частности варьирование форм в зависимости от синтаксической конструкции, падежа, лексемы (например: «*застал ее живую и здоровую* / *живой и здоровой* / старое *живу и здорову*») [9, Т. 1; 556–558], [9, Т. 2; 143–144, 237–238, 457].

Следует сказать, что в языке художественной литературы употребление кратких атрибутивных форм в качестве стилизующего элемента никак не ограничивается задачами «создания народно-поэтического колорита». Стилистические пласты, создаваемые с помощью такого элемента, очень разнообразны: это и высокий стиль (М. Цветаева «Тебе – через сто лет»: *Через* ***летейски*** *воды* / *Протягиваю две руки*), и религиозная стилизация (Вяч. Иванов «Под древом ки-

© Кулева А. С., 2013

парисным»: *«Не прети же Ты, Мати, мне* ***младу*** */ Алые цветики собирати, / Красные веночки соплетати, / Древо* ***кипарисно*** *украшати!»*), и просторечие (М. Кузмин «У печурки самовары…»: ***Круглы*** *сутки все одна я*). Прилагательные служат для архаизации языка произведения (М. Волошин «Протопоп Аввакум»: *юнош* ***светел*** *парус правит*, ***жива*** *бы проглотил*, *догматы* ***церковны***), в том числе и в ироническом ключе (например, у П. Вяземского: *<Второй акт>: дождь, гроза,* ***растрепанна*** *печаль / По сцене бегает и водит за собою*; в поэзии В. Курочкина: ***Изданну*** *книжицу мной подношу вам, друже; Почто текут народа* ***шумны*** *волны?*). Более того, подобное употребление прилагательных характерно не только для языка поэзии (А. и Б. Стругацкие «Стажеры»: *Стажеру надлежит быть «****спокойну****,* ***выдержану*** *и всегда* ***готову****»*). Упомянем и характерные для некоторых русских диалектов и ряда славянских языков стяженные формы, внешне напоминающие древние именные прилагательные (*нова изба*, *рідна хата* и пр.), которые также могут встречаться в художественной речи.

Особый интерес представляет такой элемент языка русской поэзии, как усеченные прилагательные, которые традиционно рассматриваются как искусственные книжные формы, по структуре близкие именным формам, но по своему грамматическому значению и синтаксической функции относящиеся к парадигме полных прилагательных (М. Ломоносов: ***Несчетны*** *солнца там горят*). Существующая научная литература предписывает строго разграничивать усеченные и краткие формы, например: «От кратких прилагательных, употребляющихся только в качестве сказуемого, следует строго отграничивать встречающиеся в стихотворной речи XVIII–XIX вв. прилагательные усеченные, которые в предложении выступают как определения. Эти прилагательные образовывались от соответствующих форм полных путем отсечения от окончания конечного гласного и предшествующего ему звука -j-. Они производились от полных прилагательных не только в форме именительного падежа, но и в форме винительного падежа, причем как от качественных, так и от относительных. От кратких форм эти прилагательные отличались также и тем, что абсолютно во всех случаях сохраняли ударение соответствующих им полных. Употреблялись эти прилагательные в поэтическом языке чисто в версификационных целях» [2; 269–270] (разрядка моя. – *А. К.*). Важно, что термин «усеченные прилагательные» первоначально использовался в церковнославянских и русских грамматиках по отношению к кратким (именным) формам, то есть предполагалось, что краткие формы образуются от полных (так считает и современный носитель языка). В таком случае не удивительно, что теоретики XVIII века – Кантемир, Тредиаковский – отождествляли краткие и усеченные формы (считая атрибутивное употребление усеченных форм принадлежностью «словенского» языка) [1; 248–251]. Можно предположить, что искусственный характер поэтических «усеченных прилагательных» стал осознаваться позже, когда подобные формы перестали употребляться в речи.

Современному исследователю новые перспективы предоставляет развитие корпусной лингвистики: возможность анализировать большие массивы текста, составлять электронные словари (конкордансы, частотные словари, словари языка одного автора, нескольких авторов, литературного направления или периода), что не только облегчает труд исследователя, дает новые инструменты, но и позволяет получить принципиально новые результаты.

Привлеченный языковой материал позволяет несколько иначе взглянуть на проблему возможности атрибутивного употребления прилагательных в современном русском языке.

Прежде всего в поэтическом языке усеченные прилагательные употреблялись еще в виршевой поэзии XVII века и продолжают встречаться до настоящего времени (более чем 30 тысяч рассмотренных стихотворных текстов 450 авторов содержат 15 тысяч таких форм).

Черты, доказывающие их искусственность (ударение на основе, образование отсечением части окончания, причем нередко от не имеющих краткой формы относительных прилагательных, действительных причастий, порядковых числительных и др.), присущи не только стихотворной речи XVIII–XIX веков. Например, в виршах XVII века встречаем такие примеры: *смыслу* ***королевску*** *дивитися*; *озарение* ***лунно***; ***целомудр*** *нрав*; *от* ***нарочита*** *дидоскала*; *из* ***мутны*** *тины* ***чиста*** *вода не истекает* и др. Не вызывают особого отношения к себе частотные в поэтическом языке индивидуально-авторские употребления, если прилагательное сохраняет предписанную грамматикой предикативную (или полупредикативную) роль. Так, у Л. Мартынова находим: *Вот они, эти струны, / Будто медны и будто чугунны*; *Житейский путь мой каменист и торен*; *И, как бы ни межзвездны наши судьбы*; *Ветер северный южен*; *Он* [плащ] / *Был мокр, блестящ*; *Лишь ты, моя счастливая звезда, / Одна-единственна, плывешь, блистая*; ср. у него же в атрибутивном употреблении: *Мол, к нашим дырявым овчинам / Пришьем* ***драгоценны*** *заплатки*; *С гор, как из каменной печи, дохнули ветры* ***горячи***; ***Обыкновенна*** *жесть тут надобна, как вижу; К учености питал он зависть* ***нехорошу****;* ***Магическа*** *жезла в руках нет никакого*. Краткие прилагательные в атрибутивном употреблении встречаются не только в поэзии. Они характерны для языка XVIII века (А. Радищев «Бова»: *Царевна уснула, а проснувшись увидела Полкана*

мертва и подле него льва издыхающа; Д. Фонвизин «Недоросль»: *Верхом на борзом иноходце разбежался он хмельной в каменны ворота*). Используются они и в прозе таких писателей, как П. Мельников-Печерский, Н. Лесков, М. Горький, Б. Шергин, С. Писахов и др. Так, только в первой части романа Мельникова-Печерского «В лесах» мы находим 294 таких примера, причем, если бы они встретились в поэзии, многие из них по всем признакам были бы отнесены к усеченным прилагательным: *в верховы города*, *на золоты приски*, *в казенны подряды*, *первы бумажки*, *посторонни люди*, *родительски денежки*, *древян гроб*, *хозяйско добро*, *казенна земля*, *деревянну посуду*, *про здешню старину*.

Собранный материал позволяет утверждать, что усеченные прилагательные (краткие атрибутивные формы), встречающиеся в языке не только поэзии, но и прозы XVII–XXI веков, заслуживают внимания современных исследователей и отражения в грамматике современного языка. Такие формы имеют опору в истории языка (именные прилагательные в древнерусском и церковнославянском, а также диалектные стяженные формы и формы прилагательных других славянских языков). Они понятны носителю языка и легко создаются по существующему образцу, например, в современной поэзии: *в* ***недоступны*** *края*; ***сигаретны*** *автоматы*; ***искрометны*** *овны*; *муж* ***имущ***; ***мраморна*** *дева*; *под* ***любовно*** *небо Евросоюза*; *время* ***летне*** *время оно*; *на простыню* ***казенну***; *в* ***имманентну*** *рощу*; ***ненасытну*** *печаль*; *в тишину* ***серо-жемчужну***; *у границы* ***бивалютна*** *коридора* и др. Вполне логичным кажется утверждение, что усеченные прилагательные, как и современные краткие формы, образуются «прибавлением к основе родовых и числовых флексий» [5; 255], в том числе и в косвенных падежах. Как и другие архаичные формы, в художественной речи они несут значительную стилистическую нагрузку.

Допущение в грамматике возможности атрибутивного употребления кратких форм как маргинального, периферийного, но живого явления современного русского языка [8; 233] способствовало бы более глубокому и системному анализу различий между полными и краткими прилагательными. Интересно, что сейчас изучение таких форм затруднено именно отсутствием их кодификации. Так, в прекрасно проработанном инструментарии Национального корпуса русского языка (http://www.ruscorpora.ru) в соответствии с современной грамматикой – усеченных (кратких атрибутивных) форм нет. Отдельные примеры можно получить при запросах «краткая форма + родительный / дательный / предложный падеж» или «прилагательное + аномальная / искаженная / несловарная форма» (что не дает полной выборки) или по отдельным лексемам: например, «поиск точных форм: *полну*» (что не позволяет обнаружить редкие, индивидуально-авторские формы). Еще меньше возможностей дает поиск в Интернете, хотя при чтении блогов и форумов (то есть не в художественной речи, а в непосредственном общении современных носителей языка) можно найти любопытные примеры (*это у нас любовны игры такие*; *проявила о нем материнску заботу*; *он вам тоже полну авоську наваляет*; *эй, драги други!*), происхождение и функционирование которых было бы интересно рассмотреть.

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М.: КомКнига, 2006. 328 с.
2. Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык: Лексикология, фонетика, морфология. М.: URSS, 2009. 408 с.
3. Гин Я. И. Проблемы поэтики грамматических категорий: Избр. работы. СПб.: Академический проект, 1996. 224 с.
4. Историческая грамматика древнерусского языка / В. Б. Крысько (ред.). Т. 3. Прилагательные. М.: Азбуковник, 2006. 496 с.
5. Краткая русская грамматика / Под. ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2002. 726 с.
6. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: URSS, 2005. 312 с.
7. Патроева Н. В. Поэтический синтаксис: Категория осложнения. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 334 с.
8. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
9. Русская грамматика АН СССР: В 2 т. М.: Наука, 1980.
10. Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Изд-во МГУ, 1990. 298 с.

Kuleva A. S., V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russian Federation)

USE OF CLIPPED ADJECTIVES IN MODERN RUSSIAN GRAMMAR

The study intends to give a definition of the notion “clipped adjectives” and to consider the differences of the clipped forms from the short ones as well as their place in the system of adjectives. The study is assumed to confirm the hypothesis of the continued possibilities of the attributive use of the short forms of adjectives on the periphery of modern Russian grammar.

Key words: adjective, clipped forms, poetic language, grammar

REFERENCES

1. V i n o k u r G. O. *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [On the language of fiction]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 328 p.
2. G a l k i n a-F e d o r u k E. M., G o r s h k o v a K. V., S h a n s k i y N. M. *Sovremennyi russkiy yazyk: Leksikologiya, fonetika, morfologiya* [Modern Russian language: Lexicology, phonetics, morphology]. Moscow, URSS, 2009. 408 p.
3. G i n Ya. I. Problemy poetiki grammaticheskikh kategoriy [Problems of poetics of grammatical categories]. St. Petersburg, Akademicheskiy proekt, 1996. 224 p.
4. *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka* / Ed. V. B. Krys'ko. Vol. 3. Prilagatel'nye [Historical grammar of Old Russian]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2006. 496 p.
5. *Kratkaya russkaya grammatika* [Short Russian grammar] / Ed. N. Yu. Shvedova, V. V. Lopatin. Moscow, In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2002. 726 p.
6. K u z n e c o v P. S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya* [Historical grammar of the Russian language. Morphology]. Moscow, MGU Publ., 1953. 307 p.
7. P a t r o e v a N. V. *Poeticheskiy sintaksis: Kategoriya oslozhneniya* [Poetic syntax: Category of amplification]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2002. 334 p.
8. P l u n g y a n V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow, RGGU Publ., 2011. 672 p.
9. Russkaya grammatika AN SSSR [Russian grammar]: In 2 vol. Moscow, Nauka Publ., 1980.
10. H a b u r g a e v G. A. *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka. Imena* [Essays on historical morphology of the Russian language]. Moscow, MGU Publ., 1990. 298 p.

Поступила в редакцию 15.10.2012

Февраль, № 1 **Филология** **2013**

УДК 82.09

ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
dkunilsky@mail.ru

ОБРАЗНЫЕ ФОРМУЛЫ СЛАВЯНОФИЛОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО*

Приведен ряд неучтенных ранее фактов, связанных с публицистикой и художественным творчеством Ф. М. Достоевского. Данные реминисценции представляют собой разнообразные отсылки к идеям славянофилов, зафиксированным в образных формулах. Такого рода формулой является выражение К. С. Аксакова «в публике грязь в золоте, в народе – золото в грязи». Славянофильский образ «золота в грязи» переосмысляется Достоевским в публицистических статьях 1862, 1863 и 1876 годов, а также в романе «Идиот». Отмечается дословное совпадение названных авторов в характеристике романов Тургенева и Гончарова. Еще один незамеченный случай художественного обращения Достоевского к творчеству славянофилов зафиксирован в романе «Братья Карамазовы», где содержится намек на стихотворение А. С. Хомякова «Широка, необозрима…». В качестве связующего звена между Достоевским и славянофилами рассматривается Н. Н. Страхов, чьи мысли о русских нигилистах послужили, как удалось выяснить, материалом для статей Достоевского в июньском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год. Обнаруженные в произведениях Достоевского реминисценции позволяют выделить в его творчестве особый славянофильский идейно-стилевой пласт.

Ключевые слова: творчество Достоевского, славянофилы, реминисценции, публицистика, «золото в грязи», отрицание

Влияние славянофилов на Достоевского велико и многообразно. Комментарии в Полном собрании сочинений писателя (1972–1990) отмечают как случаи прямого цитирования им различных славянофильских текстов, так и постоянное обращение к схожей тематике. Однако целый ряд не лежащих на поверхности историко-литературных реалий до сих пор остался без внимания. В настоящей работе делается попытка выделения у Достоевского особого славянофильского «пласта», состоящего из цитат, реминисценций, образов, понятий, воспринятых писателем у славянофилов или специально характеризующих славянофильство и его приверженцев.

«ЗОЛОТО В ГРЯЗИ»

Одной из таких формул является выражение «в публике грязь в золоте, в народе – золото в грязи» из передовой статьи К. Аксакова «Опыт синонимов. Публика – народ» (Молва. 1857. 14 дек. № 36)[1]. В комментариях и Указателе имен, периодических изданий и анонимных произведений в академическом Полном собрании сочинений факт чтения Достоевским этой статьи К. Аксакова не зафиксирован. Между тем знакомство Достоевского с «Опытом синонимов…» очевидно: формула «золото в грязи», характеризующая в аксаковской передовице народ, в переосмысленном виде появляется в статьях Достоевского 1862 и 1876 годов, в которых упоминаются славянофилы и обсуждаются волновавшие их вопросы.

Поскольку этот образ уже был предметом нашего наблюдения [7], то имеет смысл перечислить обнаруженные в публицистике Достоевского реминисценции, несколько сократив интерпретационную часть и дополнив их примерами из художественных произведений.

Полностью аксаковская мысль звучит так: «…в публике есть золото и грязь, и в народе есть золото и грязь; но в публике грязь в золоте, в народе – золото в грязи» [1; 403]. Она хорошо передает взгляд славянофильского автора на состояние русского общества после Петровских реформ, когда дистанция между образованным слоем и простым народом резко увеличилась. Необходимо учесть, что выражение «золото в грязи» не придумано К. Аксаковым, своими корнями оно уходит в эпоху античности. Схожие образы встречаются в древнерусских религиозных и светских текстах, а позднее различными вариациями представлены в литературе Нового времени.

I. В статье «Два лагеря теоретиков. (По поводу “Дня” и кой-чего другого)» (Время. 1862. № 2. Отд. II), появившейся в разгар идейного спора со славянофилами, Достоевский подробно разбирает газету И. Аксакова «День», прибегая к очень любопытному художественному сравнению: «Представьте, что человек подошел к безобразной куче сору, где наряду с песком, лохмотьями зарыто много и драгоценностей… <…> И вот вы видите, как та же беспощадная рука, которая отметала грязь, с тою же силою и едкою насмешкой отбрасывает и то, что вы считаете золотом… <…> Это сравнение, кажется, может несколько быть применимо к “Дню”. Отрицательная его сторона, как мы уже сказали, бесспорно – хороша… Но во имя чего он отрицает

© Кунильский Д. А., 2013

в нашей теперешней русской куче сору и хорошее и дурное?..» [6; Т. 20; 11].

Как и в статье Аксакова «Опыт синонимов. Публика – народ», в этом фрагменте также есть золото и грязь (куча сору), однако акценты расставлены иначе. Очевиден полемический характер картины, представленной Достоевским. Основная направленность передовицы К. Аксакова – резкое противопоставление «почтеннейшей» публики «православному» народу, где идеализированный образ народа возвышается над отягченной всевозможными грехами публикой, – оказывается неприемлемой для Достоевского, имевшего к этому времени реальные представления о народе (после каторги, солдатчины). Поэтому позиция славянофилов и братьев Аксаковых, в частности покойного Константина и продолжившего его дело Ивана, представляется Достоевскому «беспощадной рукой», которая часто справедливо указывает на темные стороны русской жизни, но при этом рубит с плеча все вокруг. Получается, что в полемике с «Днем» писатель придавал новую окраску идеям и образам, характерным для ведущих представителей славянофильства.

II. Мысли, отразившиеся в статье «Два лагеря теоретиков…», получили дальнейшее развитие в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1863 год. Однако здесь образ золота в грязи возникает уже в характеристике радикально настроенных западников, с презрением смотревших на простой народ. Отличие от них кружка «Времени» специально подчеркивал Достоевский: «Разумеется, мы вместе с нашими обличителями, и дельными и дешевыми, отвергаем и гнилость иных наносных осадков и исконной грязи. <…> Но мы не хотим вместе с грязью и выбросить золота; а жизнь и опыт убедили нас, что оно есть в земле нашей, свое, самородное, что залегает оно в естественных, родовых основаниях русского характера и обычая, что спасенье в почве и народе» [6; Т. 20; 209–210]. Слова про золото и грязь ведут к образной зарисовке из статьи «Два лагеря теоретиков…» и дальше – к остроумному выражению К. Аксакова.

III. Различные отсылки к славянофильским текстам, конечно же, встречаются не только в публицистике Достоевского, но и в его художественных произведениях. Так, слова князя Мышкина в романе «Идиот» (1868) («откройте русскому человеку русский Свет, дайте отыскать ему это золото, это сокровище, сокрытое от него в земле» [6; Т. 8; 453]) являются очередным повторением излюбленной славянофильской формулы, также не попавшим в поле зрения комментаторов[2]. Неслучайно один из собеседников князя, Иван Петрович, выслушав его пылкую речь, «выразился, между прочим, что “молодой человек сла-вя-нофил, но что, впрочем, это неопасно”» [6; Т. 8; 459]. На эту мысль Ивана Петровича навели характерные для славянофильства идеи князя Мышкина о необходимости обрести родную землю, почву, о великом предназначении русского народа, однако среди общих для всей русской партии размышлений появляется конкретный славянофильский образ золота в грязи. Дальнейшее поведение князя Мышкина, его неуклюжесть (случай с китайской вазой), сентиментальность, неумение сдержать себя отчасти напоминают психологический тип Константина Аксакова, обрисованный в многочисленных воспоминаниях современников.

IV. В февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год Достоевский вновь вспоминает Константина Аксакова, а вместе с ним – и его выражение про золото и грязь. Имя славянофильского публициста появляется в подглавке «О любви к народу. Необходимый контракт с народом». Сама тема подталкивает писателя к тому, чтобы обратиться к наследию К. Аксакова, в первую очередь к только что опубликованной его статье «О современном человеке». Позволим себе указать на переклички данной статьи Достоевского с другими работами К. Аксакова, не представленные комментаторами.

«Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи бриллианты» [6; Т. 22; 43]. Спустя годы Достоевский здесь вновь прибегает к афористическому выражению Аксакова. Писатель не оспаривает мысль Аксакова, как это делалось в «Двух лагерях теоретиков…», а наоборот, почти дословно повторяет ее, но не целиком, а только позитивную ее составляющую («в народе – золото в грязи»), заменяя золото бриллиантами.

Образ «золота в грязи» принадлежит к сфере тех малоизученных понятий, которые часто использовались критиками и полемистами благодаря своим яркости, звучности и многозначности. По свидетельству Н. Н. Страхова, в 1861 году Достоевский «был… почти вовсе незнаком» с трудами славянофильских авторов [10; 204]. На основании письма Достоевского к брату от 8 (20) сентября 1863 года принято считать, что с наследием славянофилов писатель познакомился только в 1863 году. Однако обнаруженная в статьях Достоевского устойчивая аллюзия на формулу К. Аксакова позволяет поставить вопрос о времени знакомства Достоевского с основами славянофильского учения и отнести его самое позднее к 1862 году.

«СОПРИКОСНОВЕНИЕ С НАРОДОМ»

Еще один случай творческого диалога с К. Аксаковым в статье «О любви к народу…» наблюдается среди размышлений Достоевского о современной литературе: «Не буду упоминать о чисто народных типах, появившихся в наше вре-

мя, но вспомните Обломова, вспомните “Дворянское гнездо” Тургенева. Тут, конечно, не народ, но все, что в этих типах Гончарова и Тургенева вековечного и прекрасного, – все это от того, что они в них *соприкоснулись с народом*; это *соприкосновение с народом придало им необычайные силы*» [6; Т. 22; 44]. В аналогичном контексте имя Тургенева упоминается в «Трех критических статьях г-на Имрек», где в авторском примечании К. Аксаков говорит о начинающем тогда писателе следующее: «Мы должны указать на появившийся в 1 № “Современника” превосходный рассказ г. Тургенева “Хорь и Калиныч”. Вот что значит *прикоснуться к земле и к народу: вмиг дается сила*! Пока г. Тургенев толковал о своих скучных любовях да разных апатиях, о своем эгоизме, – все выходило вяло и бесталанно; но он *прикоснулся к народу*, прикоснулся к нему с участием и сочувствием, и посмотрите, как хорош его рассказ!» (курсив мой. – *Д. К.*) [1; 146–147]. Совпадения почти дословные. Это сочинение Аксакова несомненно было памятно Достоевскому – там разбирались «Бедные люди» и «Двойник», а, как известно, писатель всегда интересовался откликами на свои произведения.

Таким образом, для подглавки «О любви к народу. Необходимый контракт с народом» исходным материалом служит не одна, а по крайней мере три работы К. Аксакова: «О современном человеке», «Опыт синонимов. Публика – народ», «Три критические статьи г-на Имрек».

«ШИРОКА, НЕОБОЗРИМА…»

Не меньшее значение, чем личность К. Аксакова, представляли для Достоевского имя и творческие идеи А. С. Хомякова. Принадлежащая Хомякову поэтическая строка, в которой Европа была названа «страной святых чудес», запала глубоко в душу Достоевского. Эта зафиксированная исследователями цитата появляется и в его публицистике («Дневник писателя» за 1876 и 1877 годы), и в художественном творчестве («Подросток»), и в произведении смешанного жанра («Зимние заметки о летних впечатлениях»). Но внимание писателя остановило на себе и другое стихотворение Хомякова, о чем свидетельствует глава «Кана Галилейская» из романа «Братья Карамазовы», где рассказывается о переживаниях Алеши, связанных с кончиной его любимого наставника. Обратимся к тексту этой главы. Над вышедшим из кельи Алешей, говорится в романе, «широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд» [6; Т. 14; 328]. Эта картина представляет собой реминисценцию из стихотворения Хомякова «Широка, необозрима…», опубликованного в 1858 году на страницах журнала «Русская беседа», знакомого Достоевскому. Вероятность простого совпадения, случайного подбора слов исключается смысловой близостью двух текстов, прозаического и поэтического, в каждом из которых говорится о великих событиях в земной жизни Христа. В стихотворении Хомякова за основу взят евангельский рассказ о торжественном въезде Господа в Иерусалим, откуда Ему навстречу:

Широка, необозрима
Чудной радости полна
……
Шла народная волна.

В праздничной толпе особняком стоял книжник, который спрашивал находившихся рядом с ним людей:

Это ль царь ваш? слабый, бледный,
Рыбаками окружен?
Для чего он в ризе бедной?
И зачем не мчится он,
Силу божью обличая,
Весь одеян черной мглой,
Пламенея и сверкая,
Над трепещущей землей? [12; 142]

Эти строки несут в себе мысль о кенозисе Христа, Его умалении и снисхождении к людям в уязвимой телесной оболочке. Унижения, которым подвергается Зосима, сомнения в его святости заставляют провести параллель со страданиями Христа и Его образом в стихотворении Хомякова. Следует отметить, что сборник «Стихотворения А. С. Хомякова» (М., 1861; 2-е изд. М., 1868), в состав которого вошло стихотворение «Широка, необозрима…», имелся в библиотеке Достоевского [4; 98].

Н. Н. СТРАХОВ И РУССКОЕ ОТРИЦАНИЕ

Мощной философской и естественно-научной подпиткой для творчества Достоевского служила деятельность его многолетнего сотрудника и собеседника, «одного из славянофилов»[3], Н. Н. Страхова. Другое дело, что, используя его идеи, Достоевский по разным причинам не торопился раскрывать имени настоящего автора. Этот факт наглядно иллюстрируется главками июньского «Дневника писателя» за 1876 год – «Мой парадокс» и «Вывод из парадокса», где детально рассмотрена одна характерная черта русского западничества. «…Как же не любопытно такое явление, – задается вопросом автор “Дневника писателя”, – что те-то именно русские, которые наиболее считают себя европейцами, называются у нас “западниками”… те-то скорее всех и примыкают к отрицателям цивилизации, к разрушителям ее, к “крайней левой”… ?» [6; Т. 23; 39]. Достоевский имеет в виду увлеченность русских идеями радикального социализма, готовность встать скорее на сторону европейских революционеров, чем на сторону консерваторов.

Свою мысль о парадоксальности русских западников Достоевский преподносит как что-то абсолютно новое, никем доселе незамеченное. «Как же не любопытно… что это вовсе никого в

России не удивляет, даже вопроса никогда не составляло?» [6; Т. 23; 39]. Комментаторы академического 30-томника, подробно рассмотрев другие отсылки к текстам современников, оставили этот вопрос без внимания. Но еще до появления статей Достоевского ту же проблему наметил большой знаток разных идейных течений Страхов. В книге «Бедность нашей литературы», опубликованной в 1868 году, Страхов назвал последнюю эпоху общественного развития периодом нигилизма, или «отрицанием русской жизни вместе с отрицанием европейской» [9; 48]. С присущей ему доказательностью автор так пояснял свою мысль: «Человек, скептически относившийся к православию, по сущности дела не мог питать прочного благоговения к католицизму. <…> Запад сам учил нас, что его формы преходящие, что все подчинено течению, изменению, прогрессу… Мы поверили всею душою теории прогресса, которая утверждала, что рано или поздно не останется в старой Европе камня на камне; мы не захотели исповедовать то, что должно было скоро отжить и разрушиться, и прямо примкнули к новому, к будущему, к надеждам и порываниям вперед» [9; 48–49]. Собственно, прилагать термин «отрицание» ко взглядам и поступкам западников было характерно уже для старших славянофилов и Ивана Аксакова[4]. Страхов здесь углублял и развивал то, что было наработано авторитетными для него предшественниками.

Еще в 1864 году на страницах «Эпохи» Страхов сочувственно цитировал определение нигилизма, предложенное в газете И. Аксакова «День»: «Нигилизм есть естественный, законный, исторический плод того *отрицательного* отношения к жизни, в которое стала русская мысль и русское искусство с первого шага своей деятельности после Петра. <…> Это отрицание должно дойти, наконец, до отрицания самого себя» [11; 452]. Страхов же прослеживает отрицание русскими западниками традиционных европейских ценностей, что более соответствует «парадоксальной» мысли Достоевского из «Дневника писателя».

Достоевский хорошо знал книгу «Бедность нашей литературы» и когда-то восторженно о ней отзывался. В 1869 году, спасаясь от кредиторов за границей, Достоевский писал автору брошюры: «Вы в эти два-три года *почти молчания* Вашего сильно выиграли, Николай Николаевич. Это мое мнение, судя по Вашим “Бедность” и статье в “Заре”. Я всегда любовался на ясность Вашего изложения и на последовательность; но теперь, по-моему, Вы стоите несравненно крепче» [6; Т. 29/1; 16]. Почему же тогда Достоевский никак не упоминает о столь понравившейся ему книге, содержание которой он вряд ли забыл?

Конечно, за семь лет, прошедших с момента, когда Достоевский читал «Бедность нашей литературы», многое могло стереться из памяти. Но все-таки более вероятным кажется другое объяснение. Достоевский, охотно ссылаясь на Аполлона Григорьева, сознательно умалчивает о Страхове. Как раз в это время отношения писателей вновь разладились. Формальной причиной была публикация романа «Подросток» в некрасовских «Отечественных записках» (1875 год). Страхов, подобно А. Н. Майкову, не мог приветствовать контакты Достоевского с публицистами радикального лагеря. С этой ситуацией связан отзыв о Страхове, содержащийся в письме Достоевского к жене от 11 февраля 1875 года: «Нет, Аня, это скверный семинарист и больше ничего; он уже раз оставлял меня в жизни, именно с падением “Эпохи”, и прибежал только после успеха “Преступления и наказания”» [6; Т. 29/2; 16–17). Вслед за тем пойдут еще более уничижительные характеристики в записных тетрадях Достоевского [6; Т. 23; 239–240][5].

О Страхове Достоевский помнит и использует его идеи в полемических целях. В том же «Дневнике писателя» за 1876 год появляется ряд публикаций, посвященных женскому вопросу. Одна из них без упоминания имени Страхова цитирует фрагмент его брошюры «Женский вопрос. Разбор сочинения Джона Стюарта Милля “О подчинении женщины”» [6; Т. 23; 88]. Нежелание прямо сослаться на старого приятеля Достоевский объясняет в записной тетради 1876–1877 годов: «*Страхов*. Англичанка совершенная женщина. Не говорю, откуда выписка *и чья*, потому что не имею времени разобрать брошюру» [6; Т. 24; 237]. Чуть ниже Страхов назван «сочинителем трех-четырех скучненьких брошюрок», в число которых, очевидно, входила и «Бедность нашей литературы» [6; Т. 24; 240].

Обнаруженные в произведениях Достоевского реминисценции дают возможность говорить о влиянии на него славянофильских взглядов, используя новые конкретные детали и наблюдения. Совершенно очевидно, что наряду с «пушкинским» или евангельским идейно-стилевыми пластами в творчестве писателя значительное место занимает пласт «славянофильский». Изучение этого компонента в наследии Достоевского представляется насущной задачей.

* Статья подготовлена в рамках проекта «Создание и развитие деятельности Центра новых филологических исследований» Программы стратегического развития на 2012–2016 годы «Университетский комплекс ПетрГУ в научно-образовательном пространстве Европейского Севера: стратегия инновационного развития» (ПетрГУ).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Передовица «Молвы» обратила на себя внимание многих мыслящих людей и вызвала неудовольствие императора Александра II [3; 284–285]. Из круга близких знакомых Достоевского с «Опытом синонимов…» был точно знаком Аполлон

Григорьев [2; 221] (см. также [5; 358–359]). Именно Григорьев или его ученик Н. Н. Страхов, следившие за деятельностью славянофилов, могли указать Достоевскому на эту аксаковскую работу.

[2] Своеобразную пародию на интересующую нас формулу встречаем и в романе «Братья Карамазовы», где обладающий определенной смысловой наполненностью образ золота в грязи помещен в сниженный контекст. «…Но я всегда переулочки любил, глухие и темные закоулочки, за площадью, – там приключения, там неожиданности, там *самородки в грязи*. Я, брат, аллегорически говорю» (курсив мой. – *Д. К.*), – признается Митя Карамазов [6; Т. 14; 100].

[3] «О борьбе с Западом, в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов (Н. Страхов)» – так называлась статья В. В. Розанова, впоследствии вошедшая в его книгу «Литературные изгнанники» (СПб., 1913. Т. 1).

[4] Например, в неопубликованном при жизни К. Аксакова отрывке «Рабство и свобода» отмечалась склонность Белинского к «пустому голому отрицанию»; схожая оценка дана и статьям Добролюбова, обратившим на себя внимание славянофильского автора: «Сколько детского отрицания! <…> Прочтите критику какого-то – бов: в ней это особенно видно» [1; 482].

[5] О взаимоотношениях Достоевского и Страхова см. [8; 40–45].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А к с а к о в К. С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. 526 с.
2. Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии / Под ред. Влад. Княжнина. Пг.: Издание Пушкинского Дома при Академии Наук, 1917. 413 с.
3. Б а р с у к о в Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1–22. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. Кн. 15. 522 с.
4. Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
5. Воспоминания Аполлона Григорьева и воспоминания о нем. М.; Л.: Academia, 1930. 669 с.
6. Д о с т о е в с к и й Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
7. К у н и л ь с к и й Д. А. Славянофильская формула К. С. Аксакова в публицистике Достоевского // Русская литература. 2012. № 1. С. 92–101.
8. Р о з е н б л ю м Л. М. Творческие дневники Достоевского. М.: Наука, 1981. 368 с.
9. С т р а х о в Н. Н. Бедность нашей литературы. Критический и исторический очерк. СПб.: В тип. Н. Неклюдова, 1868. 74 с.
10. С т р а х о в Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. Т. I. С. 179–329 (первая пагинация).
11. С т р а х о в Н. Н. Из истории литературного нигилизма 1861–1865. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1890. 596 с.
12. Х о м я к о в А. С. Стихотворения и драмы. Л.: Сов. писатель, 1969. 596 с.

Kunil'skiy D. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

IMAGE-BEARING EXPRESSIONS OF SLAVOPHILES IN DOSTOEVSKY'S WORKS

The article presents a range of previously unaccounted facts related to political essays and literary works of F. M. Dostoevsky. These reminiscences represent various references to Slavophiles' ideas fixed in image-bearing expressions. One of such expressions is K. S. Aksakov's phrase "Publika (nobility) – dirt in gold, folk – gold in the dirt". The Slavophile image of "Gold in the dirt" is reconsidered by Dostoevsky in his articles dd. 1862, 1863 and 1876, as well as in his novel "The Idiot". Further we notice the "word-for-word" concurrence of the named authors in characterization of Turgenev and Goncharov's novels. One more unnoticed episode of Dostoevsky's literary reference to the works of Slavophiles is recorded in the novel "The Karamazov Brothers". This novel contains a veiled reference to A.S. Khomyakov's poem "Shiroka, neobozrima…". N. N. Strakhov is regarded as a link between Dostoevsky and Slavophiles. It was found out that Strakhov's thoughts on Russian nihilists were used as a matter for Dostoevsky's articles in "A Writer's Diary" dated June 1876. The reminiscences that were found in the works by Dostoevsky allow identification of the special Slavophile-related ideological and stylistic stratum in his oeuvre.

Key words: Dostoevsky's works, Slavophiles, reminiscences, political essays, "gold in the dirt", negation

REFERENCES

1. A k s a k o v K. S. *Estetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and Literary Criticism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1995. 526 p.
2. *Apollon Aleksandrovich Grigor'ev. Materialy dlya biografii* [Apollon Aleksandrovich Grigor'ev. Materials for the Biography]. Petrograd, Pushkin House Publ., 1917. 413 p.
3. B a r s u k o v N. P. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina* [The life and works of M. P. Pogodin]. Books 1–22. St. Petersburg, M. M. Stasyulevich's Publ., 1901. Vol. 15. 522 p.
4. *Biblioteka F. M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [F. M. Dostoevsky's Library: The Experiment of Reconstruction. Scientific Description]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p.
5. *Vospominaniya Apollona Grigor'eva i vospominaniya o nem* [Memoirs of Apollon Grigor'ev and Memoirs about Him]. Moscow; St. Petersburg, Academia Publ., 1930. 669 p.
6. D o s t o e v s k i y F. M. *Polnoe sobranie sochineniy v tridsati tomah* [Complete Works in Thirty Volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990.
7. K u n i l ' s k i y D. A. *Slavophile's Formula by K. S. Aksakov in Dostoevsky's Political Essays* [Slavyanofilskaya formula K. S. Aksakova v publitsystike Dostoevskogo]. *Russkaya literatura* [*Russian literature*]. 2012. № 1. P. 92–101.
8. R o z e n b l y u m L. M. *Tvorcheskie dnevniki Dostoevskogo* [Dostoevsky's Diaries]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 368 p.
9. S t r a k h o v N. N. *Bednost' nashey literatury. Kriticheskiy i istoricheskiy ocherk* [The Bareness of Our Literature. Critical and Historical Essay]. St. Petersburg, N. Nekhludov's Publ., 1868. 74 p.
10. S t r a k h o v N. N. The Memoirs about F. M. Dostoevskom [Vospominaniya o Fedore Mikhayloviche Dostoevskom]. *Polnoe sobranie sochineniy F. M. Dostoevskogo*. St. Petersburg, A. S. Suvorin's Publ., 1883. Vol. 1. P. 179–329.
11. S t r a k h o v N. N. *Iz istorii literaturnogo nigilizma 1861–1865* [From the History of Literary Nihilism]. St. Petersburg, Brothers Panteleev's Publ., 1890. 596 p.
12. K h o m y a k o v A. S. *Stikhotvoreniya i dramy* [Poems and Drama]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1969. 596 p.

Поступила в редакцию 25.01.2013

Февраль, № 1 **Филология** **2013**

УДК 81’42

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА ФАДЕЕВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии факультета русской филологии, Московский государственный областной университет (Москва, Российская Федерация)
tatjanaf@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭПИТЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Анализируется специфика трансформации простых и сложных эпитетов в языке художественных произведений М. Ю. Лермонтова разных лет; изобразительно-выразительные средства свидетельствуют о приоритетном положении эпитета в художественном мире поэта, репрезентируют эволюцию его ментально-лингвальной картины мира и переход от романтической к реалистической традиции. Исследуется роль эпитета в создании эмоциональной, эмоционально-ораторской и реалистической разновидностей художественного стиля.

Ключевые слова: эпитет, художественный стиль, эмоциональность, язык художественного произведения, языковая личность

В художественном языке М. Ю. Лермонтова эпитет играет значительную роль, так как наряду с другими изобразительно-выразительными средствами участвует в создании индивидуально-авторского стиля, придавая ему особую эмоциональность и экспрессию. На эту черту манеры письма поэта указывают многие исследователи: «Слова и конструкции признакового характера занимают в лермонтовском контексте главенствующее положение, украшая имена существительные… обозначающие реалии окружающего мира» [4; 366].

В поэтических и прозаических произведениях М. Ю. Лермонтова различных лет используются как простые по структуре (*дружба бескорыстная*, *гость незваный*, *взор печальный*, *муза небрежная* и т. д.), так и композитные единицы признакового характера (*дружба нежно-постоянная*, *полновесистый герой*, *арфа златострунная*, *изгнанник самовольный* и др.), художественное своеобразие которых подвергалось кардинальной переработке в процессе смены писателем метода – от романтизма к реализму. В творческой манере письма поэта традиционно выделяются три разновидности художественного стиля: эмоциональный, эмоционально-ораторский и реалистический, в каждом из которых функционирование эпитета имеет свою специфику.

Первый демонстрирует повышенную эмоциональность, особую чувственность и напряженность. Одним из основных средств выразительности языка, участвующих в создании эмоционального стиля, становится эпитет, в художественном пространстве поэта ярко репрезентирующий субъективно-оценочный план: *вечно-памятный привет*, *огонь гостеприимный*, *самолюбивые волненья* и т. д. Ранний период творчества М. Ю. Лермонтова, как неоднократно отмечалось исследователями его языка, характеризуется романтической направленностью и отличается отбором языковых средств особой выразительности и эмоциональности: *грозный рок*, *задумчивая цевница*, *всесожигающий костер*. Внутренние переживания романтического героя часто становятся у автора источником самых разных эпитетов:

Ревет гроза, дымятся тучи
Над *темной бездною морской*,
И хлещут пеною кипучей,
Толпяся, волны меж собой.
Вкруг скал *огнистой лентой* вьется
Печальной молнии змея,
Стихий *тревожный рой* мятется –
И здесь стою недвижим я [6; Т. 1; 97].

Мятежное начало сил природы, своенравное и сильное, олицетворяет внутреннюю борьбу личности, переживающей «трагическое двоемирие», находящейся в конфликте с окружающим миром. В рамках художественного пространства многие эпитеты демонстрируют метафорическую актуализацию, заслуживающую особого внимания, так как «переносное значение, как правило, является репрезентантом категории эмотивности, характерной для выражения эмоционального состояния говорящего, которое всегда субъективно и неожиданно, всегда изменчиво и непостоянно» [3; 14]. И именно здесь эпитеты позволяют автору раскрыть его индивидуальное видение мира, продемонстрировать личностную систему ценностей. Художественная система поэтических образов романтического периода находит свое отражение и в прозаических произведениях М. Ю. Лермонтова. Так, например, ее отголоски встречаются в повести «Вадим»: «Клянусь головою отца моего, что исполню свою обязанность! – воскликнул нищий, – и *адская радость* вспыхнула на *бледном лице*» [6; Т. 6; 10].

Включение подобных эпитетных комплексов в речь героев могло бы свидетельствовать просто

© Фадеева Т. М., 2013

об их экзальтированном внутреннем мироощущении, об их своеобразии, употребление же в авторском повествовании становится свидетельством языковых пристрастий самого писателя. В тексте «Вадима» встречаются и другие эмоционально насыщенные изобразительно-выразительные единицы: *взор свинцовый*, *мысли мрачные и чудесные*, *сумрачная душа*, *невинное сердце*, *мрачный пламень*, *пробужденный в глазах*, и т. д.

В языке романтических произведений Лермонтова значительное место занимают эпитеты, с одной стороны, определяющие свободолюбие и мятежность лирического героя (*простосердечный сын свободы*, *тоска мятежная*, *буйная дума*, *стихия мятежная*), с другой – раскрывающие его глубокое одиночество и страдания (*душа пустынная*, *душа больная*, *таинственная печаль*, *добровольное изгнанье*, *жестокие мученья*, *сердечная пустота*). Симптоматичным для данного периода является и корпус объектов эпитетации: в подавляющем большинстве они представлены отвлеченной лексикой (свыше 65 %).

На сходство некоторых образов раннего творчества М. Ю. Лермонтова с поэтическими образами других авторов указывали многие исследователи (С. П. Шевырев, В. В. Виноградов, Б. М. Эйхенбаум). Данная тенденция проявила себя и в области эпитетов: некоторые из них, являющиеся общим местом в языке произведений романтиков, активно используются Лермонтовым. Так, в стихотворения «Покаяние» и «Романс» вводится образ *жизнь скоротечная*, отмечаемый неоднократно в поэтическом пространстве в произведениях П. А. Вяземского, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, А. П. Сумарокова, В. С. Филимонова и др. Но М. Ю. Лермонтов не просто повторяет тропы и романтические формулы, в своих контекстах он подвергает их трансформациям, актуализируя потенциальные валентности изобразительно-выразительных единиц.

Период 1830-х годов отмечаен серьезными изменениями в языке произведений М. Ю. Лермонтова: усиливаются идейная направленность и патетическая исповедальность, лирика изобилует экспрессивными средствами, характерными для новой стилистической категории – эмоционально-ораторского стиля. Этот стиль характеризуется не только повышенной эмоциональностью, но и явной декларативностью, которая репрезентируется оценочным характером эпитетов. Четко выраженная пейоративность многих художественных определений обусловлена негативным восприятием поэтом фактов окружающей действительности.

Ярким образцом эмоционально-ораторского стиля М. Ю. Лермонтова является стихотворение «Смерть Поэта» (1837), в котором наряду с «отточенными афоризмами», «декламационной интонацией» и эмоциональным синтаксисом знаковой единицей языковой выразительности становится именно эпитет, не только выполняющий свою непосредственную функцию, но и участвующий в развернутом противопоставлении образа погибшего поэта и толпы:

Убит!.. к чему теперь рыданья,
Пустых похвал *ненужный* хор,
И *жалкий* лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его *свободный, смелый* дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? Веселитесь… [7; Т. 2; 84].

Метафорические художественные определения, в изобилии представленные в данном стихотворении, вносят в него эмоциональную напряженность, усиливают обличительный характер. Образы, определяемые эпитетами, могут вступать между собой в сложные синтагматические взаимоотношения. Так, не являясь языковыми синонимами, эпитеты начинают семантически сближаться в рамках поэтического контекста, когда в сопоставительные отношения вступают определяемые ими объекты:

Угас, как светоч, *дивный гений*,
Увял *торжественный венок*… [7; Т. 2; 84].

Эпитеты принимают активное участие и в создании обличительной антитезы, усиливая контекстуальное противопоставление объектов эпитетации. Так, в антонимические отношения вступают объекты эпитетации символического плана *неги, дружба – свет*, олицетворяющие свободный мир поэта и жизнь светского общества:

Зачем от *мирных* нег и дружбы *простодушной*
Вступил он в этот свет *завистливый и душный*
Для сердца вольного и пламенных страстей?
[7; Т. 2; 85].

Включаясь в структуру более развернутых образов, эпитеты расширяют семантический объем за счет абстрактно-оценочной коннотации:

Мы иссушили ум *наукою бесплодной*,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и *голос благородный*
Неверием *осмеянных страстей* [7; Т. 2; 113].

Декларативность изложения и ораторская интонация подчеркивается анализируемым изобразительно-выразительным средством особенно ярко в тех случаях, когда художественные определения в контексте объединяются в целые группы. Этот прием усиливает эмоциональное воздействие на читателя, и автор, располагая рядом нескольких эпитетов и объектов эпитетации, создает между поэтическими образами художественную связь, одни соединяя между собой, а другие противопоставляя друг другу:

Отравлены его *последние* мгновенья
Коварным шепотом *насмешливых* невежд,

И умер он – с *напрасной жаждой мщенья*,
С *досадой тайною обманутых надежд* [7; Т. 2; 85].

Эпитеты позволяют Лермонтову расставить смысловые акценты в стихотворении, однако перенасыщенность ими художественного текста может придавать языку произведения и излишнюю декоративность.

Постепенно индивидуально-авторский стиль М. Ю. Лермонтова меняется: в нем усиливается тенденция к конкретизации изображаемого и психологической достоверности. Создание реалистической картины мира требует от поэта новых средств художественной выразительности или иного отношения к использованию традиционных. В. В. Виноградов отмечал, что «Лермонтов стремился приспособить русский литературный язык к выражению сложных психических коллизий и раздумий сильной рефлектирующей личности, к передаче ее внутренней исповеди, ее политического протеста и ее общественных стремлений и идеалов, сложных мотивов ее недовольства и ее борьбы с современным обществом» [2; 306]. Итогом лингвистической работы поэта явился стиль предметной точности слов, в котором доминируют простые, сжатые, но при этом яркие образы. «Этот стиль так идеально прост, что мог бы казаться прозаическим, если бы не был так насыщен чувством» [9; 214].

Эпитет в реалистическом стиле М. Ю. Лермонтова изменяет характер и поле своего применения. Например, в стихотворении «Бородино» многие определения, используемые поэтом в воспоминаниях о сражении, являются изобразительно-выразительными единицами без оценочного признака:

И вот нашли *большое* поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса *синие* верхушки —
Французы тут как тут [7; Т. 2; 80].

Да и объектами эпитетации все чаще выступают не отвлеченные лексические единицы, как в раннем периоде творчества, а конкретные имена существительные: *зимние квартиры*, *чужие мундиры*, *русские штыки*, *гора кровавых тел* и др., то есть в языке поэта актуализируется детализация художественного образа.

Отбор языковых средств может предопределяться и выбором особой композиции, в стихотворении «Бородино» реализующейся в форме диалога. «Такое построение данного произведения позволяет не только “внутри текста” представить объективную ценностную позицию Я (близкого автору) и Другого (собеседника, очевидца и участника героических событий); но и ставит читателя в положение, близкое спрашивающему (авторскому Я)» [6]. Создавая достоверное повествование, принадлежащее не поэту, а старому солдату, Лермонтов использует единицы живой речи, которой чужды торжественные книжные изыски романтического стиля (в этом плане особенно интересным представляется сопоставление со стихотворением «Поле Бородина» [7; Т. 1; 288], где поэт включает явно романтические эпитетные комплексы: *могильная сень*, *роковая ночь*, *глас пророчий* и др.). При этом для стихотворения «Бородино» характерна глубокая народная поэтичность и лиризм повествования. В. Г. Белинский писал о нем: «В каждом слове вы слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии» [1; 503–504]. В создании этой органичной манеры изложения эпитеты играют важную, а порой и приоритетную роль в изображении картины мира.

Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам…
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в *земле сырой* [7; Т. 2; 81].

Эмоциональный характер художественные определения могут развивать и за счет их инверсионного употребления – приема, к которому поэт прибегает довольно часто во многих поэтических и прозаических произведениях: *схватки боевые*, *бивак открытый*, *дым летучий*, *бой удалый* и т. п. Реалистический стиль отличается подчеркнутым психологизмом и связью с фольклорными традициями. Эта особенность письма Лермонтова наблюдается не только в данном стихотворении. Так, в «Песне про царя Ивана Васильевича…» [7; Т. 4; 101] в создании сказовой манеры повествования значительное место занимают постоянные эпитеты, являющиеся маркерами языка устного народного творчества: *буйная головушка*, *солнце красное*, *тучки синие*, *брови черные*, *боярыня белолицая* и т. д. В ткань повествования активно включаются народно-поэтические приемы. Подобная фольклоризация художественного стиля полностью соответствует требованиям реалистического изображения исторического времени и строгим языковым канонам русского эпоса.

Таким образом, многие художественные определения, подвергаясь поэтическому переосмыслению, звучат совершенно иначе в произведениях реалистического плана. Они не только актуализируют свой метафорический потенциал, но и образно представляют описываемый предмет и номинируют его наиболее значимые, по мнению автора, качества, способствуя художественной детализации изображаемого. Обилие художественных определений изобразительного плана в описании природы раскрывает индивидуальность языковой личности поэта: как известно, М. Ю. Лермонтов неплохо рисовал, и этот его талант способствовал более точной вербальной передаче поэтического образа: *лазурно-яркий свод небес*, *светло-лиловая стена вершин*, *глава остроконечная Казбека*, *вершина*

белоснежная. Стремление придать наибольшую реалистичность повествованию, репрезентировать различные нюансы окружающей действительности выражается у автора в создании эпитетов, номинирующих качества, воспринимаемые различными органами чувств, однако самыми частотными изобразительно-выразительными средствами в языке М. Ю. Лермонтова являются зрительные и слуховые (свыше 70 %):

Счастливый, *пышный край земли*!
Столпообразные раины.
Звонко-бегущие ручьи
По дну из *камней разноцветных*,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;

Чинар *развесистые сени*,
Густым венчанные плющом [7; Т. 2; 185].

Соединение зрительных и слуховых образов в одном контексте позволяет поэту создать «эффект присутствия».

Таким образом, анализ языка художественных произведений Лермонтова позволяет говорить об эпитете как стилеобразующей единице, репрезентирующей эволюцию творческого метода поэта. В области эпитета Лермонтов продолжает развивать художественную систему русского литературного языка, заложенную предшественниками, привнося не только традиции народной поэтической образности, но и создавая свои индивидуально-авторские приемы отбора языковых средств для художественного пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 4, М.: АН СССР, 1954. 495 с.
2. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высш. шк., 1982. 528 с.
3. Войлова К. А., Леденева В. В. История русского литературного языка. М.: Дрофа, 2009. С. 364–381.
4. Войлова К. А. Слово *пустынный* как репрезентант производящей основы *пустыня* в языке произведений А. С. Пушкина // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». 2011. № 3. С. 12–16.
5. Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979. 568 с.
6. Киселева И. А. Роль событий войны 1812 года в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX века: к вопросу о патриотизме Лермонтова // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». 2012. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://evestnik-mgou.ru/vipuski/2012_4/stati/pdf/kiseleva.pdf
7. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957.
8. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энциклопедия». М.: Сов. энциклопедия, 1981. 746 с.
9. Фишер В. М. Поэтика Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 196–236.

Fadeeva T. M., Moscow State Regional University (Moscow, Russian Federation)

FUNCTIONING SPECIFICS OF EPITHETS IN M. YU. LERMONTOV'S LITERARY WORKS

The specifics of simple and complex epithets transformation in the language of M.YU. Lermontov's literary works of different periods is analyzed in the study. The figurative and expressive means used by the poet indicate the priority position of the epithet in his artistic world, representing the evolution of his mental-lingual picture of the world and the transition from the romantic tradition to the realistic one. The study explores the role of the epithet in the creation of emotional, emotional-oratorial, and realistic varieties of artistic style.

Key words: epithet, artistic style, emotionality, language of literary work, linguistic personality

REFERENCES

1. Belinskiy V. G. *Poln. sobr. soch.: V 13 t*. [Complete Collected Works in 13 vol.]. Vol. 4. Moscow, Academy of Sciences of USSR Publ., 1954. 495 p.
2. Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv*. [Essays on the History of the Russian Literary Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1982. 528 s.
3. Voylova K. A., Ledeneva V. V. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [History of the Russian Literary Language]. Moscow, Drofa Publ., 2009. P. 364–381.
4. Voylova K. A. Slovo *pustynnyi* kak reprezentant proizvodyashchey osnovy *pustynya* v yazyke proizvedeniy A. S. Pushkina [Word *Pustynnyi* as Representant of Productive Stem *Pustynya* in the Language of Pushkin's works]. V*estnik MGOU. Ser.* "*Russkaya filologiya*". 2011. № 3. P. 12–16.
5. Gorbachevich K. S., Khablo E. P. *Slovar' epitetov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian epithets]. Leningrad, 1979. 568 p.
6. Kiseleva I. A. Rol' sobytiy voyny 1812 goda v formirovanii imperskikh nastroeniy russkogo obshchestva pervoy treti XIX veka: k voprosu o patriotizme Lermontova [The Role of the War of 1812 in Forming Imperial Moods of the Russian Society of the First Third of XIX Century: about Lermontov's Patriotism]. *Elektronnyy zhurnal* "*Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*". 2012. № 4. Available at: http://evestnik-mgou.ru/vipuski/2012_4/stati/pdf/kiseleva.pdf
7. Lermontov M. Yu. *Soch.: V 6 t*. [Works: In 6 Vol.]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1954–1957.
8. *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov's encyclopedia]. Moscow, Sov. entsiklopediya Publ., 1981. 746 p.
9. Fisher V. M. Poetics of Lermontov [Poetika Lermontova]. *Venok M. Yu. Lermontovu: Yubileynyy sbornik* [Wreath for Lermontov: Jubilee Collection]. Moscow; Petrograd: Izd. t-va "V. V. Dumnov, nasledniki br. Salaevykh", 1914. P. 196–236.

Поступила в редакцию 22.01.2013

Февраль, № 1 **Филология** **2013**

УДК 821.161.1(092)

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА
кандидат филологических наук, заведующий кафедрой скандинавских языков филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natshar@mail.ru

РОМАН «МОСКВА» АНДРЕЯ БЕЛОГО И «ФАУСТ» И. В. ГЁТЕ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОСОФИИ Р. ШТАЙНЕРА*

Выявлены типологические связи между последним и малоизученным романом Андрея Белого «Москва» (1926–1932) и драмой Гёте «Фауст». Основные мотивы (мотив ослепления, спасения героя, амбивалентность финала) интерпретируются в тесной связи с антропософским учением Р. Штайнера. Андрей Белый воспринимает героя Гёте как символ и средоточие Нового времени, как «тип типов и принцип принципов», в котором «история становится биографией одного индивидуума». Важнейшей составляющей архитектоники романа выступает антропософский код. Несмотря на цензурные ограничения 1920-х годов, автор зашифровал в своем произведении антропософские идеи, образы и символы (Аримана и Люцифера, архангела Михаила). Главный герой романа, подобно Фаусту, пройдет тернистый путь от абстрактности и порой бесплодности научных устремлений к живительной органике самой жизни. Путь нравственного совершенствования героев пролегает через встречу с демоническим миром. Мотив ослепления сближает оба произведения. Финалы романа и драмы амбивалентны. Фауст свой высший миг («прекрасное мгновение») переживает, слыша звуки лопат Лемуров (приняв их за созидательные работы). В финале романа А. Белого мир рушится, но герой открывает для себя пространство любви, веры, его озаряют идеи всепрощения и милосердия. Коробкин – фаустианский человек, но не в просветительском ключе, а в антропософском смысле. Оба героя в поисках полноты переживания жизни, открытия для себя духовных основ бытия обретают подлинное высшее «Я», являя собой живую связь с социумом, сущим, Богом. И. В. Гёте и Андрей Белый субъективное «Я» расширили до пределов Природы, мира, Космоса.

Ключевые слова: компаративистика, антропософские образы и символика, мотив ослепления героя

В последнее десятилетие XX века и в начале XXI века, на волне возвращенной запрещенной литературы, возрос интерес к творчеству Андрея Белого (1880–1934), возникла насущная необходимость исследовать эстетические открытия, новаторские приемы писателя в области мотивной структуры и повествовательных стратегий, которые во многом определили русский и западноевропейский литературный процесс. Тематически западное беловедение развивало следующие линии интерпретации: влияние антропософии Р. Штайнера (шире – оккультизма), психоаналитическое толкование произведений, типологические связи поэтики Андрея Белого с модернизмом XX века, публикация запрещенного в СССР эпистолярного наследия, переиздания и перевод на разные языки романов и повестей писателя.

К настоящему времени ситуация в литературоведении качественно изменилась: на Западе интерес к Андрею Белому ослабел, а в отечественной филологии начал набирать стремительные обороты. Применительно к творчеству русского писателя-символиста современные исследователи выстраивают «немецкий текст», «который является неотъемлемой частью более общего понятия – “культурный текст”» [6; 3].

Отношение к современной писателю Германии 20-х годов XX века существенно изменится под воздействием и пережитого в Берлине личного кризиса, и наблюдений за новыми зарождающимися порядками (предфашизм), которые только еще «носились в воздухе» [4].

Воззрения Андрея Белого 10–20-х годов XX века обусловлены влиянием антропософии: с 1912 по 1916 год писатель вместе с А. Тургеневой находится в общине Р. Штайнера в Дорнахе, где строит храм-театр «Гётеанум». Учение о «точной науке о мистическом» Р. Штайнера писатель соединил с близкой ему со времен «аргонавтизма» начала XX века идеей жизнетворчества.

В 10-е годы XX века разразится публичный спор между недавними близкими друзьями и сподвижниками, организаторами издательства «Мусагет» критиком Э. Метнером и Андреем Белым. В работе шведского исследователя Магнуса Юнггрена с «фаустовским» названием «Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера» во всех подробностях дана непростая история взаимоотношений старшего Метнера и Андрея Белого [12].

Увлеченность Андрея Белого антропософскими идеями Штайнера, отъезд к нему за границу, участие в строительстве первого деревянного Гётеанума, ослабление влияния на него со стороны Метнера – все это привело к болезненному конфликту, который и принял форму миро-

© Шарапенкова Н. Г., 2013

воззренческого поединка, где главной фигурой выступил Гёте. За личной драмой скрывалось большее, нежели расхождение взглядов бывших символистов-соратников. Спор-разрыв знаменует собой кризис и символизма, и его представителей. Антропософия здесь в лице ее неофита А. Белого противостоит последователю аналитической психологии Э. Метнеру.

Андрей Белый, к 1914–1916 годам последовательный приверженец «тайной науки», прочитав «Размышления о Гёте» Э. К. Метнера, увидел в них ужасную, искаженную правду о Штайнере и его толкованиях сочинений немецкого классика. Вернувшись в Россию в 1916 году, Андрей Белый участвует в создании русского объединения антропософов. О задачах московской «Ломоносовской» антропософской группы писатель вспоминал впоследствии: «С 17 до 21 года перед русскими антропософами стояли задачи, не снившиеся антропософам Запада: вопросы о связи культуры России в ее *становлении* с культурой антропософии в ее *становлении.* Никаких *ставших* форм, лишь одно *становление* было нам непосредственно дано; и поставлена задача: становление не утопить в хаосе» [5; 475].

Важнейшей составляющей архитектоники романа «Москва» выступает антропософский код. Посвящение («Посвящаю памяти архангельского крестьянина Михаила Ломоносова» [3; 18]) и эпиграф романа («Открылась бездна – звезд полна» *М. Ломоносов* [3; 19]) являются символами-шифрами для всего дальнейшего повествования. Автору удалось «зашифровать» в своем произведении многие антропософские идеи, мотивы, образы, символы. Вместе с тем писатель сознательно (по цензурным соображениям) вводит в свой последний роман авантюрную (детективную) фабулу, построенную на узнаваемых мотивах (погоня, слежка, мировой заговор).

Жанр авантюрного романа приобрел особую популярность в 20-е годы XX века. Как отмечает М. А. Черняк, «через увлечение этим жанром прошли многие известные писатели – М. Булгаков, А. Толстой, В. Катаев, И. Эренбург…» [10; 85]. Творчество Андрея Белого в это время встроено в общий контекст происходящих изменений – как в обществе, так и в литературном процессе, который отмечен полемичностью послереволюционного времени.

Придав фабуле авантюрную жилку, автор «Москвы» тем не менее сумел вплести в нее сложные антропософские образы и символы. В дарственной надписи на первой части романа «Московский чудак» литератору-антропософу П. Н. Зайцеву введен «ломоносовский» код:

«Дорогому Петру Никаноровичу Зайцеву с любовью и –
– с чувством связи во имя Ломоносова.
Андрей Белый (Борис Бугаев)» [8; 448–449].

Графически выделенное знаками тире «во имя Ломоносова» – указание на то, что роман рассчитан как на широкого читателя, так и обращен к немногим, «посвященным». М. Ломоносов почитался патроном московской антропософской группы. Имя Михаил и указание на место рождение (архангельский), зафиксированное в посвящении к роману, связывались в сознании писателя-антропософа с архангелом Михаилом, важнейшим символом в антропософском учении.

В 1924 году Андрей Белый пишет письмо Иванову-Разумнику из Коктебеля: «…вероятно, придется писать повесть; в плане будущего же стоит реалистическая драма: *“Анна Павловна”*, а где-то вдали рисуется трагедия *“Доктор Доннер”»* [1; 296]. Впоследствии оба персонажа, вынесенные в заголовки задуманных драм, займут свое место в романе «Москва». Примечательно, что в 1924 году (в период обдумывания замысла) А. Белый разводит «реалистическую драму» и трагедию со скрытым антропософским подтекстом. Упоминание в названии будущей трагедии знакового обращения «доктор» и калька с немецкого «Donner» (гром) вызывали у адресата и «посвященных» ассоциативную связь будущего замысла с образом основоположника антропософии Р. Штайнера.

В 1921 году в Берлине произошел разрыв писателя с Р. Штайнером, который сыграл крайне важную роль в становлении Андрея Белого – писателя и мыслителя [9]. Между тем в 1925 году, в период создания первого тома романа «Москва», писатель приступает к работе над «Воспоминаниями о Р. Штайнере», в которых зафиксировал апологетический образ доктора.

Связующим началом антропософских построений и символических интуиций Андрея Белого выступает символ *«человек».* Так, в исповедальной книге 1928 года писатель вспоминал: «Из бочки, над бочкою увидел я мое *“я”* – высоко над собой; оттого я взял фонарь и несколько лет говорил о человеке, как *Челе Века.* Знак этого Чела на мгновения вспыхивал и над моим челом в Дорнахе, когда это чело венчали терньи» [5; 465–466]. Через античный миф о Диогене, который с факелом в руках искал человека, Андрей Белый вновь обращается к своему емкому символическому образу: высший человек есть «*Чело Века*».

В романе «Москва» трансформированы многие мотивы, идеи «Фауста» И. В. Гёте, прочитанного в духе тайноведения Рудольфа Штайнера со свойственными русскому писателю собственными духовными интуициями [11]. Андрея Белого волнует в романе сама постановка проблемы, близкая немецкому классику, – амбивалентности добра и зла, сопричастности, скорее открытости человека демоническому при его восхождении к высшему «Я». И ориентир для Белого в этих

поисках – Гёте, создавший «лучшую мистерию-драму» [2; 164].

Русский писатель читал все статьи и работы Р. Штайнера, посвященные Гёте, его мировоззрению и разбору «Фауста» с точки зрения антропософского учения: «Очерк теории познания Гётевского мировоззрения, составленный принимая во внимание Шиллера», «“Фауст” Гёте как образ его эзотерического мировоззрения» (1902). Все эти штудии, предпринятые Андреем Белым в 1914–1917 годах, не могли не повлиять на мотивную структуру и образную систему романа «Москва».

Правомерно ли сопоставление доктора Фауста, ученого-чернокнижника, и доктора Коробкина, создателя смертоносного луча? Немецкий доктор-алхимик и русский доктор-математик в начале драмы и романа находятся в поисках живительной истины и высшего «Я». Оба доктора в начале повествования переживают мировоззренческий и личностный кризис. В художественном пространстве романа и драмы мировоззренческий кризис, переживаемый и Фаустом, и Коробкиным, обернется преодолением символической границы. Итог накопления книжного знания одинаков для обоих героев: «Da steh' ich nun, ich armer Tor!» [13; 157], «был и остался дураком» [3; 21], стал «мавзолеем собственной жизни» [3; 21]. Фауст покидает пределы своей готической кельи, чтобы постигнуть «Вселенной внутреннюю связь» [6; 22] («Daß ich erkenne, was die Welt/im Innersten zusammenhält»), а Коробкин – своего кабинета, «тяп-ляпистого» [3; 19] мира. Фауст вспоминает изречение мудреца, где акцентирован мотив слепоты: «Мир духов рядом, / дверь не на запоре, / Но сам ты слеп, / и все в тебе мертво» [6; 23].

Фауст, в интерпретациях Р. Штайнера, при созерцании магических очертаний размышляет: «Как стать “средоточием всех этих элементов” Вселенной, как человеку сознательно сделаться человеком?» [11; 128]. Метафизический вопрос в формулировке Р. Штайнера объединяет духовные усилия доктора Фауста и профессора Коробкина не по обретению ими сверхчеловеческой интеллектуальной мощи (она дана героям «в анамнезе»), а в попытке взращивания своего истинного «Я», то есть «вочеловечивания», «пресуществления».

Фауст до встречи с Мефистофелем и Коробкин во время работы над своим открытием находятся во власти Люцифера (духа гордыни), одержимы Вагнером («абстрактным мышлением»). Р. Штайнер различает две инфернальные силы, которые могут овладеть человеком. Антропософ дал этим силам имена Люцифера (отвлеченная мысль и отвлеченная мечта) и Аримана (власть собственных материально-чувственных устремлений).

Фауст и Коробкин пройдут тернистый путь от абстрактности и порой бесплодности научных устремлений к живительной органике самой жизни. Носителями инфернального начала предстают в драме и романе Мефистофель и Э. Э. фон Мандро. Мефистофель звал Фауста «изведать после долгого поста, / что означает жизни полнота» [6; 57], злодей Мандро лишь уговаривал Коробкина продать свое открытие за миллион. И у Гёте, и у Белого путь нравственного окормления героя пролегает через пакт, смертельное пари, встречу с демоническим.

В романе «Москва» рассыпаны аллюзии, скрытые и явные намеки на «Фауста». Мефистофель присутствует в тексте не только как некий прообраз, литературный прототип «проходимца истории» фон Мандро, но и назван непосредственно и даже вынесен в заголовок. Правда, Мефистофель предстает здесь, словно в усеченном варианте, – Тойфель (нем. der Teufel, черт). Имя Тойфель ввергается автором в словесную звуковую игру – «Тойфель, Картойфель» [3; 742], хотя при этом нисколько не умаляется всемогущество этого демонического героя в судьбе самого фон Мандро (Тойфель-Картойфель спасает преступника от неминуемого разоблачения). Первый том «Москвы» заканчивается ослеплением Коробкина (Мандро выжигает ему глаз) и известием о смерти сошедшего с ума от содеянного преступника.

В толковании странного сближения двух героев-антагонистов – ученого Коробкина и демонического героя-искусителя Мандро – Андрей Белый оказывается близок предложенной Р. Штайнером интерпретации «Фауста». Фаусту «предстает другой “образ и подобие” его существа, Мефистофель», − подчеркивает ученый-антропософ. «Мефистофельское начало Фауст должен преодолеть посредством жизненного опыта, усвоенного душой, уже имевшей соприкосновение с духовным миром» [11; 134]. В «Москве» в образе немца Доннера, мистического наставника фон Мандро, прочитываются черты реального доктора Штайнера, хотя сам Доннер предстает в романе порождением сновидческих и визионерских состояний героя.

На языке антропософа (символиста) Андрея Белого история вознесения (спасения) Фауста видится как история падения «души самосознающей» через искушения ариманическим и люциферическим. Первое падение Фауста – в акте подписания договора с Мефистофелем (ариманическим существом, по Р. Штайнеру и А. Белому), который потянет Фауста к «нижележащей сфере чувственности» [2; 166].

Соблазнительно-чувственное «изживается» Фаустом «в соблазнении Гретхен и в роскошествах Вальпургиевой ночи»; «в процессе дальнейшего схождения Фауста до мрака матерей, откуда он выводит Елену Прекрасную» [2; 166].

Путь этот сродни «нисхождению человечества», а сам Фауст есть, по мысли Андрея Бело-

го, «тип типов и принцип принципов», в котором «история становится биографией одного индивидуума». Но в финале трагедия «оборачивается мистерией прославления Фауста, рожденного младенцем в небо, – Фауста, вырванного из когтей Аримана и быстро вырастающего под лучами Вечной Женственности, Софии-Премудрой» [2; 167–168].

К проблеме спасения Фауста Андрей Белый обращается в 1918 году в статье «Кризис культуры». Здесь герой Гёте предстает как символ и как мифологема Нового времени. Фауст в истолковании символиста воплощает собой «странника», а сама культура «истекших столетий (с XVI по XX) – странствие» [5; 268]. Автор рисует антропологический взрыв внутри Ренессанса: «В “синкретизме” пиров Ренессанса нет странствий еще: здесь на празднике созревает трагедия пресуществляемой личности; скоро и в ней обнаружится Человек (Фауст, бледный Гамлет и Манфред); скоро радости пира развеются; зала пира окажется колдовским погребком, нас встречающим в “Фаусте”.

Фауст – спасается» [5; 268].

Фауст в финале в форме духовного сгустка, энтелехии поднимается в божественную эмпирею, к трону Богоматери. Смерть тела героя оказывается только порогом, испытанием, началом новых метаморфоз.

Одним из важнейших мотивов в заключительной сцене «Фауста» является *мотив ослепления*. Фауст в своей старческой дряхлости произносит такие слова: «Die Nacht scheint tiefer tief hereinzudringen, Allein im Innern leuchtet helles Licht» («Вокруг меня сгустились ночи тени, / Но свет внутри меня ведь не погас»). Коробкин может быть уподоблен своему литературному прототипу – Фаусту Гёте. «Миг потрясения», ослепления оказался и для Коробкина пиком высокой душевной активности и внутреннего роста. То ли во сне, то ли в грезах после свершившейся Голгофы (выжигания глаза) Коробкин пророчествует: «Слепцы – прозревают, а зрячие – слепнут» [3; 571]. Ослепший от боли Коробкин, подобно Фаусту, во втором томе романа «Маски» прозревает духовно и нравственно перерождается. Герою романа «Москва» надо стать полым, свободным от греховного «я», чтобы обрести высшее «Я».

Финалы романа и драмы амбивалентны. У Гёте Фауст, сопровождаемый «одной из кающихся, прежде называвшейся Гретхен», восходит к трону Богоматери. Но свой высший миг герой драмы переживает, слыша звуки лопат Лемуров (приняв их за созидательные работы).

В романе Андрея Белого мир рушится, катится в Тартар, раздается страшный взрыв. Герой открывает для себя пространство любви, веры, его озаряют идеи всепрощения и милосердия. Вместе с тем герой романа:

«не видит –
– как крыша взлетает под небо, как дым выбухает» [3; 754].

Андрей Белый дает историю становления «Я» героя в повести «Котик Летаев», в этом «прологе» к дилогии «Москва» (Л. Силард), в создаваемой им новой форме: «Давид Копперфильд» был взят через мотивы «Вильгельма Мейстера», а «этот последний пересажен в события жизни душевной» [1; 57]. Если речь идет о жанре воспитательного романа (каноном которого неизменно считают роман Гёте), то в неком ином смысле. Коробкин – фаустианский человек, но не в просветительском ключе, а в антропософском смысле. Близость мировоззрения Гёте и Белого видится в следующем: оба писателя субъективное «Я» расширили до пределов Природы, мира, Космоса. Символизм как целая система художественного и эстетического мировоззрения и антропософия как точная наука о Духе (тайноведение) были восприняты Андреем Белым в типологически схожем ключе – в *жизнетворческом*.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. 1913–1932 гг. СПб.: Atheneum: Феникс, 1998. 736 с.
2. Белый А. Душа самосознающая. М.: Канон+, 1999. 560 с.
3. Белый А. Москва / Сост. С. И. Тиминой. М.: Сов. Россия, 1989. 768 с.
4. Белый А. Одна из обителей царства теней. Л.: ГИЗ, 1924. 75 с.
5. Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л. А. Сугай. М.: Республика, 1994. 528 с.
6. Гёте И.-В. Фауст // Гёте И.-В. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 2. 507 с.
7. Карпухина О. С. «Немецкий текст» в творчестве Андрея Белого: автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2004. 23 с.
8. Москва и «Москва» Андрея Белого. М.: РГГУ, 1999. 512 с.
9. Оболенска Д. Путь к посвящению. Антропософские мотивы в романах Андрея Белого. Гданьск: Гданьский университет, 2009. 274 с.
10. Черняк М. А. Массовая литература XX в. М.: Флинта: Наука, 2009. 432 с.
11. Штайнер Р. Тайны. Сказка. О Гёте. М.: Энигма, 1996. 249 с.
12. Юнггрен М. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб.: Академический проект, 2001. 288 с. (Современная западная русистика).
13. Goethe J. W. Faust. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1977. 507 s.

Sharapenkova N. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ANDREI BELY'S NOVEL "MOSCOW" AND GOETHE'S DRAMA "FAUST" IN CONTEXT OF R. STEINER'S ANTHROPOSOPHY

The article reveals typological relations between the last and insufficiently studied novel of Andrei Bely "Moscow" (1926 and 1932) and Goethe's drama "Faust". The main motives (motive of blindness, salvation of the character, ambivalence of the finals) are interpreted in close connection to the anthroposophical teaching of R. Steiner. Andrei Bely perceives the character of Goethe as a symbol and focus of Modernity, as "a type of types and a principle of principles", in which "a story turns into a biography of an individual".The most important component of the novel architectonics is anthroposophical code. In spite of the censorship of 1920s, the author enciphered in his work anthroposophical ideas, images and symbols (Arimana and Lucifer, the Archangel Michael). The main character of the novel, in the same manner as Faust, will walk a thorny path from abstractedness and sometimes fruitlessness of scientific aspiration to the invigorating organics of life itself. Moral improvement of the character is achieved through an encounter with the demonic world. The motive of blindness brings both works together. Blinded by pain Korobkin envisions, like Faust, spiritual and moral degenerates. In addition, the finals of both the novel and the drama are ambivalent. Faust experiences his supreme moment (the beautiful moment) on hearing the sounds of Lemurs' shovels (taking them for creative works). At the end of Andrei Bely's novel the world collapses, but the character discovers a space of love and faith. Ideas of forgiveness and mercy shine upon him. So, Korobkin is a person like Faust, but not in the educational sense but in the anthroposophical one. Both characters, Dr. Faust and Dr. Korobkin, in their search of abundant life experience discover spiritual foundations of their true and higher "I", establishing by this living relationship with the society and God himself. J.W. Goethe and Andrei Bely extended the subjective "I" to the limits of nature, world, and cosmos.

Key words: comparative studies, the novel "Moscow", the drama "Faust" of Goethe, anthroposophical images and symbols, the motive of blinding a character

REFERENCES

1. *Andrey Belyy i R. Ivanov-Razumnik. Perepiska. 1913–1932* [Andrei Bely and Ivanov-Razumnik. Correspondence. 1913–1932]. St. Petersburg, Atheneum, Feniks Publ., 1998. 736 p.
2. B e l y y A. *Dusha samosoznayushchaya* [The self-conscious soul]. Moscow, Kanon+ Publ., 1999. 560 p.
3. B e l y y A. *Moskva* [Moscow]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1989. 768 p.
4. B e l y y A. *Odna iz obiteley tsarstva teney* [One of the monasteries of the Kingdom of shadows]. Leningrad, GIZ, 1924. 75 p.
5. B e l y y A. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a world outlook]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 528 p.
6. G e t e I.-V. *Sobranie Sochineniy: V 10 t.* [Goethe I.-V. Collected Papers. In 10 vol.]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1976. Vol. 2. Faust. 507 p.
7. K a r p u k h i n a O. S. *"Nemetskiy tekst" v tvorchestve Andreya Belogo*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk ["German text" in A. Bely's fiction. Cand. diss. philol. sci.]. Samara, 2004. 23 p.
8. *Moskva i "Moskva" Andreya Belogo* [Moscow and Andrey Bely`s "Moscow"]. Moscow, Russ. St. Univ. Human. Publ. (RSUH Publ.), 1999. 512 p.
9. O b o l e n s k a D. *Put' k posvyashcheniyu. Antroposofskie motivy v romanakh Andreya Belogo* [Way to the initiation. Anthroposophic motives in A. Bely's novels]. Gdan'sk, Gdan. Univ. Publ., 2009. 274 p.
10. C h e r n y a k M. A. *Massovaya literatura XX v.* [Mainstream literature of XX Century]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. 432 p.
11. S h t a y n e r R. *Tayny. Skazka. O Gete* [Secrets. Fairy tale. About Goethe]. Moscow, Enigma Publ., 1996. 249 p.
12. L j u n g g r e n M. *Russkiy Mefistofel'. Zhizn' i tvorchestvo Emiliya Metnera* [The Russian Mephisto. E. Metner's Life and Work]. St. Petersburg, Akademicheskiy proekt Publ., 2001. 288 p.
13. G o e t h e J. W. Faust. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1977. 507 s.

Поступила в редакцию 10.01.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Февраль, № 1 **Филология** **2013**

УДК 821.161.1

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы историко-филологического факультета, Карельская государственная педагогическая академия (Петрозаводск, Российская Федерация)
natalia.l.shilova@gmail.com

МОТИВ «ТОНКОГО СНА» В ЛИТЕРАТУРНЫХ ВИЗИОНЕРСКИХ СЮЖЕТАХ

Поставлен вопрос о разграничении мотивов снов и видений в художественной литературе. В предшествовавших исследованиях они часто объединялись в единое смысловое поле. В то же время в литературно-художественных источниках начиная с Данте и Байрона и заканчивая современной прозой, напротив, подчеркивается их различие. На примере нескольких произведений русской прозы XIX–XX веков («После смерти» И. С. Тургенева, «Отец Сергий» Л. Н. Толстого, «Чапаев и Пустота» В. Пелевина) рассмотрены особенности использования визионерских мотивов в литературе Нового времени и, в частности, мотив «тонкого сна» как маркер визионерской темы. В русской культуре мотив «тонкого сна» сформировался в Средневековье. Как показывает исследование, в современных текстах он сохраняет свои традиционные семантические и стуктурные особенности – амбивалентный характер, узнаваемую визионерскую образность, дифференциацию с обычным физиологическим сном. Результаты проведенного анализа заставляют четко дифференцировать сны и видения при изучении русских визионерских сюжетов.

Ключевые слова: русская литература, видения, Тургенев, Л. Толстой, Пелевин

Наряду с различными состояниями измененного сознания сны часто указывались в визионерских текстах в качестве психофизической основы «чудесных» или пророческих переживаний. Это стало одним из поводов сближения онирической и визионерской мотивики в отечественных гуманитарных исследованиях, когда визионерские мотивы рассматриваются в одном смысловом поле с широко распространенными литературными и фольклорными снами [9], [15], [16].

Вместе с тем изучение жанровой традиции видений в русской литературе Нового времени – а это малоосвоенный и чрезвычайно интересный материал – немыслимо без установления необходимых разграничений в общем массиве онирической и визионерской тем, каждая из которых получила богатую и разностороннюю реализацию в культуре[1].

Исторически отношения сновидческих и визионерских сюжетов складывались, по-видимому, довольно сложно, и в накопленной научной литературе уже сформулированы две разные точки зрения на характер этих отношений. Например, исследовавший средневековые латинские видения Б. И. Ярхо в 1920-е годы отмечал, что формирование литературного жанра видений осуществлялось в отталкивании от сновидческих рассказов. Сюжеты первых основывались на устойчивой топике, почерпнутой из Священного Писания и религиозного предания в целом в противовес бытовой образности обычных снов: «Естественно, например, что видение, явившееся в религиозном экстазе, когда воля и мысль ясновидца направлены на предметы культа, будет заключать в себе больше возвышающего душу материала, чем рядовое сновидение. Потому среди снов и происходит известная дифференциация. На одной стороне – обычные, обманчивые сны, из которых не надо делать никаких выводов. <...> На другой стороне – истинные видения, заключающие в себе долю божественной истины, для всех обязательной и для всех интересной» [24; 22]. Каков же мог быть критерий для разграничения бытовых снов и сакральных видений? Ярхо обратил внимание на то, что последние необходимо должны были включать особый ряд образов и мотивов в той или иной комбинации: картины рая или ада, встречи с ангелами, святыми, чудесные перемещения во времени и пространстве с обязательным присутствием сакральной топики. Традиционность «чудесных» мотивов играла основную роль: «…если видение заключало в себе что-либо, похожее на традиционные верования, оно почиталось достойным обнародования. Так, Беда в предисловии к <Видению> Др<итхелма> считает это видение годным для “просвещения душ”, так как “оно похоже на древние чудеса”» [24; 22–23]. В силу этих обстоятельств уже в ранний период визионерская образность приобрела характер топосов, устойчивых формул, повторяющихся в текстах и при всем универсализме темы отличающихся в разных культурах (христианской, буддийской, иудейской, мусульманской).

Советский историк Н. И. Прокофьев, напротив, подчеркивал сходство и даже постулировал генетическое родство визионерских текстов с рассказами о снах, «которые были столь широко распространены в восточной и античной литературе» [13; 47]. «Героями древнегреческо-

© Шилова Н. Л., 2012

го эпоса, – отмечает исследователь далее, – нередко являются боги, причем это явление дается обычно в сновидениях» [13; 47]. Однако эта апелляция к опыту мировой литературы едва ли может быть признана убедительной и исчерпывающей. Совершенно не вписывается в эту концепцию, например, широко распространенный в народной культуре жанр «обмираний», когда потусторонний мир являлся духовидцам в состоянии летаргии [6], [7]. Да и античная культура знала образцы видений наяву. В гомеровской «Илиаде» уже в первой песне Афина въяве, а не во сне предстает перед Пелеем в разгар битвы, невидимая для других участников боя.

Не исключено, что указание на генетическое родство снов и видений было для Н. И. Прокофьева вынужденным ходом, оправдывающим непопулярную в советской науке тему визионерства. В то время как физиологический сон и сновидения были вполне приемлемым объектом исследования для позитивистского типа научной мысли, визионерство, пророчества и прочее прочитывались ею как психические девиации, не обладающие какой-либо смысловой значимостью. Кроме того, позитивистское же отношение к сну как к «ненастоящей» реальности в известной степени демистифицировало визионерские сюжеты, которые Н. И. Прокофьев в целом трактовал как условные риторические конструкции, которые, по его утверждению, по крайней мере на русской почве, с самого начала были «мало мистичны», а «скорее общественно-практичны и даже национально-государственны» [12; 53].

Суммируя наблюдения, приводящиеся в различных источниках, посвященных литературным снам и видениям, можно обнаружить как черты сходства онирической и визионерской мотивики, так и важные различия между ними. Если говорить о сходствах, то и сны, и визионерские переживания как психофизические феномены носят иррациональный характер, в терминах клинической психологии это измененные состояния сознания. В формах культурных репрезентаций (в виде фольклорных или литературных текстов) сны и видения также демонстрируют определенную общность: и там, и здесь повествование ведется о субъективных переживаниях, центрированных на фигуре сновидца или ясновидца; и в одном, и в другом случае исходная иррациональная образность представлена в виде символики, а рассказ представляет собой не просто фиксацию, но одновременное истолкование символических образов.

Различия двух тем в существующих источниках исследованы гораздо меньше. На уровне психофизического феномена примечателен всегда сверхъестественный, исключительный характер видений в противовес обыденности и всеобщности сна как физиологического состояния. На уровне литературного отображения обращает на себя внимание образная и тематическая ограниченность визионерского дискурса, отмеченная выше в пассаже Б. И. Ярхо: устойчивая сакральная или потусторонняя топика видений противоположна в значительной степени индивидуализированной образности обычных литературных снов. Таков, скажем, в «Анне Карениной» сон Стивы Облонского, которому снятся светский обед, поющие по-итальянски стеклянные столы «и какие-то маленькие графинчики и они же женщины» [19; 7–8]. При всей фантастической конструкции этого сна его образный ряд повторяет все то, что составляет дневной обыденный интерес Стивы: женщины, еда, вино, светские развлечения. По справедливому замечанию В. Набокова, «автор искусно изображает легкомысленную и незатейливую, распутную, эпикурейскую природу Стивы через призму его сна» [8; 233–234].

Очевидно, что при разных ракурсах исследования актуализацию может получать как соположение, так и разграничение онирической и визионерской мотивики. Соположение необходимо появляется в работах по поэтике и семиотике сна, когда в круг рассмотрения попадают все литературные сны независимо от их бытовой или сверхъестественной образности. Например, собранные и прокомментированные А. Панченко полевые материалы, которые приводятся в сборнике «Сны и видения в народной культуре», указывают на то, что для фольклорной традиции разграничение снов и видений не всегда актуально и в практике ряда сохранившихся до XX века магических ритуалов (например, «заветов») сновидение порой «выполняет роль реплики потустороннего мира, адресованной конкретному человеку и побуждающей его к совершению ритуальных действий» [16; 20]. Именно в народной культуре часто встречается особая форма, пограничная по семантике между бытовым сном и сакральным видением, – это разного рода «вещие сны», в которых чисто бытовой событийный ряд соотносится со сферой магического и чудесного.

Для литературной же традиции в большей мере характерно разграничение обычных и «чудесных» снов. Уже средневековые источники разводили бытовые сны и сакральные видения по разным типологическим группам. Популярная средневековая европейская «энциклопедия» «Луцидариус», переведенная на русский язык в первой четверти XVI века, на вопрос о природе человеческих снов отвечала: «Некогда бываютъ сония всесилнаго Бога пречюдными судбами, еже Иосифъ, сынъ Ияковль, виде еже онъ братiи своеи господинъ имать быти, такоже во сне iзвещение приемъ отъ ангела Иосифъ праведныи. <...> Некогда же приходятъ сония отъ диавола, егда онъ нечно доброе помешати хочетъ, яко жене Пилатове. <...> А иныя сония бывают человеком оттого, еже что они во дни обходили i зрели и слышали» [12; 468]. Классификация, как

мы видим, нацелена на то, чтобы отграничить сны-откровения и рядовые физиологические сновидения, не имеющие сверхъестественного характера. Подобное рассуждение находим и в 4-й книге «Собеседований» Григория Великого, где различались шесть причин сновидений: «Иногда сны рождаются от полноты желудка, иногда от пустоты его, иногда от наваждения (диавольского), иногда от размышления и наваждения вместе, иногда от откровения, иногда от размышления и откровения вместе» [14; 293].

Книжная традиция относилась к разграничению бытовых снов и сакральных видений с большой строгостью. Кодифицировав жанр видений, средневековая письменность отвергла бытовые сновидческие рассказы. Для средневекового жанра существенными были только «чудесные» сны, открывавшие ясновидцу доступ в потусторонний мир. Оппозиция сна как обыденного физиологического состояния и «чудесных» видений, посещавших во сне избранных духовидцев, привычна для средневековой литературы.

Стремление отграничить визионерские состояния от обычных снов проявилось в средневековых текстах, например, в формировании круга устойчивых эпитетов, связанных с этой темой. Визионерские сны, как правило, особо выделялись при упоминании. Единого термина не было, но среди маркирующих эпитетов можно отметить следующие: «сонное видение», «чудесный сон», «тонок сон». Позднее, с ростом рационального скептицизма ясновидцам все чаще приходилось доказывать, что потусторонний мир существует въяве, а не просто приснился им. Известный датский ученый и визионер, автор обширных трактатов о потустороннем мире Карл Сведенборг уверял, «что это не выдумка, а что он действительно все это видел и слышал, и притом не в каком-либо особенном состоянии души во время сна, а в состоянии полного бодрствования» [18; 111].

Итак, обособление визионерских переживаний от тривиальных сновидений было одним из устойчивых элементов визионерского дискурса. «Внутренним» маркером было содержание «сонного видения» – эсхатологические картины, ангелы, демоны и т. п. «Внешними» указаниями служили особые обстоятельства сновидения: это мог быть сон во время болезни (интенсивность измененного состояния сознания в этом случае удваивается), сон после произнесенной молитвы, сон в критической эмоциональной ситуации и т. п.

При внимательном рассмотрении визионерских сюжетов в литературе Нового времени оказывается, что для них это разграничение тоже осталось существенным. Чаще всего введение мотива сна в визионерские эпизоды соответствует формуле, где указание на сон сопровождается особыми оговорками, часто парадоксального характера: «это был сон, но не обычный сон». Так было не только в средневековой литературе. В «Божественной комедии» Данте, где визионерский сюжет был переведен из плоскости чисто богословской в плоскость художественную, автор уподоблял визионерское переживание сну, не отождествляя их:

Дохнула ветром глубина земная,
Пустыня скорби вспыхнула кругом,
Багровым блеском чувства ослепляя;
И я упал, как тот, кто схвачен сном. <...>
Ворвался в глубь моей дремоты сонной
Тяжелый гул, и я очнулся вдруг,
Как человек насильно пробужденный
(пер. М. Лозинского) [5; 21–22].

«I had a dream, which was not all a dream» («Я видел сон... Не все в нем было сном» (пер. И. С. Тургенева)) – еще одна характерная формулировка, открывающая одно из известных стихотворений Байрона [1; 346–347].

Если обратиться к примерам из русской литературы XIX–XX веков, мы встретим и визионерские сны («После смерти (Клара Милич)» И. С. Тургенева, «Отец Сергий» Л. Н. Толстого), и видения, описанные как разного рода болезненные состояния, галлюцинации или религиозный экстаз («Братья Карамазовы» Ф. И. Достоевского, «Фальшивый купон» Л. Н. Толстого, «Черный монах» А. П. Чехова, «Христос и Антихрист» Дм. Мережковского, «Аполлон Безобразов» Б. Поплавского, «Кысь» Т. Толстой, многие произведения В. Сорокина и В. Пелевина). Так же, как и в эпоху готового слова, визионерские переживания в текстах XIX–XX веков отмечены печатью исключительности. Соотнесенность видимого и невидимого миров открывается духовидцам в «пограничных» состояниях.

Пример непростых взаимоотношений онирических и визионерских мотивов в литературных сюжетах XIX века мы обнаруживаем в повести И. С. Тургенева «После смерти (Клара Милич)» (1883) и неоконченной повести Л. Н. Толстого «Отец Сергий» (1898). Близкие по времени создания, эти тексты содержат яркие эпизоды, когда мистическое откровение приходит герою в переживании, похожем и на сон, и на явь одновременно. Исследователи уже отмечали близость обоих произведений к традиции народного мистицизма [4], [7]. В новейшей литературе множество примеров обыгрывания границы сна и видения можно найти в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота». Рассмотрим три упомянутых текста в хронологическом порядке, который, впрочем, условен, когда речь идет о литературной топике.

Содержательно визионерский сюжет повести Тургенева связан с темой посмертного существования, которая привносит в произведение целый ряд характерных мотивов, начиная особым типом героя (ясновидца) и заканчивая упоминанием о мытарствах. Главный герой Аратов становится жертвой навязчивых снов и болезненных состояний: ночами ему является призрак

покойной девушки, сначала во сне, затем наяву. Постепенно различие между реальностью и сновидениями для Аратова стирается, и в финале он переходит границу загробного существования. В повести обнаруживается целая градация выстроенных в единый ряд разнообразных сновидческих и визионерских переживаний, расположенных по принципу усиления. Череда особых состояний Аратова открывается вещим сном, продолжается загадочными галлюцинациями, сочетающими черты сна и яви, и, наконец, завершается обмороками и смертью героя.

Парадоксальным образом видения Аратова и сопоставлены со снами, и противопоставлены им. Так, первое появление Клары происходит будто бы во сне, что «привиделся» Аратову «перед зарею» [21; 92]. Однако постфактум уже этот первый сон особенным образом маркирован. Он представляется необычным самому герою: «Он приподнялся в постели, зажег свечку, стоявшую на ночном столике, – но не встал – и долго сидел, весь похолоделый, медленно осматриваясь кругом. Ему казалось, что с ним что-то свершилось с тех пор, как он лег; что в него что-то внедрилось... что-то завладело им» [21; 93–94]. Воздействие увиденных образов оказывается сопоставимо с происходящим наяву, как это свойственно визионерским переживаниям.

Маркирующая деталь «тонкого сна» помещена в данном случае в постпозиции, а не в препозиции рассказа. Такой порядок событий усиливает психологическую достоверность описываемого: вместе с Аратовым читатель воспринимает происходящее сначала как обычный сон, и лишь затем обнаруживает его необычный характер. Визионерский канон охотно допускал такую модель с тем условием, что ясновидец по пробуждении получал некое дополнительное подтверждение сакральности переживания. В повести Тургенева эту роль выполняет финальная деталь, придающая сверхъестественный характер повествованию, когда у умершего уже героя в руке оказывается зажата загадочная прядь волос, как можно догадаться, покойной Клары, как будто принесенная из потустороннего мира. Такой мотив нередко появлялся в средневековых визионерских текстах. Например, в византийском «Кратком житии Евфросина-повара» некий пресвитер во время сна посетил райский сад с чудесными плодами и по пробуждении обнаружил их у себя в руке: «И в это время ударили в било и, пробудившись, пресвитер подумал, что видел сон, но когда выпростал левую руку свою из плаща и в ней в яве лежали яблоки, восхитился ум его» [2; 182]. Потусторонняя реальность была не только зрима, но и ощутима. А. Я. Гуревич ссылается на средневековый сюжет: «…раны и ожоги, которые визионер получил на том свете, когда душа его покинула телесную оболочку, по реанимации оказались на его теле, и он очень страдал от них до конца своих дней» [4; 173].

Весь сюжет выстроен так, что в снах Аратова все более подчеркивается их амбивалентный, сочетающий черты и сна, и яви характер. В целом переживания Аратова идеально соответствуют формуле, знакомой Тургеневу как по топике народных визионерских легенд и «обмираний», так и по литературным источникам. Знаменательно, что именно Тургенев в 1846 году опубликовал уже цитированный выше один из лучших русских переводов байроновской «Тьмы» с ее визионерским зачином: «Я видел сон, не все в нем было сном».

В отличие от повести Тургенева, мотив «чудесного» сна в «Отце Сергии» строго локализован – это лишь один эпизод, помещенный почти в финале всей истории. И в то же время эпизод оказывается совсем не проходным, а знаменует собой кульминацию происходящих событий. Обессилевший от борьбы с соблазнами, отец Сергий близок к поражению в этой борьбе и стоит на грани самоубийства, когда в визионерском переживании приходят решение и помощь. Описание и здесь акцентирует амбивалентный характер переживания: нельзя точно сказать, действительно ли во сне или наяву герой видит то, что видит: «Он лежал, облокотившись на руку. И вдруг он почувствовал такую потребность сна, что не мог держать больше голову рукой, а вытянул руку, положил на нее голову и *тотчас же заснул*. Но сон этот продолжался только мгновение; *он тотчас же просыпается и начинает не то видеть во сне, не то вспоминать*» (курсив наш. – *Н. Ш.*) [20; 375]. Примечательнее всего эта неопределенность в описании состояния героя, в действительности фиктивная. Потому что несколькими строками ниже автор заставит героя заснуть со всею определенностью: «Так он лежал долго, думая то о своем необходимом конце, то о Пашеньке. Пашенька представлялась ему спасением. Наконец он заснул» [20; 376]. Ретроспективно эта фраза заставляет понять, что возникший из глубин памяти образ Пашеньки – это все-таки не сон. Неопределенность в описании важна Толстому для того, чтобы обозначить необычный тип переживания, его небытовой характер. И наконец, уже отчетливо визионерским сном эпизод завершается: «Наконец он заснул. И во сне он увидал ангела, который пришел к нему и сказал: “Иди к Пашеньке и узнай от нее, что тебе надо делать, и в чем твой грех, и в чем твое спасение”. Он проснулся и, решив, что это было виденье от Бога, обрадовался и решил сделать то, что ему сказано было в видении. Он знал город, в котором она живет, – это было за триста верст, – и пошел туда» [20; 376]. И в описании особого состояния героя, и в образах самого сновидения (ангел, пророчество) Толстой следует книжной визионерской модели[2].

Формула визионерского «тонкого сна» продолжает свое бытование и в постклассической русской литературе. Более того, именно здесь,

когда автор обращается к читателю во все более свободной литературной форме, возникает необходимость прописывать маркеры визионерской темы более развернуто и детально. Так происходит, например, в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота», в котором визионерская тема занимает важное место. В ее развитии автор задействует многие варианты – сон, галлюцинации, различные видения наяву. Примечательным же является стремление во всех случаях подчеркнуть амбивалентный характер переживания со стертой границей между сном и явью. «Я решил, что галлюцинирую, но потом сообразил, что если то, что я вижу, – галлюцинация, то вряд ли она сильно отличается по своей природе от всего остального», – констатирует герой-ясновидец [10; 289].

Сон можно назвать одним из самых частотных мотивов романа. Он сопровождает многократные перемещения героев между разнообразными символическими реальностями, в которых они пребывают. Визионерскую основу «сновидений» героя подчеркивают формулировки типа «сновидческая легкость», с которой приходят видения или сон как «водоворот фантастических видений», и т. п. Изложению темы «тонкого сна» подводится своеобразный итог в иронической формуле, когда один из персонажей следующим образом комментирует строки известной русской песни: «Слышь, поют: “Мне малым мало спалось да во сне привиделось”. Это знаешь что значит? Что хоть и не спалось, а все равно привиделось как бы во сне, понимаешь?» [10; 285].

Для литературной традиции существенным оказывается не только соположение онирической и визионерской мотивики, но и их устойчивое противопоставление. Образность «тонкого сна» в значительной степени опирается на визионерскую легенду и использует ее топику (ангел у Толстого, прядь волос в повести Тургенева, эсхатологические образы в романе Пелевина), отчасти изменяется в соответствии с меняющейся в сознании авторов и читателей картиной мира. В новой литературе читатель почти не найдет развернутых описаний рая и ада, но содержательные и формальные маркеры визионерской темы присутствуют в тексте. Мотив «тонкого сна» как особого амбивалентного состояния относится к числу этих маркеров, сигнализируя о визионерском характере переживания, как и в средневековой литературе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В исследовательской литературе внимание к снам и видениям долгое время было распределено крайне неравномерно. Существует исчисляющаяся десятками наименований литература о снах и онирической поэтике в русской литературе XIX–XX веков. Напротив, источники, посвященные русским визионерским сюжетам, поддаются обозрению. Перечень классических работ на эту тему приведен в монографии А. В. Пигина [11; 4–5]. К этому списку могут быть добавлены вышедшие в последние годы книги М. Ямпольского [23], А. А. Сухова [17], автора настоящей статьи [22].

[2] Для Толстого такими источниками, как это уже установлено, стали несколько патериковых сюжетов, знакомых писателю по редакциям «Пролога» и Четьих Миней Дмитрия Ростовского. Интересно при этом, что и в плане установления источников визионерский эпизод отстоит от других: в отличие от большинства ключевых событий повести, его точный источник не установлен. А. Гродецкая предположила, что он восходит, по всей вероятности, к распространенному патериковому сюжету «о посрамлении прославленных аскетов», например, как «в главах 37 и 38 “Лавсаика” (Египетский патерик), в двух новеллах “О юродивой девственнице” и “О Питириме”», отметив при этом, что сон отца Сергия является «наиболее архаичным, сугубо заданным и наименее художественно проработанным эпизодом повести» [1; 282–283].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Английская поэзия в русских переводах. М.: Прогресс, 1981. 684 с.
2. Византийские легенды. Л.: Наука, 1972. 304 с.
3. Гродецкая А. Ответы предания: жития святых в духовном поиске Льва Толстого. СПб.: Наука, 2000. 699 с.
4. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 395 с.
5. Данте. Божественная комедия. М.: Интерпракс, 1992. 624 с.
6. Криничная Н. А. Этнография религии. Легенды о возвращении из загробного мира (по восточнославянским материалам) // Этнографическое обозрение. 2005. № 6. С. 114–129.
7. Лурье М. Л. Странствия души по тому свету в русских обмираниях // Живая старина. 1994. № 2. С. 21–26.
8. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1996. 437 с.
9. Нечаенко Д. А. Сон, заветных исполненный знаков. М.: Юридическая литература, 1991. 414 с.
10. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. М.: Вагриус, 2003. 302 с.
11. Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 428 с.
12. Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописи соловецкой библиотеки. СПб., 1890.
13. Прокофьев Н. И. Видение как жанр в древнерусской литературе // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. 1964. Т. 231: Вопросы стиля художественной литературы. С. 35–56.
14. Святого отца нашего Григория Двоеслова Епископа Римского собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. М.: Благовест, 1996. 309 с.
15. Сны и видения в народной культуре. М.: Издательство РГГУ, 2002. 381 с.
16. Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. ст. М., 2006. 226 с.
17. Сухов А. А. Феномен визионерства: культурно-исторические основания и модификации. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 212 с.
18. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М.: Политическая литература, 1989. 573 с.
19. Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 8. М.: Худож. литература, 1981. 495 с.
20. Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 12. М.: Худож. литература, 1982. 478 с.

21. Т у р г е н е в И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения в 12 т. Т. 10. М.: Наука, 1982. 607 с.
22. Ш и л о в а Н. Л. Визионерские мотивы в постмодернистской прозе 1960–1990-х годов (Вен. Ерофеев, А. Битов, Т. Толстая, В. Пелевин). Петрозаводск: Изд-во КГПА, 2011. 120 с.
23. Я м п о л ь с к и й М. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или о Материальном и идеальном в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 616 с.
24. Я р х о Б. И. Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток-Запад: Исследования, переводы, публикации. М.: Наука, 1989. Вып. 4. С. 18–55.

Shilova N. L., Karelian State Pedagogical Academy (Petrozavodsk, Russian Federation)

MOTIF OF "TRANSPARENT DREAM" IN VISIONARY LITERATURE

The article offers a detailed analysis of dreams and visions as literary motifs, which Russian authors often presented as one category. However, other authorial traditions, from Dante and Byron all the way to the modern day, have distinguished the notions of dreams and visions. The article describes the motifs of a"transparent" or "wondrous" dream as a visionary mark in Russian prose of the XIXth and XXth centuries (Turgenev's After Death, Tolstoy's Father Sergius, and Pelevin's Chapaev and Pustota).The motif of "transparent dream" emerged in the Middle Ages. The study of the XIX and XX century prose shows that the motif preserves its semantic and structural characteristics – ambivalence, constant visionary images, and the opposition between visions and ordinary physiological dreams.

Key words: Russian literature, visioners, Turgenev, L. Tolstoy, Pelevin

REFERENCES

1. *Angliyskaya poeziya v russkikh perevodakh* [English verse in Russian Translation]. Moscow, Progress Publ., 1981. 684 p.
2. *Vizantiyskie legendy* [Byzantine legends]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 304 p.
3. G r o d e t s k a y a A. *Otvety predaniya: zhitiya svyatykh v dukhovnom poiske L'va Tolstogo* [Answers of tradition: the lives of the Saints in spiritual search of Leo Tolstoy]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. 699 p.
4. G u r e v i c h A. Ya. *Srednevekovyy mir: kul'tura bezmolvstvuyushchego bol'shinstva* [The Medieval World: Culture of the silent majority]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990. 395 p.
5. D a n t e . The Divine Comedy [Bozhestvennaya komediya]. Moscow, Interpraks Publ., 1992. 624 p.
6. K r i n i c h n a y a N. A. Ethnography of religion. Legends of the return from the dead (on East Slavic Materials) [Etnografiya religii. Legendy o vozvrashhenii iz zagrobnogo mira (po vostochnoslavyanskim materialam)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Etnographic review]. 2005. № 6. P. 114–129.
7. L u r ' e M. L., T a r a b u k i n a A. V. Wandering of the soul in Russian "obmiraniya" [Stranstviya dushi po tomu svetu v russkikh obmiraniyah] *Zhivaya starina* [*Living Antiquity*]. 1994. № 2. P. 21–26.
8. N a b o k o v V. V. *Lektsii po russkoy literature* [Lectures on Russian literature]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 1996. 437 p.
9. N e c h a e n k o D. A. *Son, zavetnykh ispolnennyy znakov* [Dream, full of cherished signs]. Moscow, Yuridicheskaja literatura Publ., 1991. 302 p.
10. P e l e v i n V. O. *Chapaev i Pustota* [Chapaev and Pustota]. Moscow, Vagrius Publ., 2003. 414 p.
11. P i g i n A. V. *Videniya potustoronnego mira v russkoy rukopisnoyy knizhnosti* [Visions of after life in the Russian manuscript book]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2006. 428 p.
12. P o r f i r ' e v I. Ya. *Apokrificheskie skazaniya o novozavetnykh litsakh i sobytiyakh po rukopisi solovetskoy biblioteki* [Apocryphal stories about the New Tastement characters and events in the original library of Solovki]. St. Petersburg, 1890.
13. P r o k o f ' e v N. I. Vision as a genre in ancient Russian literature [Videnie kak zhanr v drevnerusskoy literature]. *Uchenye zapiski MGPI im. V. I. Lenina (№ 13).* [Proceedings of MGPI named after V. I. Lenin]. 1964. Vol. 231: Voprosy stilya khudozhestvennoy literatury. P. 35–56.
14. *Svyatogo ottsa nashego Grigoriya Dvoeslova Episkopa Rimskogo sobesedovaniya o zhizni italiyskikh ottsov i o bessmertii dushi* [The Holy Father Gregory Bishop of Rome dialogues about the life of the Italian fathers and of the immortality of the soul]. Moscow, Blagovest Publ., 1996. 309 p.
15. *Sny i videniya v narodnoy kul'ture* [Dreams and Visions in popular culture]. Moscow, RGGU Publ., 2002. 381 p.
16. *Sny i videniya v slavyanskoy i evreyskoy kul'turnoy traditsii: Sbornik statey* [Dreams and Visions in Slavic and Jewish cultural traditions]. Moscow, Syefer Publ., 2006. 226 p.
17. S u k h o v A. A. Fenomen vizionerstva: kul'turno-istoricheskie osnovaniya i modifikatsii. LAP: Lambert Academic Publ., 2011. 212 p.
18. T y l o r E. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive Culture]. Moscow, Politicheskaja literatura Publ., 1989. 573 p.
19. T o l s t o y L. N. *Sobranie sochineniy: v 22 t.* [Collected Works in 22 vol.]. Vol. 8. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1981. 495 p.
20. T o l s t o y L. N. Sobranie sochineniy: v 22 t. [Collected Works in 22 vol.]. Vol. 12. Moscow, Khudozhestvennaja literatura Publ., 1982. 478 p.
21. T u r g e n e v I. S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters in 30 vol.]. Sochineniya v 12 t. Vol. 10. Moscow, Nauka Publ., 1982. 607 p.
22. S h i l o v a N. L. Vizionerskie motivy v postmodernistskoy proze 1960–1990-kh godov (Ven. Erofeev, A. Bitov, T. Tolstaya, V. Pelevin) [Visionary motifs in Russian postmodern prose of 1960–1990 (Ven. Erofeev, A. Bitov, T. Tolstaya, V. Pelevin)]. Petrozavodsk, KGPA Publ., 2011. 120 p.
23. Y a m p o l ' s k i y M. *Tkach i vizioner: Ocherki istorii reprezentatsii, ili o Material'nom i ideal'nom v kul'ture* [Weaver and Visionary: Essays on the history of representation, or the material and ideal in culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 616 p.
24. Y a r k h o B. I. From the book "Medieval Latin Vision" [Iz knigi "Srednevekovye latinskie videnija"] // *Vostok-Zapad: Issledovaniya, perevody, publikatsii* [*East-West: researches, translations, publications*]. Moscow, Nauka Publ., 1989. Issue. 4. P. 18–55.

Поступила в редакцию 09.02.2012

Февраль, № 1 **Филология** **2013**

УДК 821.161.1-14"17/18"-055.2

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА АЛИКОВА
аспирант кафедры истории русской литературы Института филологии и искусств, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация)
elizaveta-alikova@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИАЛОГА С ЧИТАТЕЛЕМ В РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

Рассмотрение диалогового начала, диалогической поэтики и ее модификаций в литературе – в настоящее время актуальная, но малоизученная область литературоведения. Особенно не разработанной на сегодняшний день остается проблема репрезентации диалога в лирике, прежде всего в произведениях рубежа XVIII–XIX веков. Под «репрезентацией диалога» мы понимаем представление феномена диалога посредством его воплощения, функционирования внутри поэтического текста. Цель статьи – анализ форм проявления диалога с читателем в поэтическом тексте на материале стихотворений малоизвестных женщин-поэтов 1770–1820-х годов: Е. Урусовой, А. Жуковой, Е. Долгоруковой, А. Турчаниновой, Е. Херасковой. Особое внимание уделяется литературному наследию Е. Херасковой, где данная разновидность диалога представлена наиболее широко. Основные задачи статьи: выявление специфики диалога с читателем в женской поэзии рубежа XVIII–XIX веков, рассмотрение тематики, образа адресата и лирической героини стихотворений, включающих данный диалог. Сделаны выводы об уникальном характере явления диалога с читателем, представленного в лирике писательниц 1770–1820-х годов. В стихотворениях женщин-поэтов данного периода он объединяет в себе черты и внутреннего, и внешнего диалога. Кроме того, под влиянием тематики диалог с читателем в женской поэзии рубежа XVIII–XIX веков нередко трансформируется в воспитательный или медитативный диалог. Включение диалога с читателем в лирику писательниц 1770–1820-х годов оказывает влияние на жанровую природу произведений и способствует раскрытию целого ряда тем.

Ключевые слова: женская лирика рубежа XVIII–XIX веков, репрезентация, диалог, читатель

В науке о литературе термины «диалог», «диалогичность» относят, как правило, к художественным произведениям, созданным в XX столетии, реже – и к текстам XIX века. О воплощении примет диалога в русской литературе конца XVIII века исследователи, как правило, умалчивают, хотя именно в этот период происходит становление и развитие диалогового начала.

Интересным воплощением диалогового начала в русской лирике рубежа XVIII–XIX веков является литературное наследие женщин-поэтов данного периода. Диалог в их произведениях нередко представлен и на уровне содержания, и на уровне структуры. Наиболее распространены в творчестве женщин-поэтов времени сентиментализма внутренние диалоги и диалоги с читателем. Это во многом объяснимо гендерной особенностью – склонностью женщин к непосредственному и многогранному выражению своих эмоций, переживаний, желанием высказаться, поделиться самым сокровенным, потребностью учить и воспитывать.

В данной статье предметом исследования становится диалог с читателем в русской женской поэзии конца XVIII – начала XIX столетия. Этот феномен интересует нас и во внешнем, и во внутреннем своих проявлениях. Диалог включает в себя в том числе тематические и жанровые уровни. В итоге даже традиционно считавшиеся в мужской лирике монологическими темы, например любви, богатства, в лирике женщин приобретают диалогический характер, объединяясь в своеобразные диалогические пары (любовь – смерть), либо обнаруживают несколько вариантов внутри при соотнесении с внутренним миром писательницы-героини (например, богатство внешнее – богатство внутреннее, любовь ответная – любовь безответная и др.).

Материал исследования – стихотворения писательниц 1770–1820-х годов – свидетельствует о широком проникновении в поэтические тексты диалога с адресатом. При этом необходимо отметить, что данный диалог характеризуется наличием ярко выраженного назидательного начала, поэтому зачастую он преобразуется в воспитательный диалог. Показательные примеры мы находим в стихотворениях Екатерины Урусовой (1747 – после 1817), Анны Жуковой (? – ок. 1799), Елизаветы Долгоруковой (1766/1769–1822), Анны Турчаниновой (1774–1848) и особенно – в творчестве Елизаветы Херасковой (1737–1809)[1].

Все стихотворения Херасковой, обращенные к читателю, группируются вокруг общезначимых вопросов бытия: они заключают в себе мысли о человеческой жизни, о любви, людских пороках[2]. Нетрудно заметить, что освещение отдельных тем в них обусловлено влиянием изданий, в которых публиковала произведения

© Аликова Е. А., 2013

писательница. К примеру, популярные в изданиях херасковцев «тема “злата”, корысти, приобретательства…» [7; 43], презрение к чинопочитанию [7; 43] получают довольно широкое распространение в ее творчестве. Более того, посредством слова, обращенного к воображаемому собеседнику, диалог с читателем через свод *ненавязчивых*[3] советов, осуждение чинопочитания и стремления к богатству[4] вырастает в литературном наследии Е. Херасковой до пропаганды идеи нестяжательства:

Когда твои чины злодей твой отнимает,
Не мысли никогда за то ему ты мстить:
Твой чин спокойствия души не составляет,
Ты можешь без чинов в веселии прожить.

(«Станс» («Не должен человек в бедах отчаиваться…») (опубл. 1760)) [8; 222].

Довольствоваться малым призывает и другая писательница – Екатерина Урусова – в стихотворении «Клияда» (опубл. 1777), в котором речь героини обращена к юным читательницам и их родителям: «Богатство, пышность, слава / Не есть спокойствие, но есть сердцам отрава…» [8; 211]. Подобный взгляд на материальные блага вполне закономерен и обусловлен существовавшими в то время представлениями о системе ценностей, на становление которых в значительной степени повлияли идеи христианства, способствующие «формированию идеала “быть”, а не “иметь” (по терминологии Э. Фромма)» [4; 212], не приемлющие и осуждающие стремление к богатству, призывающие к скромной бедности.

Помимо призывов к неприятию корыстных стремлений, в стихотворениях женщин-поэтов рассматриваемого нами периода довольно часто звучат советы противостоять злу и его всевозможным проявлениям (мести, зависти и др.): «Часть злую, клеветы и брани презирай» [8; 222]. Воплощением недоброго начала в представлении многих героев произведений писательниц рубежа XVIII–XIX веков является и любовь, поэтому, к примеру, героиня Е. Херасковой призывает избегать «любовной страсти», чтобы уберечь себя от страданий и сохранить вольное сердце. Ее «бесстрастна душа» «подвластна уму». Именно это помогает сохранить ей такой сокровенный для нее душевный покой, заветный для классического героя литературы эпохи сентиментализма. О разрушительной силе любви предупреждает и «обремененная мученьем и тоской» героиня Е. Урусовой – Клияда, разлученная с возлюбленным Гиронтом строгим отцом. Покорная желанию родителя: «Я в сердце страсть храню, но долгу покоряюсь» [8; 210], она тем не менее обращается к читателям с просьбой не доводить свою родительскую власть до тиранства и не лишать детей права выбора будущего супруга/супруги, позволить им «избрать по воле часть». Конфликт долга и чувства, таким образом, сопряжен здесь с проблемой родительской власти. Решаясь на отчаянный и очень смелый для того времени поступок – покончить жизнь самоубийством, Клияда ждет от читательниц проявления сочувствия к ее судьбе, жалости, надеется на их поддержку:

А вы! Сраженные любовною тоскою,
Стените обо мне! Взрыдайте вы со мною!
И чувствы страстные ко жалости склоня,
Скорбящу, страждущу, представьте вы меня!

(«Клияда» (опубл. 1777)) [8; 211].

Между тем, несмотря на такое безрадостное восприятие жизни, героиня Херасковой учит стойко, достойно принимать все беды и напасти, говорит о необходимости ждать и терпеть. Призывы к терпению, христианскому смирению пронизывают все ее творчество:

…С терпением сноси печали и напасть.
<…>
…Жди, когда придет бедам твоим конец…

(«Станс» («Не должен человек в бедах отчаиваться…»)) [8; 222].

Подобный совет находим и в творчестве другой писательницы – Анны Жуковой:

Кто счастливо желает
На свете жизнь вести,
Пускай приобыкает
С весельем все нести.

(«Песня» (опубл. 1799)) [8; 30].

Залог счастливого пребывания на земле, как и смиренного и радостного принятия смерти, в представлениях героини Жуковой – «непорочно сердце». Доброта и неприятие лицемерия видятся ей верным способом сохранения чистоты души, обретения чувства гармонии.

К душевным радостям призывает героиня Долгоруковой («Эпитафия» (опубл. 1799)) [8; 23]. Обращения к добродетели объяснимы набожностью религиозной и богобоязненной героини, присутствием постоянного чувства страха перед Создателем и ответственности за содеянные поступки перед лицом вечности, поэтому звучат мысли о необходимости помнить о смерти: «Ты вечность не забудь, / Тебе напоминаю» (А. Турчанинова «Себе эпитафия» (опубл. 1798)) [8; 123].

Присутствие явных примет диалога с воображаемым читателем в произведениях женщин-поэтов конца XVIII – начала XIX столетия позволяет сделать вывод о диалогичном характере женской лирики этого периода, ее ориентации на слушателя.

Диалог с читателем в ряду других представленных в русской женской поэзии рубежа XVIII–XIX веков тематических форм диалога (диалог с Природой, диалог с Богом и др.) особенно примечателен тем, что представляет собой смешанную жанровую форму, поскольку содержит в себе черты и внутреннего, и внешнего диалога.

Речь героини – одновременно воззвание к себе и сознанию адресата / группе адресатов (к примеру, родителям, как в стихотворении «Клияда» Е. Урусовой). Таким образом, диалог с читателем реализуется в движении от внутреннего диалога к внешнему: через диалог с собой, анализ собственных ошибок героиня, опираясь на свой собственный опыт, предостерегает воображаемого адресата от возможных опасностей, неприятных и непредвиденных поворотов на жизненном пути. Вместе с тем следует отметить, что советы героини не принимают сурового диктаторского характера и лишены сухого дидактизма, морализаторства. В них заключена кладезь женской мудрости и ощутима материнская забота.

Адресат в произведениях женщин-поэтов конца XVIII – начала XIX века предельно обобщен. Героиня, как правило, обращается к вымышленному персонажу, лишь изредка стихотворения обращены к замаскированной под инициалами подруге[5]. Однако в женской поэзии рассматриваемого нами периода – и в этом ее принципиальное отличие от лирики поэтов-мужчин – ощутима ориентация на воображаемого читателя, что объяснимо желанием женщин быть услышанными и выслушанными. Адресат, к которому обращены слова героинь стихотворений писательниц, это чаще всего ребенок, юная девушка, подруга-ровесница. Себя же героиня позиционирует как старшую сестру (стихотворение «Клияда» Е. Урусовой) или как уже зрелую, умудренную опытом женщину (стансы Е. Херасковой, поэзия А. Жуковой, А. Турчаниновой).

Специфика диалога с читателем в женской лирике конца XVIII – начала XIX столетия заключается в ярко выраженном сплаве медитативного и воспитательного начала. Через свой взгляд на мир (хотя и не всегда оптимистичный) и его оценку героиня писательниц учит ценить то, что даровано свыше. Органично в связи с этим предпочтение формы 2-го лица единственного числа в качестве обращения к читателю, посредством которой значительно сокращается дистанция между автогероиней писательниц и воображаемым читателем, формируется ощущение доверительной атмосферы общения.

Диалог с читателем в стихотворениях писательниц 1770–1820-х годов реализуется прежде всего посредством таких жанров и жанровых форм, как стансы, сонет, героиды, треническая элегия, эпитафия, философская ода, литературная песня.

Кроме того, многие из них за счет включения диалога с адресатом принимают новаторский характер (к примеру, философская ода в лирике М. Поспеловой посредством введения поэтики детства преобразуется в воспитательную, литературная песня в творчестве А. Жуковой через обращение к воображаемому читателю приобретает не свойственный такому камерному жанру открытый характер с философским и назидательным содержанием).

Репрезентация диалога с адресатом в произведениях женщин-поэтов рубежа XVIII–XIX веков во многом способствует раскрытию семейной поэтики, проблемы воспитания, темы сохранения нравственной чистоты души.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Известно, что Е. В. Хераскова благодаря своему таланту и способностям получила довольно высокую оценку от современников: А. П. Сумарокова, Н. И. Новикова (см. [9; 362]).

[2] Осуждение пороков – одна из главных задач журнала «Полезное увеселение» [5], [6].

[3] Именно эта характеристика более всего подходит к представленным в творчестве Херасковой советам, обращенным к адресату, и определяет их принципиальное отличие от проникнутых дидактизмом рекомендаций читателю, воплощенных в поэзии мужчин конца XVIII – начала XIX века.

[4] Героиня стихотворения Е. Херасковой «Станс («Будь душа всегда спокойна…»)» (опубл. 1760) признается: «Пышной жизни не желаю» [8; 223].

[5] Данная особенность определяет специфику женской лирики рубежа XVIII–XIX веков и совершенно нехарактерна для творчества поэтов-мужчин этого литературного периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валицкая А. П. Русская эстетика XVIII века. М.: Искусство, 1988. 238 с.
2. Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994. 240 с.
3. Дмитриев Е. В. Фактор адресации в русской поэзии XVIII – начала XX вв.: Дис. … д-ра. филол. наук. М., 2004. 348 с.
4. История и культурология / Н. В. Шишова, Т. В. Акулич, М. И. Бойко и др.; Под ред. Н. В. Шишовой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2004. 472 с.
5. История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. проф. А. В. Западова. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1973. 518 с.
6. Козлова М. М. История отечественных средств массовой информации. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. технического ун-та, 2000. 104 с.
7. Орлов П. А. Русский сентиментализм. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. 271 с.
8. Предстательницы муз: русские поэтессы XVIII века / Сост. Ф. Гёпферт, М. Файнштейн. Wilhelmhorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998. 271 с.
9. Словарь русских писателей XVIII века / Отв. ред. А. М. Панченко. СПб.: Наука, 2010. Вып. 3. 472 с.

Alikova E. A., Institute of Philology and Arts, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation)

"DIALOGUE WITH A READER" REPRESENTATION IN RUSSIAN FEMALE POETRY: END OF XVIII – BEGINNING OF XIX CENTURY

A study of the dialogue, dialogue poetics, and its modification in literature is gaining significance. The problem of dialogue representation in lyrics remains poorly studied, and first of all, in the works created at the turn of the XVIII and XIX centuries. The category "representation of the dialogue" is understood as a phenomenon of the dialogue represented by its realization and functioning in poetic texts. The purpose of the article is to analyze different forms of the dialogue with the reader using lyrics and poems of the little-known female poets of 1770–1820: Ye. Urusova, A. Zhukova, Ye. Dolgorukova, A. Turchaninova, Ye. Kheraskova. Special attention is paid to the literary heritage of Ye. Kheraskova, where such type of a dialogue is widely represented. The key objectives are the following: detection of the dialogue with a reader in female poetry of the XVIII–XIX centuries, perscrutation of the theme, image of the addressee, and of the lyrical character. Conclusions on the unique nature of the phenomenon "dialogue with a reader" represented in female lyrics of 1770–1820 are drawn. Poetry of female poets of that period combines features of both internal and external dialogue. Moreover, under the influence of the theme, a "dialogue with a reader" in female poetry of the period is often transformed into educational or meditative one. It has also been revealed that inclusion of the "dialogue with a reader" into the lyrics of women-poets of 1770–1820s impacts the genre nature of their works and contributes to the development of new themes.

Key words: female poetry at the turn of the XVIIIth – XIXth centuries, representation, dialogue, reader

REFERENCES

1. V a l i t s k a y a A. P. *Russkaya estetika XVIII veka* [Russian aesthetics of the XVIIIth century]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988. 238 p.
2. V a t s u r o V. E. *Lirika pushkinskoj pory. "Elegicheskaya shkola"* [Lyrics of Pushkin's time. "Elegiac school"]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 240 p.
3. D m i t r i e v E. V. *Faktor adresatsyi v russkoy poezii XVIII – nachala XX vv. Dis. dokt. filol. nauk* [Factor of Adress in Russian poetry of the XVIII – beginning of the XX centuries: Dr. philol. sci diss.] Moscow, Mosk. ped. gos. un-t, 2004. 348 p.
4. *Istoriya i kul'turologiya* [History and culturology] / N. V. Shishova, T. V. Akulich, M. I. Boiko and others; Ed. by N. V. Shishova. 3rd edition, revised and enlarged. Moscow, Logos Publ., 2004. 472 p.
5. *Istoriya russkoi zhurnalistiki XVIII – XIX vekov* [History of Russian journalism of the XVIIIth – XIX centuries] / Ed. by prof. A. V. Zapadov. 3rd edition, revised. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1973. 518 p.
6. K o z l o v a M. M. *Istoriya otechestvennykh sredstv massovoi informatsii* [History of Russian mass media]. Ul'yanovsk, Izd-vo Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo un-ta, 2000. 104 p.
7. O r l o v P. A. *Russkii sentimentalizm* [Russian sentimentalism]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1977. 271 p.
8. *Predstatel'nitsy muz: russkie pojetessy XVIII veka* [Muse mediatresses: Russian poetesses of the XVIIIth century] / Compiler F. Gopfert, M. Feinstein. Wilhelmhorst, Verlag F. K. Gopfert, 1998. 271 p.
9. *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka* [Dictionary of Russian writers of the XVIIIth century] / Executive editor A. M. Panchenko. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. № 3. 472 p.

Поступила в редакцию 08.12.2011.

Февраль, № 1 **Философия** **2013**

УДК 304.2

ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВНА НИКОЛАЕВА
доктор философских наук, профессор кафедры общей философии философского факультета, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация)
kaisa1011@rambler.ru

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ НИКОЛАЕВ
аспирант кафедры общей философии философского факультета, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация)
mihrutkanik@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ КОММОДИФИКАЦИИ: ИНФЛЯЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Эпоха постмодерна способствовала превращению потребления из материальной практики в социально-культурную. Идеология консюмеризма получает главенствующий статус в этой новой реальности. В совокупности с философией постмодернизма консюмеризм существенно воздействует на систему ценностей и поведение людей, влияя на социализационные процессы. В статье проводится анализ метаморфоз, которые претерпевает социализация личности в обществе потребления. Сегодня возникает новый исторический тип социализации, для которого характерна оторванность социально-культурных практик, повседневного опыта личности от конкретной территории. Это приводит к формированию детерриторизированных (виртуальных) локальностей. Основными детерминантами социального становления личности становятся визуализация и эстетизация, протекающие в пространстве тотальной коммодификации. Визуализация замещает реальные практики интеракции структурами визуального. Эстетизация смещает фокус социального бытия от содержания в сторону его оформления. Специфика воспроизводства субъектности в условиях консюмеризма характеризуется двумя чертами. Ее возникновение инициируется потребляемым объектом, а формирование идентичности проблематизируется фактом отсутствия истинного Другого в медийной коммуникационной среде. Особенностью темпоральности социализации становится слабая представленность прошлого в опыте индивида. Также происходит сжатие настоящего и сокращение пребывания в нем, формируется преимущественная ориентация на будущее.

Ключевые слова: социализация, общество потребления, коммодификация, детерриторизация, медиатизация, эстетизация, субъектность

В современных условиях существенно проблематизируется воспроизводство существующих общественных структур и отдельно взятых индивидов, а это повышает актуальность научного и философского исследования факторов, влияющих на успешность процесса социализации. Процесс освоения социального опыта сегодня осложняется возрастающими темпами социально-культурной динамики, неоднородностью социальных влияний. Сверхдинамичное, поликультурное, информационно и технологически насыщенное общество не способно задавать однозначные социальные ориентиры. Зачастую новизна индивидуального опыта существенно опережает существующую культурную традицию, вследствие этого она становится неадекватной.

Отказ от социального опыта, «непривязанность» к устойчивым социальным меркам обеспечивает индивиду подвижность, свободу выбора траектории развития, при этом традиционный социальный опыт осваивается им фрагментарно, несистемно, ситуативно и поверхностно. В современном обществе существует опасность, что социальное становление может не осуществиться для многих индивидов, которые строят свою идентичность вне социального поля, вне социального контекста. Массовое перемещение молодежи в альтернативную медийную социальность, где важнейшим институтом социализации становится Сеть, приводит к тому, что киберреалии (функции, роли, контакты) становятся более значимыми, чем реально-социальные.

В современном индивидуализированном обществе ослабевают и утрачиваются социальные связи, растет обособленность человека. Скорость нарастания социальных изменений становится нечеловекоразмерной, и, соответственно, рациональное осмысление современной сложной действительности становится все более недоступным для обыденного сознания. Сжатие социального времени, ускорение социальных иформационных потоков фундируют проблему становления современной личности. Нарастает хаотичность информационных взаимодействий, растет многообразие и полисемичность социальных смыслов в обществе, они множатся и становятся все более относительными. Теряют-

© Николаева Е. М., Николаев М. С., 2013

ся жизненные ориентиры личности, «размывается» общезначимое. Индивиду необходимо в первую очередь удержаться в настоящем, успеть набрать нужное количество «знаков» и вовремя поменять их для того, чтобы обрести актуальную конфигурацию (формальную индивидуализацию – по выражению З. Баумана), несущую свойства потенциальности, способную к дальнейшим трансформациям.

Принадлежать «модернити» (так З. Бауман называет современное общество) – значит быть не в силах остановиться, не говоря уже о том, чтобы стоять на месте. Принадлежать «модернити» – значит вечно опережать самого себя, находиться в состоянии постоянной трансгрессии, это значит обладать индивидуальностью, которая может существовать лишь в виде незавершенного проекта [1].

Представляется, что перечисленные факторы являются симптомом серьезных метаморфоз, которые претерпевает социализация личности в глобальном потребительском обществе. В этой связи особую значимость приобретает философский дискурс социального становления личности. Он в настоящее время является наиболее плодотворным в осмыслении феномена социализации, поскольку позволяет увязать его трансформации с развитием общества, культуры, перспективами цивилизации.

Доминантой социально-экономической и культурной жизни современного общества становится не знающее пределов стремление к потреблению. Логика сегодняшней глобализации мира – это логика активного внедрения и продвижения стандарта западного образа жизни, широкой экспансии западной потребительской культуры. Потребление, выходя за рамки экономической сферы, осуществляя экспансию на ранее «непотребительские» сферы, становится эквивалентом социальной активности. Тотальная коммодификация делает единственно значимым социальным действием покупку. Тем самым идеология потребительства запускает механизмы инфляции социального, редуцирует всякое социальное взаимодействие, социальное отношение к товарообмену. Известный немецкий социолог У. Бек отмечает: «Мы являемся свидетелями метаморфозы общества… в ходе которой люди освобождаются от социальных форм индустриального общества – от деления на классы и слои, от традиционных семейных отношений… точно так же как в ходе Реформации они освобождались от господства Церкви и переходили к формам жизни светского общества» [2; 78].

Современный философский дискурс социализации вводит нас в средоточие острейших проблем, связанных с изменением общекультурного содержания таких значимых категорий, как реальное – медийно-виртуальное, локальное – глобальное, субъективное – объективное, этичное – эстетичное, личное – общественное. Он предоставляет возможность взглянуть на социальное становление личности в условиях консюмеризма в сопряжении с такими категориями, как природа и сущность человека, смысл его социального бытия и предназначение в мире, субъектность и идентификация.

Потребление в антропологическом измерении – это прежде всего социокультурный процесс, в ходе которого происходят социальное становление и идентификация индивида. Это генеральная социальная практика, конструирующая личность. Однако в современном обществе потребление становится пространством, в котором «производится» человек асоциальный. Нарушается диалектика производства (опредмечивания) – потребления (распредмечивания). По определению, потребление должно быть не чем иным, как практическим и теоретическим освоением, распредмечиванием предметов культуры, расшифровкой отложений в мире культуры. Но научиться распредмечивать мертвый сам по себе вещный мир культуры нельзя в полной мере, если субъект культуры не усвоил противоположную форму деятельности – процесс опредмечивания, очеловечивания природы в результате проектирования новых форм предметности. Следовательно, тип человека как «потребителя по преимуществу» отражает противоречивость социального бытия, ведет к одностороннему и ущербному развитию личности, к неспособности осваивать смысловое богатство мира культуры.

Топос социализации в современном обществе – это детерриторизированное и медиатизированное пространство, где господствуют эстетизированные зрелищные формы. Он утрачивает субстанциональность, ему все больше присущи атрибуты воображаемого, наблюдаемого. В потребительском обществе ослабевают межпоколенческие связи, процессы наследования социально-культурных норм и идеалов становятся все более проблематичными. Если традиционные процессы социализации предполагают укорененность индивида в локальности, наличие точки пребывания (локуса), то социальное становление в современном обществе отличается детерриторизацией – утратой локальности, отрывом от корней. Мы имеем дело с «плавающей социализацией», в которой культурный опыт не имеет тесной связи с определенным местом.

П. Слотердайк по отношению к современному человеку использует метафору «освобожденный от пут реальности» [4].

Важным механизмом социального становления является локальная повседневная практика людей, которую социальный антрополог У. Ханнерц называет «оформляющая жизнь рамка» (form-of-life frame) [5]. Эта рамка вбирает ежедневную обыденную деятельность, профессиональную активность, коммуникацию со своим

непосредственным окружением. Все это имплицитно содержит использование символических культурных форм. В пределах (локусе) этой «оформляющей рамки» производится и распространяется культура, устойчиво циркулируют значения. При этом ее генеральная роль заключается в том, что внешние, привносимые культурные элементы (а в современном мире они носят характер глобального и универсального) подвергаются ревизии существующим локальным опытом, традицией. Вследствие этого они могут быть приняты, отвергнуты, трансформированы и т. д.

В условиях современного общества эта «рамка» разваливается, все больше проблематизируется ее функция оформления, локализации бытийственного пространства личности. Оторванность социально-культурных практик, повседневного опыта от конкретной территории приводит к формированию детерриторизированных локальностей. Французский антрополог М. Оуже полагает, что глобализация замещает реальные локальности «безместностью» («non-places»). «Если место определяется в отношениях, связано с историей и формирует идентичность, то место, которое не может быть определено в отношениях истории и идентичности, является “безместностью”» [7; 108–109].

В современном обществе происходит значительная модификация самого понятия «локальное». Сегодня можно вести речь о двух совершенно разных типах локального: первый – конкретное локальное (определенное место, имеющее пространственно-географические координаты), второй – виртуальное локальное (фрагмент информационного гипертекстового пространства). Взаимодействие этих двух видов локального зачастую носит конфликтный характер. Виртуальная локальность, обладающая небывалыми возможностями детерриториальности, подрывает социально-культурный статус локального в его традиционном понимании. Пребывание индивида «здесь и сейчас» уже не детерминирует стиль и способ его социально-культурной реализации.

Традиционно формирование содержания картины мира, ее структурирование происходило внутри социальной реальности. Сегодня основным поставщиком этого содержания становятся медиа. Они дирижируют многими аспектами обыденной жизни (нашими привычками, предпочтениями, пристрастиями). Медиареальность таким образом вытесняет и замещает реальность социального локуса. Именно в этом пространстве происходят идентификационные процессы. Перманентное поточное производство идей, текстов, визуальных образов создает иллюзию свободы выбора. Однако следует принимать во внимание тот факт, что далеко не каждый потребитель способен самостоятельно ориентироваться в безграничном потоке культурных артефактов. Основная причина затруднений кроется в том, что для осуществления выбора необходимо владеть совокупностью эстетико-культурных критериев. Это своеобразный «эстетический фильтр», который обеспечивает должный уровень рефлексии. Риск оказаться под влиянием чужих, зачастую заниженных эстетических предпочтений существенно возрастает, если индивид не обладает подобным «фильтром».

Эта проблема отражает диалектику современного глобализированного общества. Очевиден дихотомичный характер процесса визуализации. Следует признать, что современные структуры визуализации позволяют индивиду преодолевать рамки традиционных (во многом рутинных) социальных правил, несут в себе большой потенциал креативности. При этом одновременно они и деструктивны, поскольку уводят человеческое сознание от реального мира, его сложности, многогранности, подменяя реальность продуктами визуальной индустрии, значительно сужая «когнитивное окно» индивида. Э. Гидденс в этой связи подчеркивает, что «жизнь в веке информационном требует... большего объема социальной рефлексивности… нам постоянно приходится думать или размышлять об обстоятельствах, в которых мы проводим жизнь» [5; 23]. Погружение в новую, насыщенную структурами визуального социальность, может стать для индивида как точкой роста, разворачивания субъектности, так и точкой деградации.

Пространство медиа, претендуя на статус бытийственного пространства личности, продуцирует особый тип социализации. В ее основе – принципиально гибкий (алертный) тип социальной адаптивности, отличающийся готовностью быстро реагировать на вызовы окружающей среды. Человеку с традиционным типом социальной адаптивности, который привязан к определенному социальному локусу, в подобных обстоятельствах грозит тяжелый экзистенциальный конфликт.

Процессы самореализации индивида начинают протекать не по социальным законам, а по законам эстетического, которое реализует себя в форме тотальной эстетизации, имеющей технологический характер. Здесь каждый феномен обладает равным со всеми правом быть в полной мере выраженным, несмотря на возможные общие моральные ограничения. Соответственно, отсутствие содержания, смысла, этический дефицит зачастую восполняются посредством апелляции к эстетическим формам.

Гламурная эстетизация, преодолевая границы моды, становится в обществе потребления мейнстримом социальной адаптации. Она фокусирует внимание человека на единственном стремлении – усовершенствовать свою форму, чтобы быть «нормальным», воспринимаемым другими, разделяющими эту норму. Таким об-

разом, если человек стремится к рецепции и признанию в этом обществе, он должен не только потреблять эстетическое, но и одновременно производить эстетику. А подобная тенденция указывает на подрыв социального, на его замену эстетизированным, визуализированным, коммуникативным.

Суть социализационного процесса в обществе массового потребления сводится к тому, что человек (субъект) отдает себя объектам. Деятельность человека, его мышление, суждения, оценки исходят из этого служения объекту. Как правило, этот объект символизирует первенство, обеспечивает возможность удержаться в «поле», в «норме» принятого потребителями стереотипа. Реальной ценностью становится объект, его символическая основа, и под вопросом оказывается феномен субъектности. В этой ситуации от индивида не требуется самовыражения в поступке, в языке, в обретении смысла собственной активности.

Социализация современного человека начинает все в большей степени реализовываться через потребительскую культуру, через практики потребления (практики сиюминутных радостей и удовольствий). Будучи однообразными (гомогенными), они отличаются поверхностным, гедонистическим отношением к действительности, безусильственностью и как следствие – бессубъектностью. В то же время социализация по определению призвана взращивать в человеке субъектность, поскольку центральное место в ней занимает программа деятельности субъекта.

Все очевиднее становится растущая объектность человека в потребительском обществе, при том что он полагает себя субъектом. Единственным источником и главным содержанием субъектности (псевдосубъектности) становится способность потреблять. Этот источник, становясь универсальным мерилом субъектности, на самом деле уничтожает всякую субъектность. Гедонизм потребительской культуры вызывает духовно-нравственную редукцию субъектности, ведь субъект обнаруживается и проявляется только в актах своей самодеятельности. Тот тип социальности, который формируется в обществе потребления, не создает благоприятных условий для взращивания и обнаружения субъективной реальности. Субъективация как личностное полагание себя в мир в качестве субъекта подменяется здесь «приобретением» субъектности, поисками опоры для своего «Я» в потребляемых символах.

Становление нового исторического типа социализации, характерного для общества массового потребления, приводит к свертыванию, нейтрализации субъектности. По существу это партикулярная социализация, сводящая многообразие эффектов социализации к одному – способности проявлять потребительскую (а следовательно, социальную) активность. В этой ситуации со всей остротой встает вопрос идентичности человека. Известно, что идентичность возникает на границе между индивидом и социальностью, поскольку она производна от субъектности индивида, но возможна лишь в социально-культурном контексте.

Технические особенности технологии новых медиа, особенно Интернета как средства коммуникации, создают почву для осуществления иллюзии самореализации личности в процессе виртуального общения с символическим Другим, подрывающую основы теории единственно возможного существования субъекта только в противопоставлении Себя Другому и во взаимодействии с ним. Следовательно, истинного Другого для медийного субъекта не существует. Его наличие необязательно для целей самовыражения личности в виртуальном пространстве. Таким образом, в поле зрения остается только говорящий субъект – только «Я», самовыражающееся в процессе общения с «самим собой» (ибо образ Другого конституируется Мной). Другой создается по образу и подобию собственного «Я», на него как бы перекладываются, переносятся свойства этого самого «Я» (самооценка, система релевантностей и интересов).

Кроме того, в современной делокализированной и медиатизированной социальности человеческая идентичность имеет перманентно процессуальный характер, формируясь вновь и вновь. Идентичность сегодня – это текст, повествующий об индивиде, при этом индивид непрерывно переписывает и редактирует этот текст. Современный человек существует в мире, базовой характеристикой которого является неопределенность. Стремительность, глубина и непредсказуемость изменений приводят к тому, что глобальной проблемой развития личности становится постоянное расширение масштабов личностного изменения, которое необходимо для успешной социализации. Индивид вынужден все больше ориентироваться на социальную практику, где приоритетом становится опора на настоящее и даже будущее. Традиционные образцы поведения не успевают реагировать на изменения и становятся неадекватными, а потому ненадежными.

Отечественный исследователь В. А. Мамонова отмечает: «…современный транскультурный человек обязан владеть множеством кодов, культурными языками нескольких систем, балансируя на самоорганизации и саморассеивании» [3]. Насущной необходимостью становится развитие толерантности к неопределенности как основы социального становления личности. Неизбежной становится релятивизация этического пространства человеческих отношений, а мировоззренческая нелинейность (способность менять позиции, взгляды, убеждения) для современного человека становится социализационной нормой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
2. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Мамонова В. А. Внутренний диалог в полночь экзистенции [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://credonew.ru/content/view/983/65/
4. Слотердайк П. После истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// www.photounion.by/klinamen/fila_22
5. Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge: Polity in association with Blackwell, 1990. 186 p.
6. Hannerz U. Transnational connections. Culture, People, Places. London; N. Y.: Routladge, 1996. 216 p.
7. Tomlinson J. Globalization and Culture. Chicago: The University of Chicago Press; Cambridge: Polity Press, 1999. 238 p.

Nikolaeva E. M., Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation)
Nikolaev M. S., Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation)

PERSONALITY SOCIAL DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF COMMODIFICATION: INFLATION OF SOCIAL REALITY

The postmodern period contributed to the transformation of consumption practices from material practices to socio-cultural one. The ideology of consumerism is getting a dominate status in this new reality. Consumerism together with postmodernism philosophy affect the system of values, behaviour of the people, and socialization processes. The authors analyze the changes in socialization processes in consumer society. Today a new historical type of socialization is emerging, one that is characterized by the detachment of socio-cultural practices and a person's daily experience from a concrete territory. This leads to the formation of deterritorized (virtual) localities. Visualization and aestheticization, proceeding in the space of total commodification, are becoming basic determinants of personal socialization. Visualization is replacing real interaction practices by visual patterns. Aestheticization reproduction of subjectness in conditions of consumerism has two specific features. The formation of subjectness is initiated by the consumed object, while the formation of identity is complicated due to the absence of the real Other in the media communication environment. The socialization temporality is characterized by a weak representation of the past in an individual's experience. The present is contracting, the being there is reducing, and the orientation to the future is getting predominant.

Key words: socialization, consumer society, commodification, deterritorization, mediatization, aestheticization, subjectness

REFERENCES

1. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [The individualized society]. Moscow, Logos Publ., 2002. 390 p.
2. Bek U. *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk society: on the way to a different modernist style]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 384 p.
3. Mamonova V. A. *Vnutrenniy dialog v polnoch ekzistentsii* [Internal dialogue at midnight of existence]. Available at: http://credonew.ru/content/view/983/65/
4. Sloterdijk P. Posle istorii [After history]. Available at: http: www.photounion. by/klinamen/fila22.html
5. Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge, Polity in association with Blackwell, 1990. 186 p.
6. Hannerz U. Transnational connections. Culture, People, Places. London; N. Y., Routladge, 1996. 216 p.
7. Tomlinson J. Globalization and Culture. Chicago, The University of Chicago Press; Cambridge, Polity Press, 1999. 238 p.

Поступила в редакцию 24.09.2012

Февраль, № 1 **Экономика** **2013**

УДК 330.313

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ МАЕВСКИЙ
академик РАН, доктор экономических наук, директор, Центр эволюционной экономики (Москва, Российская Федерация)
s@malkov.org

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ МАЛКОВ
доктор технических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва, Российская Федерация)
s@malkov.org

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ НОВОЙ ТЕОРИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА

Изучается переключающийся режим воспроизводства машиностроительного комплекса, который выполняет программы производства основного капитала для инвестиционного сектора экономики и для производства непроизводственного потребления. Разработана абстрактная модель функционирования переключающегося режима воспроизводства и сформулировано его основное свойство, заключающееся в том, что стоимость старого основного капитала не переносится на продукт, а вместо нее появляется новая стоимость, заключенная в новом основном капитале. Из основного свойства получено два следствия: амортизационные отчисления накапливаются ради того, чтобы конвертироваться в денежный доход в период выполнения программы производства основного капитала для целей собственного развития; в случае экономического роста равнопредпочтительность программ проявляется в равенстве темпов роста единичного денежного дохода в разные подпериоды переключающегося режима. Обнаружены ранее плохо наблюдаемые феномены: феномен невозможности рационального поведения потребителей потребительских благ и феномен сжатия банками денежной массы, обслуживающей реальный сектор.

Ключевые слова: процесс воспроизводства, переключающийся режим воспроизводства, моделирование воспроизводства

ВВЕДЕНИЕ

Экономический мейнстрим на протяжении последних ста лет не занимается исследованием проблем воспроизводства индивидуального и общественного капитала: интерес мировой науки к этим проблемам угас в 20-е годы XX века. Имена Кенэ, Маркса, Туган-Барановского и других можно найти на страницах большинства учебников по истории экономической мысли [1], но в наши дни в центре внимания находятся иные теории.

Не может ли быть так, что разработанная к началу XX века теория воспроизводства капитала оказалась невостребованной в силу объективных причин? В частности, все знают, что ядром индустриальной экономики является машиностроительный комплекс. Данный комплекс воспроизводит активную часть основного капитала всей экономики, включая собственный капитал, и в этом смысле является двигателем экономического развития. От того, сколь оперативно машиностроение перестраивается на новые технологии и виды техники, зависит качество обновления основного капитала, конкурентоспособность производства и экономический рост.

Однако это знание эмпирическое. До сих пор, насколько нам известно, экономисты не пытались начать построение теории воспроизводства с описания этого ядра, с изучения особенностей его воспроизводственной деятельности.

ПЕРЕКЛЮЧАЮЩИЙСЯ РЕЖИМ ВОСПРОИЗВОДСТВА [4]

Машиностроительный комплекс как целостный агрегат, состоящий из тысяч машиностроительных заводов, ежегодно выполняет две программы: программу А – производство основного капитала для целей саморазвития инвестиционного сектора экономики, и программу В – производство основного капитала для целей развития производства непроизводственного потребления. Назовем ***совместным*** режимом воспроизводства такой тип деятельности, когда в каждый момент времени выполняются обе программы (А и В).

Если на уровне машиностроительного комплекса в целом такой режим реально существует, то на уровне машиностроительных заводов, и тем более единичных производственных мощностей таких заводов, данный режим нарушается. Так, отдельные машиностроительные заводы, когда они подвергаются реконструкции, выполняют программу А и не выполняют программу В (одновременности здесь нет). Что касается единичных производственных мощностей машиностроительного завода, то на этом уровне одновременность выполнения программ А и В практически *невозможна*. Как правило, не бывает, чтобы на одном и том же станке (или другом агрегате) рабочий производил одновременно детали для программы А и детали для сборки конвейера по производству карандашей, или пива,

© Маевский В. И., Малков С. Ю., 2013

или сосисок и т. д. (программа В). Возможен вариант, когда рабочий периодически *переключает* станок с производства деталей по программе А на производство деталей по программе В и обратно, а в сборочном цехе периодически собираются узлы и агрегаты то для программы А, то для программы В.

Получается, *внутри* машиностроительного комплекса имеет место ***переключающийся*** режим воспроизводства. И лишь потому, что разные заводы комплекса в один и тот же момент времени работают по разным программам, машиностроительный комплекс в целом действует в режиме *совместного* воспроизводства, выполняет программы А и В одновременно. Функционирование агрегата заводов (машиностроительного комплекса) отличается от функционирования частей этого агрегата.

ПРИВЕДЕНИЕ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА К ВИДУ, УДОБНОМУ ДЛЯ АНАЛИЗА ПЕРЕКЛЮЧАЮЩЕГОСЯ РЕЖИМА ВОСПРОИЗВОДСТВА

Подобно тому как население в целом есть совокупность одновременно живущих поколений молодого, среднего и пожилого возраста, машиностроительный комплекс есть совокупность поколений (подсистем) основного капитала разного возраста. Например, при $T_ф$ – среднем сроке жизни основного капитала машиностроительного комплекса в году t, равном N лет, машиностроительный комплекс можно преобразовать в совокупность I, состоящую из N подсистем $I = \{I_1, I_2, \ldots, I_N\}$, где I_l – самая молодая в году t подсистема. Молодой она является в том смысле, что ее обслуживает самое молодое поколение основного капитала. Соответственно, I_N – самая старая подсистема, ее обслуживает самое старое поколение основного капитала. Остальные подсистемы пронумерованы в порядке увеличения возраста принадлежащего им основного капитала.

Пусть каждая выделенная подсистема машиностроительного комплекса экономически независима от других подсистем и способна самостоятельно выполнять программы А и В. При таком допущении можно получить ***абстрактную*** модель функционирования совокупности подсистем $I = \{I_1, I_2, \ldots, I_N\}$, в рамках которой каждая отдельно взятая подсистема с течением времени *переключается* с программы А на программу В и наоборот.

Действительно, если принять, что $T_в$ – период самовоспроизводства основного капитала – составляет один год, то самая старая подсистема I_N должна заняться в году t – последнем году жизни ее основного капитала – выполнением программы А, иначе она просто разрушится по причине физического износа. Остальным, более молодым подсистемам саморазрушение в году t не грозит, они могут работать по программе В.

В следующем, t + 1-м году «омолодившаяся» подсистема I_N займет место подсистемы I_1 и ***переключится*** с программы А на программу В. Самой старой оказывается подсистема I_{N-1}, она ***переключится*** с программы В на программу А. Остальные подсистемы будут по-прежнему выполнять программу В. В году t + 1 совокупность подсистем примет вид: $I = \{I_1, I_2, \ldots, I_{N-1}\}$. Аналогичные переключения происходят и в последующие годы.

ОСНОВНОЕ СВОЙСТВО ПЕРЕКЛЮЧАЮЩЕГОСЯ РЕЖИМА ВОСПРОИЗВОДСТВА

Очевидно, что самая старая в году t подсистема I_N эксплуатировала до наступления года t в течение прошлых $N - 1$ лет один и тот же основной капитал. Спрашивается, может ли стоимость этого основного капитала перейти на продукт, созданный в течение всего срока жизни данного капитала, если в течение последнего года t работники подсистемы I_N затрачивают ***общественно необходимое рабочее время*** на создание нового основного капитала взамен старого? Мы отвечаем отрицательно, поскольку в противном случае в продукте, созданном в течение всего срока жизни данного основного капитала, содержалась бы *его двойная стоимость*. Во-первых, стоимость, перенесенная с данного (старого) основного капитала, во-вторых, стоимость нового основного капитала, замещающего в конце года t старый основной капитал.

Итак, суть основного свойства в том, что стоимость старого основного капитала умирает и не переносится на продукт. Вместо этой стоимости в продукте подсистемы I_N появляется новая стоимость, заключенная в новом основном капитале. А это значит, что, вопреки Марксу, ***основной капитал воспроизводится не только в натуре, но и по стоимости***.

ПЕРВОЕ СЛЕДСТВИЕ ОСНОВНОГО СВОЙСТВА

Самая старая в году t подсистема I_N в течение предшествующих $N - 1$ лет выполняла программу В, которая приносила денежную выручку. В году t данная подсистема выполняет программу А, то есть работает сама на себя, что не дает ей денежную выручку. Но так как в году t работники подсистемы создают стоимость, они имеют право на получение денежного дохода. Возникает объективная необходимость перераспределения части выручки, полученной работниками подсистемы I_N в предшествующие $N - 1$ лет, на цели оплаты труда, затраченного этими же работниками в году t. Эта задача возникает в условиях переключающегося режима воспроизводства, она разрешима в основном с помощью механизма амортизационных отчислений: последние накапливаются ради того, чтобы в конечном счете ***конвертироваться в денежный доход*** подсистемы в году t. В этом суть первого следствия [2].

ВТОРОЕ СЛЕДСТВИЕ

Поскольку в течение $T_ф = N$ – срока службы отдельного поколения основного капитала подсистемы I_N качество данного капитала не меняется, то не могут меняться требования к уровню профессиональных знаний и к возможности вариации интенсивности труда. В этом случае денежный доход в каждую единицу времени, входящую в подпериод $T_ф - T_в$ (в течение этого подпериода выполняется программа B), должен быть примерно равен денежному доходу, который получают работники подсистемы в каждую единицу времени, входящую в подпериод $T_в$ (в течение этого подпериода выполняется программа A). В случае грубого и продолжительного нарушения этого равенства программа A оказывается более (менее) выгодной для подсистемы, чем программа B. Но это невозможно, так как данные программы равнопредпочтительны.

В случае экономического роста равнопредпочтительность программ проявляется в равенстве темпов роста *единичного* денежного дохода в подпериоды $T_ф - T_в$ и $T_в$.

Мы полагаем, что рассмотренное (второе) следствие представляет частный случай формализации Марксова закона стоимости [3].

О МОДЕЛИРОВАНИИ ПЕРЕКЛЮЧАЮЩЕГОСЯ РЕЖИМА ВОСПРОИЗВОДСТВА

Правило переключения, описанное выше, актуализирует моделирование нестационарных и несинхронных режимов функционирования экономических систем [5], [6]. В данном случае оно использовано для моделирования на *макроуровне*. На основе аппарата дифференциальных уравнений построены две идеальные модели: для случая простого воспроизводства и для случая экспоненциального роста основного капитала. Эти модели использованы как базовые для оценки влияния различных факторов, нарушающих идеальный режим.

Установлено, что серьезные нарушения возникают в случае экономического роста при обострении *конкуренции* между подсистемами типа $\{I_1, I_2, \ldots, I_N\}$, когда технологический прогресс одних подсистем выше, чем других, или когда спрос на потребительскую продукцию одних подсистем выше, чем на продукцию других. В этих случаях острота конкуренции зависит от монетарной политики. Если в экономику «закачивается» денег меньше, чем это необходимо для обеспечения роста, успешные подсистемы начинают «отбирать» деньги у остальных подсистем, а последние деградируют. Если больше, деградации нет, но начинаются инфляционные процессы. Кроме того, в последнем случае возможен активный «вброс» денег на фондовый рынок, что активизирует спекулятивные настроения, порождает опасность пузырей.

При построении моделей рассматриваемого типа обнаружены ранее плохо наблюдаемые феномены: феномен невозможности рационального поведения потребителей потребительских благ и феномен сжатия банками денежной массы, обслуживающей реальный сектор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Марксова категория стоимости, вопреки мнению некоторых теоретиков, например П. Самуэльсона [7], не является избыточной. Ее фундаментальное значение хорошо видно в рамках переключающегося режима воспроизводства. Вместе с тем Марксова теория воспроизводства построена применительно к случаю совместного режима воспроизводства. Этот случай недостаточен для изучения реального воспроизводства капитала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М.: ИНФРА-М, 2000. 784 с.
2. Маевский В. И. Амортизационный фонд и воспроизводство основных фондов I и II подразделений // Известия Академии наук СССР. Сер. экономическая. 1980. № 6. С. 71–81.
3. Маевский В. И. Воспроизводство основного капитала и экономическая теория // Вопросы экономики. 2010. № 3. С. 65–85.
4. Маевский В. И., Малков С. Ю. Переключающийся режим воспроизводства. М.: Институт экономики РАН, 2011. 63 с.
5. Малков С. Ю. Социальная самоорганизация и исторический процесс: Возможности математического моделирования. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 240 с.
6. Чернавский Д. С. Синергетика и информация (динамическая теория информации). М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.
7. Samuelson P. Understanding the Marxian Notion of Exploration: A Summary of the So-Called “Transformation Problem” between Marxian Values and Competitive Prices // Journal of Economic Literature. 1971. Vol. 9. № 2. P. 399–431.

Maevskiy V. I., Center of Evolutionary Economics (Moscow, Russian Federation)
Malkov S. Yu., Institute of Economics of Russian Academy of Science (Moscow, Russian Federation)

BASIC PRINCIPLES OF NEW REPRODUCTION THEORY

The article studies a switching mode of reproduction in machine-building complex, which performs two production programs: production of fixed capital for itself and production of non-productive consumption. It develops an abstract model of the switching mode

of reproduction and formulates its main features. The essence of the features is that the cost of the old capital is not transferred to the product, but instead there is a new value, encased in the new fixed capital. There are two consequences of this features: accumulated depreciation is converted to cash income in the period when the program of production of fixed capital for machine-building complex is performed; the fact that the programs are equally preferred leads to the equation of the growth rate of monetary income in different subperiods of the switching mode. The article discovers previously poorly observed phenomena: the phenomenon of impossibility of a rational consumer behavior and the phenomenon of compression of the money supply by banks serving the real economy.

Key words: reproduction process, switching mode of reproduction, modeling of reproduction

REFERENCES

1. *Istoriya economicheskikh ucheniy* [History of Economic Thought] / Ed. by V. Avtonomov, O. Anan'ina, N. Makasheva. Moscow, INFRA-M Publ., 2000. 784 p.
2. M a e v s k i y V. I. Depreciation and Reproduction of Fixed Capital in I and II Subdivisions [Amortizatsionnyy fond I vosproizvodstvo osnovnykh fondov I i II podrazdeleniy]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya ekonomicheskaya* [News of Academy of Science of USSR. Economy]. 1980. № 6. P. 71–81.
3. M a e v s k i y V. I. Reproduction of Fixed Capital and Economic Theory [Vosproizvodstvo osnovnogo kapitala i ekonomicheskaya teoriya]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues]. 2010. № 3. P. 65–85.
4. M a e v s k i y V. I., M a l k o v S. Yu. *Pereklyuchayushchiysya rezhim vosproizvodstva* [Switching Mode of Reproduction]. Moscow, 2011. 63 p.
5. M a l k o v S. Yu. *Sotsial'naya samoorganizatsiya i istoricheskiy protsess: Vosmozhnosti matematicheskogo modelirovaniya* [Social Self-organization and the Historical Process: The Mathematical Modeling]. Moscow, 2009. 240 p.
6. C h e r n a v s k i y D. S. *Sinergetika i informatsiya (dinamicheskaya teoriya informatsii)* [Synergetics and Information (Dynamic Information Theory)]. Moscow, 2004. 288 p.
7. S a m u e l s o n P. Understanding the Marxian Notion of Exploration: A Summary of the So-Called "Transformation Problem" between Marxian Values and Competitive Prices // Journal of Economic Literature. 1971. Vol. 9. № 2. P. 399–431.

Поступила в редакцию 09.01.2013

Февраль, № 1 **Экономика** **2013**

УДК 330.1

ЮРИЙ ИОСИФОВИЧ АЛЕКСАНДРОВ
доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психофизиологии им. Б. В. Швыркова, Институт психологии РАН (Москва, Российская Федерация)
yuraalexandrov@yandex.ru

СВЕТЛАНА ГЕОРГИЕВНА КИРДИНА
доктор социологических наук, заведующий сектором эволюции социально-экономических систем, Институт экономики РАН (Москва, Российская Федерация)
kirdina@br.ru

КОЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ И МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ*

В исследовании на основе сопоставления стран по характеру доминирующих в них институциональных матриц и типов ментальности выделен тип X-ментальности («незападной») и Y-ментальности («западной»). Рассматривается гипотеза о материальной обусловленности социальных процессов для обоснования коэволюции институтов и ментальных моделей, а также принцип приспособительной значимости в процессе формирования как институтов, так и ментальных моделей. Сделан вывод о волновом характере изменений суммарной доли ВВП выбранных X-стран и суммарной доли ВВП Y-стран. X-страны вновь начинают выходить на лидирующие позиции, что сопровождается ростом значимости X-институтов и соответствующих ментальных моделей в Y-странах.

Ключевые слова: институциональная матрица, ментальная модель, X- и Y-институты, динамика ВВП

Социум представляет собой сложную самоорганизующуюся систему, складывающуюся в ходе долговременного взаимодействия населения с окружающей средой. Результаты этого взаимодействия отражаются и закрепляются в определенных социальных практиках и представлениях, в характерных для общества институциональных и ментальных структурах. Их изучение является целью двух исследовательских проектов в области сравнительного анализа: один реализуется в сфере экономики и социологии (руководитель С. Г. Кирдина), другой – в сфере психологии и нейронаук (руководитель Ю. И. Александров). Применение мультидисциплинарного и системного подходов позволяет совместно рассмотреть независимо полученные исследователями результаты (подробнее см. [5], [6]) .

МЕЖСТРАНОВЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Первый проект (начат в 1999 году) был посвящен анализу складывающихся в обществах разных стран базовых институциональных структур. Он опирался на системную методологию (системный подход в работах Т. И. Заславской [14], системная парадигма в экономической теории Я. Корнаи [12]).

Многообразие институциональных структур древних и современных государств удалось агрегированно представить двумя типами известных «институциональных матриц», подробно описанных в научной литературе, словарях и энциклопедиях [10], [11], [15].

Институциональная матрица (лат. matrix – матка, первичная модель) представляет собой исторически устойчивый комплекс взаимосвязанных базовых институтов, регулирующих функционирование основных общественных сфер: экономики, политики и идеологии. Базовые институты, сохраняя присущее им содержание, «развертываются» и проявляют себя в разнообразных исторически развивающихся институциональных формах, специфика которых зависит от цивилизационного контекста конкретных обществ. Анализ обширного эмпирического материала, начиная с древнейших государств Египта и Месопотамии и заканчивая современными странами, показывает, что в структуре общества доминирует, как правило, один из двух типов институциональной матрицы: либо X-, либо Y-матрица. Они качественно различаются между собой содержанием наборов образующих их базовых институтов. Для X-матрицы характерен набор следующих базовых институтов:

- В экономической сфере – институты редистрибутивной экономики (термин К. Поланьи). К ним относятся институты условной верховной собственности; служебного труда (термин О. Э. Бессоновой); кооперации; редистрибуции (аккумуляции – согласования – распределения); X-эффективности (термин впервые ввел Х. Лебенстайн), то есть снижения издержек нерыночными методами. Сущностью редистрибутивных экономик является обязательное опосредование центром движения благ и прав по их производству и использованию.
- В политической сфере – институты унитарного политического устройства: административно-территориального деления; иерархической вертикали власти во главе с центром; назначе-

© Александров Ю. И., Кирдина С. Г., 2013

ний; общих собраний и единогласия; обращений по инстанциям.

- В идеологической сфере – институты коммунитарной идеологии, основное содержание которой состоит в доминировании коллективных, общих ценностей, приоритете «Мы» над «Я». К ним относятся институты коллективизма, эгалитаризма, порядка.
- Институты X-матрицы доминируют в России, странах Азии и Латинской Америки. В свою очередь, Y-матрица образована набором следующих базовых институтов:

– в экономической сфере – институты рыночной экономики: частной собственности; наемного труда; конкуренции; обмена (купли-продажи); Y-эффективности (извлечения прибыли);
– в политической сфере – институты федеративного политического устройства: федерации; самоуправления и субсидиарности; выборов; многопартийности и демократического большинства; судебных исков;
– в идеологической сфере – институты индивидуалистской идеологии, закрепляющие приоритет «Я» над «Мы», примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня. Это институты индивидуализма, стратификации, свободы.

Y-матрица превалирует в странах Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии.

Тип институциональных матриц формируется под влиянием свойств материально-технологической среды данного государства. Выделяются два присущих ей альтернативных свойства: коммунальность или некоммунальность. Коммунальность означает, что обособление отдельных частей материально-технологической среды угрожает распадом всей системы. Это предполагает ее использование как единого нерасчленимого объекта. Соответственно, требуются совместные координированные усилия значительной части членов общества для ее использования и централизованное управление. Некоммунальность означает возможность обособленности важнейших элементов материальной инфраструктуры и связанную с этим возможность их самостоятельного функционирования и частного использования. Некоммунальная среда разложима на отдельные элементы и может функционировать как совокупность разрозненных технологических объектов.

Коммунальная среда определяет неизбежность доминирования институтов X-матрицы, а некоммунальная – доминирование институтов Y-матрицы.

На протяжении развития государств в них сохраняется доминирующее положение базовых институтов, свойственных либо X-, либо Y-матрице, что обеспечивает целостность, выживание и развитие соответствующего типа общества. При этом институты из матрицы противоположного типа (комплементарные институты) играют вспомогательную роль, необходимо «дополняя до целого» институциональную общественную структуру. Как в генетике доминантный ген, в отличие от рецессивного, в большей мере задает проявляющиеся признаки живого организма, так и базовые институты определяют характер складывающейся в обществе институциональной среды, задают рамки и ограничения для действия комплементарных, вспомогательных институтов. Если эта доля слишком мала, тогда тотальное доминирование базовых институтов приводит общества к кризисам или застою. В то же время излишнее внедрение комплементарных институтов с попытками заменить ими матрицу базовых институтов приводит к социальным потрясениям и революциям.

МЕЖСТРАНОВЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Второй проект ставил своей задачей сравнительное изучение субъективного мира и коллективных социальных представлений (ментальных моделей). Он проводится с 2005 года и также использует системный подход, опираясь на теорию функциональных систем и концепцию системогенеза, разработанную П. К. Анохиным [7], а также на системно-эволюционную теорию [2], [18].

Представления о том, что всякий народ обладает коллективными ментальными характеристиками, отличающими его от других народов, «так же стары, как и сами народы» [16; 10]. Тем не менее представленный в проекте обзор исследований разных стран, а также собственные эксперименты показывают, что эти представления агрегируются в два типа ментальности. В соответствии с культурной принадлежностью их часто называют «незападным» и «западным» (см. таблицу). Как видно из таблицы, под типом ментальности (обобщающим множество более частных свойств) в данном случае понимаются характерные для индивидов особенности восприятия мира с точки зрения его «мерности» и единства наряду с соответствующим этому восприятию способом решения проблем (принятия решений).

Соотношение «незападного» и «западного» типов ментальности

Характеристика	«Незападный» тип ментальности	«Западный» тип ментальности
«Мерность» мира	Континуальность	Дискретность
Восприятие мира	Холистичность и взаимосвязанность	Аналитичность и атомичность
Тип принятия решений	Интуитивный тип	Рациональный тип
Доминирует среди населения стран	Восточные страны и Россия	Европа, англосаксонские страны за ее пределами

R. E. Nisbett и соавторы [28], сравнив специфику когнитивных процессов у людей, принадлежащих к восточной (незападной) и западной культурам, пришли к следующему заключению. В первой из культур *континуальность* рассматривается как принципиальное свойство мира, во второй он представляется дискретным, состоящим из *обособленных объектов*. В первой относительно мало используется формальная логика, но применяются *холистический подход и «диалектическая» аргументация*, больше выражена *терпимость к противоречиям*. Во второй – *аналитическое мышление*, *большее внимание к отдельному объекту, чем к целостности*. Поведение объекта объясняется его принадлежностью к определенной категории и его собственными свойствами. Напротив, в «незападной» культуре считается, что *ничто в природе не изолировано и все взаимосвязано, поэтому изоляция элементов от целого может вести лишь к заблуждениям*. Подчеркивается, что действие всегда происходит в поле взаимодействующих сил. Эти различия обнаруживаются при сопоставлении Древнего Китая с Грецией (VIII–III века до н. э.) и продолжают сохраняться до сих пор, характеризуя особенности современного Китая и других азиатских стран по сравнению с Северной Америкой и Европой.

Kühnen с соавторами [25] показали, что по критерию «холистичность – аналитичность восприятия» граждане России попадают в «незападную» группу вместе с испытуемыми из Малайзии, не отличаясь от них, но достоверно отличаясь от «западных» испытуемых из США и Европы. Другие авторы также отмечают наличие значимого (во многих случаях превалирующего) «незападного» компонента в российских культуре и мышлении (см. [3]), что подтверждает уже отмеченную в ряде работ связь культуры и индивидуального восприятия [24], [27], [28].

С *аналитическим* и *холистическим* типами ментальности могут быть сопоставлены традиции *логически-рациональных* и *интуитивных* решений соответственно [21]. Эксперименты показывают, что испытуемые, принадлежащие к «западной» культуре, чаще выбирают рациональные, логически обоснованные пути решения, чем индивиды, принадлежащие к культуре «незападной». В соответствии с этим находится и эксплицируемая социальная желательность соответствующих путей: при необходимости одобрить один из них первые достоверно чаще одобряют рациональный, а вторые – интуитивный путь [20].

Как и другие исследователи, мы отмечаем относительность классификации «западный – незападный». Так, например, холистичность мышления в германской культуре – известный феномен [19], [23], [29], хотя данная особенность выражена, по-видимому, менее, чем в России [22]. В то же время страны Латинской Америки по ряду обсуждаемых психологических показателей попадают в «незападную» группу (дополнительные пояснения на этот счет см. [4], [24]).

Именно разницу «весов», а не «чистый» холизм или аналитизм мы имеем в виду, говоря о «западной» и «незападной» стратегиях решения проблем. То же следует сказать относительно интуиции и рациональности. На основании обширного обзора литературы J. Henrich с соавторами [24] приходят к выводу о том, что любой взрослый индивид обладает «обеими когнитивными системами», но в зависимости от особенностей культуры он (она) может использовать в большей степени одну в ущерб другой, что ведет к выявляемым на популяционном уровне различиям в вероятности выбора стратегии при решении идентичных проблем.

Другими словами, в населении каждой страны представлены люди с обоими типами ментальности, но эти типы распределены по разным странам неравномерно. Психологический тип, в состав которого входит «интуиция» (изобретательность, умозрительность), встречается в несколько раз чаще в коллективистской и «холистичной» России (см., например, [4], [22]), чем в такой «супериндивидуалистской», «супераналитичной» стране, как США [22], [24]. И наоборот: психологический тип, в который входит противопоставляемое интуиции качество – «здравомыслие» (реалистичность, практичность), значительно чаще встречается в США, чем в России [15].

Итак, современные психологические исследования позволяют зафиксировать следующий преобладающий в России ментальный тип, или когнитивную модель: для индивидов зачастую характерно восприятие мира как континуального, холистического, при этом интуитивный способ решения проблем и принятия решений довлеет над аналитическим. Этот доминирующий в России ментальный тип отличается от альтернативного ему «западного» типа ментальности.

Сопоставив страны по характеру доминирующих в них институциональных матриц и типов ментальности, можно видеть, что те страны, где доминируют институты X-матрицы (в том числе и Россия), отличаются превалирующим распространением «восточного» типа ментальности. Соответственно, страны с доминированием институтов Y-матрицы характеризуются преимуществом «западного» типа ментальности. Это соответствие, как можно судить по ряду публикаций [11; 85–92], [28], имеет исторически устойчивый характер. С учетом этого мы полагаем возможным использовать для обозначения типов ментальности ту же маркировку, что и для обозначения институциональных матриц – то есть выделить тип X-ментальности («незападной») и Y-ментальности («западной»).

МЕХАНИЗМЫ КОЭВОЛЮЦИИ ИНСТИТУТОВ И МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

В исследовании принята гипотеза о материальной обусловленности социальных процессов для обоснования коэволюции институтов и ментальных моделей (о взаимосвязи между средой и типом ментальности см. также [17]). Так, среда (коммунальная и некоммунальная) формирует два типа институциональных систем. Последние, в свою очередь, выступая как среда для индивидуумов, вступающих в социальные отношения, формируют два типа ментальных моделей. Целесообразность этой логики доказывается, во-первых, отнесенностью одних и тех же государств к одинаковым кластерам по ментальным моделям и институциональным макроструктурам. Во-вторых, мы исходим из того, что, как показано П. К. Анохиным [7] и его многочисленными последователями, все саморазвивающиеся биологические системы вне зависимости от их природы имеют одинаковую операциональную архитектонику, а главным системообразующим фактором всякой функциональной системы является приспособительный (полезный) результат [9]. Принимая аналогию между биологическими и социально-экономическими системами [1], мы обнаруживаем принцип приспособительной значимости в процессе формирования как институтов, так и ментальных моделей.

Действительно, и в развитии институтов, и в становлении субъективного опыта индивидов, выраженного затем в действующих ментальных моделях, наблюдаются аналогичные закономерности. Во-первых, новые, все более дифференцированные институциональные формы и структуры социального опыта не заменяют предшествующие, а как бы «наслаиваются» на них, аккумулируя в себе их сущностное содержание. Во-вторых, при отборе институциональных форм и необходимых образцов социального опыта также действует механизм постоянной селекции, что позволяет отбирать наиболее устойчивые и необходимые образцы. В-третьих, актуализация как институтов, так и нейронов, отвечающих за фиксацию этапа индивидуального развития в виде формирования нового элемента субъективного опыта, обеспечивается путем «включения в работу» норм и связей, ранее найденных и закрепленных на предыдущих стадиях развития.

Сходство механизмов воспроизводства ментальных моделей и институтов связано с отмеченной общностью способов самоорганизации живых систем. В кибернетике доказано, что наиболее экономичным найденным природой способом самоорганизации является воспроизводство инструкций, или правил взаимодействия между элементами. Предполагается, что процесс их развития – это «непрерывное самовоспроизведение начального набора инструкций, что эти наборы инструкций, следовательно, служат элементами развития, что между получающимися наборами инструкций возможно общение и что нормальное развитие системы, состоящей из этих наборов инструкций, в конечном счете, определяется только этими инструкциями» [8; 199]. Устанавливающиеся в человеческом мозге отношения между нейронами, как и институты в социальной системе, представляют собой такого рода инструкции, которые задают правила деятельности и обеспечивают развитие и ментальных моделей, и институциональных структур. Следует лишь добавить, что в развитии мозга индивида, как и, возможно, социума, происходит не только сохранение, но определенная модификация («обогащение», «усложнение») инструкций.

О СООТНОШЕНИИ РАЗНЫХ ТИПОВ ОБЩЕСТВ: ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В исследовании использованы сопоставительные данные о валовом внутреннем продукте (ВВП), производимом странами с доминированием X-матрицы и «незападной» X-ментальностью», с одной стороны, и Y-матрицы и «западной» Y-ментальностью – с другой. Анализ долгосрочной динамики выполнен на основе известной базы данных Мэддисона [26], где представлены сопоставимые уровни ВВП ряда стран в миллионах Geary-Khamis международных долларов 1990 года.

До 1820 года представленные в базе данные разрозненны и неполны – они охватывают лишь небольшой круг стран, что не позволяет провести убедительных сопоставлений. Поэтому за начало сравнений принят 1820 год. Поскольку таблицы Мэддисона заканчиваются 2008 годом, данные за 2009–2010 годы рассчитаны на основе уровня ВВП за 2008 год из Maddison Database и годовых приростов ВВП 2009/2008 и 2010/2009 годов из базы данных Мирового банка [30].

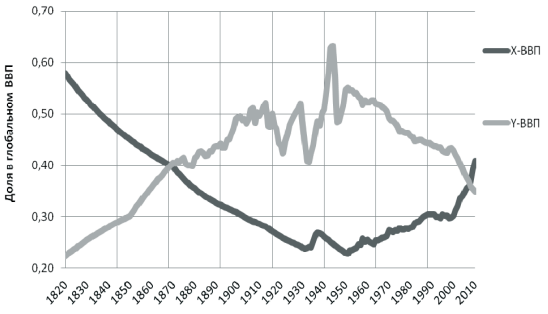
К так называемым X-странам отнесены Китай, Индия, Бразилия, Япония и страны бывшего СССР или Российской империи. К так называемым Y-странам отнесены 12 западноевропейских стран: Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Швейцария и Великобритания, а также 4 западные страны за пределами Европы: Австралия, Новая Зеландия, США и Канада. Включенные в выборку страны производят сегодня примерно 75 % мирового ВВП.

Наложение двух графиков (суммарной доли ВВП выбранных X-стран и суммарной доли ВВП Y-стран) позволяет увидеть волновой (циклический) процесс (см. рисунок).

Можно наблюдать 140-летнюю волну, в ходе которой происходит смена мирового лидера. С 1820 года (и, как можно предположить, до него, хотя полных данных по используемой вы-

борке стран нет) в мировом ВВП лидировали X-государства. Начиная с 1870 года (когда проявились результаты «промышленной революции» в европейских странах) начинается преобладание Y-государств, которые стали доминировать в общем объеме мирового ВВП. Максимальный разрыв между этими группами стран наблюдался в 1950–60-е годы, а в 1970-е годы он начал постепенно сокращаться. С 2008 года, то есть спустя 140 лет, X-страны вновь начинают выходить на лидирующие позиции, то есть превосходить альтернативные страны по объему производства ВВП. Причем, как показали данные за 2009–2010 годы, этот разрыв постепенно увеличивается, то есть меняется глобальная конфигурация основных глобальных игроков в мировом хозяйстве. Прогноз по группе стран БРИК (X-стран в нашей классификации) подтверждает справедливость подобных ожиданий.

Преобладание X-стран в мировом ВВП сопровождается также, как можно видеть, и ростом значимости X-институтов и соответствующих ментальных моделей в Y-странах. В них после кризиса 2008–2009 годов возрастает роль государственного регулирования, централизованного управления, ценности «общего выживания».



Соотношение стран с доминированием X и Y институциональных матриц в мировом ВВП, выборка (1820–2010)

Исходя из роли материально-технологической среды в коэволюции институтов и ментальных моделей, можно предположить, что изменившиеся условия воспроизводства в планетарном масштабе (осознание пределов роста ресурсов, экологические ограничения, рост взаимозависимости национальных экономик) приводят к необходимости замены мирового институционального порядка. Лучше приспособленные к таким особенностям материально-технологической среды X-страны начинают занимать в глобальной экономике более важное место.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 11-06-12035-офи-м-2011) и гранта РГНФ (проект № 11-02-00088а), а также Совета по грантам Президента РФ для поддержки ведущих научных школ РФ (проект № НШ-3010.2012.6).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

1. Адрианов В. Д. Эволюция основных концепций государственного регулирования экономики (от теории меркантилизма до теории функциональных экономических систем) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://viperson.ru/wind.php?ID=269185&soch=1
2. Александров Ю. И. Введение в системную психофизиологию // Психология XXI века / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Пер Се, 2004.
3. Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Комплементарность культур // От события к бытию. Грани творчества Г. В. Иванченко: Сб. науч. статей и воспоминаний / Сост. М. А. Козлов. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010.
4. Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2009.
5. Александров Ю. И., Кирдина С. Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // СОЦИС. 2012. № 8.
6. Александров Ю. И., Кирдина С. Г. Ментальность, институты и эффект «возрастающей отдачи» // Психология и экономика. 2011. Т. 4. № 2.
7. Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональных систем. М.: Наука, 1980.
8. Аптер М. Кибернетика и развитие: Пер. с англ. М.: Мир, 1970.
9. Замай С. С., Охонин В. А. План и рынок с позиций математической теории оптимизации // Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии. 2010. Т. 8. № 2.
10. Институциональных матриц теория // Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М.: ИНФРА-М, 2010.
11. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд. М.: ТЕИС, 2000, Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.
12. Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4.
13. Матрица институциональная в социологии // Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т. 1.
14. Методология и методика системного изучения советской деревни / Под ред. Т. И. Заславской. Новосибирск: Наука, 1980.
15. Овчинников Б. В., Павлов К. В., Владимирова И. М. Ваш психологический тип. СПб.: Андреев и сыновья, 1994.
16. Хофстеде Г., Маккрэй Р. Р. Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личностных черт и культурных осей // Социологический журнал. 2010. № 4.
17. Чудинов В. А. Ментальность, обусловленная средой [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/002a/02111079.htm
18. Швырков В. Б. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики // Избранные труды / Под ред. Ю. И. Александрова. М.: Изд-во ИП РА, 2006.
19. Ash M. G. Gestalt psychology in German culture, 1890–1967. Holism and the quest for objectivity. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

20. B u c h t e l E. E., N o r e n z a y a n A. Thinking across cultures: Implications for dual processes / Eds. J. Evans, K. Frankish // Two Minds: Dual Processes and Beyond. Oxford: Oxford University Press, 2009.
21. B u c h t e l E. E., N o r e n z a y a n A. Which should you use, intuition or logic? Cultural differences in injunctive norms about reasoning // Journal of Social Psychology. 2008. Vol. 11.
22. G r o s s m a n n I., V a r n u m M. Social class, culture, and cognition // Social Psychological and Personality Science. 2011. Vol. 2.
23. H a r r i n g t o n A. Re-enchanted science. Holism in German culture from Wilhelm II to Hitler. Princeton: Princeton University Press, 1996.
24. H e n r i c h J., H e i n e S. J., N o r e n z a y a n A. The weirdest people in the world // Behavioral and Brain Sciences. 2010. Vol. 33.
25. K ü h n e n U., H a n n o v e r B., R o e d e r U., S h a h A. A., S c h u b e r t B., U p m e y e r A., Z a k a r i a S. Cross-Cultural variations in identifying embedded figures. Comparisons from the United States, Germany, Russia, and Malaysia // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2001. Vol. 32.
26. Maddison Database. Available at: http://www.ggdc.net/MADDISON/oriindex.htm
27. N i s b e t t R. E., M a s u d a T. Culture and point of view // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2003. Vol. 100.
28. N i s b e t t R. E., P e n g K., C h o i I., N o r e n z a y a n A. Culture and systems of thought. Holistic versus analytic cognition // Psychological Review. 2001. Vol. 108.
29. T o o m e l a A. Culture of science: strange history of the methodological thinking in psychology // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2007. Vol. 41.
30. Worldbank Database. Available at: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG

Aleksandrov Yu. I., Institute of Psychology of RAS (Moscow, Russian Federation)
Kirdina S. G., Institute of Economics RAS (Moscow, Russian Federation)

COEVOLUTION OF MENTAL MODELS AND INSTITUTIONS

Two types of mentality: X (“non-Western”) and Y(“Western”) are identified by comparing the nature of the countries’ dominant institutional matrices and types of mentality. A hypothesis about the economic dependence of social processes that support the co-evolution of institutions and mental models, and the principle of adaptive significance in the formation of both institutions and mental models are discussed. It is concluded that the change of the cumulative percentage of GDP in selected X-countries and of that in Y-countries has a wave nature. Nowadays X-countries are taking leading positions again. The process is accompanied by the growth of significance in X-institutions and in the related mental models in the Y-countries.

Key words: institutional matrix, mental model, X and Y institutions, GDP growth

REFERENCES

1. A n d r i a n o v V. D. *Evolyutsiya osnovnykh kontseptsiy gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki (ot teorii merkantilizma do teorii funktsional’nykh ekonomicheskikh sistem)* [The Evolution of Concepts of State Regulation of the Economy (from the Theory of Mercantilism to the Theory of Functional Economic Systems)]. Available at: http://viperson.ru/wind.php?ID=269185&soch=1
2. A l e k s a n d r o v Yu. I. Introduction to System Psychophysiology [Vvedeniye v sistemnuyu psikhofiziologiyu]. *Psychology of the XXIth century* [*Psikhologiya XXI veka*]. Moscow, Per Se Publ., 2004.
3. A l e k s a n d r o v Yu. I., A l e k s a n d r o v a N. L. Complementarity of Cultures [Komplementarnost’ kul’tur]. *From Events to Being. Facets of G. V. Ivanchenko’ Art. Papers and Memoirs Collection* [Ot sobytiya k bytiyu. Grani tvorchestva G. V. Ivanchenko]. Moscow, HSE Publ., 2010. P. 298–335.
4. A l e x a n d r o v Yu. I., A l e k s a n d r o v a N. L. *Sub”yektivnyy opyt, kul’tura i sotsial’nye predstavleniya* [Subjective Experience, Culture, and Social Images]. Moscow, Institute of Psycology PAS Publ., 2009. 320 p.
5. A l e k s a n d r o v Yu. I., K i r d i n a S. G. Mentality, Institutions, and Effect of “Increasing Return” [Mental’nost’, instituty i effekt “vozrastayushchey otdachi”]. *Psychology and Economics* [Psikhologiya i ekonomika]. 2011. Vol. 4. № 2. P. 46–65.
6. A l e k s a n d r o v Yu. I., K i r d i n a S. G. Types of Mentality and Institutional Matrix: a Multidisciplinary Approach [Tipy mental’nosti i institutsional’nye matritsy: mul’tidistsiplinarnyy podkhod]. SOCIS [SOTSIS]. 2012. № 8. P. 3–13.
7. A n o k h i n P. K. *Key Questions of the Theory of Functional Systems* [Uzlovye voprosy teorii funktsional’nykh sistem]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 196 p.
8. A p t e r M. *Kibernetika i razvitie* [Cybernetics and Development]. Moscow, Mir Publ., 1970. 216 p.
9. Z a m a y S. S., O k h o n i n V. A. Plan and Market from the Point of Mathematical Optimization Theory [Plan i rynok s pozitsiy matematicheskoy teorii optimizatsii]. *Vestnik NGU. Seriya: Informatsionnye tekhnologii* [Bulletin of the NSU. Series: Information Technology]. 2010. Vol. 8. № 2. P. 20–28.
10. Institutional Matrix Theory [Institutsional’nykh matrits teoriya]. *Sotsiologicheskiy slovar’* [Sociological dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 2010. P. 153–154.
11. K i r d i n a S. G. *Institutsional’nye matritsy i razvitie Rossii* [Institutional Matrexes and Development of Russia]. Moscow, TEIS Publ., 2000.
12. K o r n a i J. System Paradigm [Sistemnaya paradigma]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics]. 2002. № 4. P. 4–22.
13. Institutional Matrix in Sociology [Matritsa institutsional’naya v sotsiologii]. *Sociological Encyclopedia*. Vol. 1 [Sotsiologicheskaya entsiklopediya. T. 1]. Moscow, Mysl’ Publ., 2003.
14. *Metodologiya i metodika sistemnogo izucheniya sovetskoy derevni* [Methodology and Methods of the Soviet Countryside Study]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980.
15. O v c h i n n i k o v B. V., P a v l o v K. V., V l a d i m i r o v a I. M. *Vash psikhologicheskiy tip* [Your Psychological Type]. St. Petersburg, Andreev i synov’ya Publ., 1994. 238 p.
16. H o f s t e d e G., M c C r a e R. Returning to the Discussion of Personality and Culture: the Relationship of Personality Traits and Cultural Axes [Vozvrashchayas’ k obsuzhdeniyu lichnosti i kul’tury: svyaz’ lichnostnykh chert i kul’turnykh osey]. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Journal of Sociology]. 2010. № 4. P. 9–41.

17. C h u d i n o v V. A. *Mental'nost', obuslovlennaya sredoy* [Environmental Mentality]. *Akademiya Trinitarizma*. [*Academy Trinitarizm*]. Available at: http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/002a/02111079.htm
18. S h v y r k o v V. B. *Vvedeniye v ob"yektivnuyu psikhologiyu. Neyronal'nye osnovy psikhiki* [Introduction into Objective Psychology. Neural Basis of the Psyche]. Moscow, Izdatel'skiy dom IP RAN, 2006. 162 p.
19. A s h M. G. Gestalt psychology in German culture, 1890–1967. Holism and the quest for objectivity. Cambridge, Cambridge University Press, 1998.
20. B u c h t e l E. E., N o r e n z a y a n A. Thinking across cultures: Implications for dual processes / Eds. J. Evans, K. Frankish // Two Minds: Dual Processes and Beyond. Oxford, Oxford University Press, 2009.
21. B u c h t e l E. E., N o r e n z a y a n A. Which should you use, intuition or logic? Cultural differences in injunctive norms about reasoning // Journal of Social Psychology. 2008. Vol. 11.
22. G r o s s m a n n I., V a r n u m M. Social class, culture, and cognition // Social Psychological and Personality Science. 2011. Vol. 2.
23. H a r r i n g t o n A. Re-enchanted science. Holism in German culture from Wilhelm II to Hitler. Princeton, Princeton University Press, 1996.
24. H e n r i c h J., H e i n e S. J., N o r e n z a y a n A. The weirdest people in the world // Behavioral and Brain Sciences. 2010. Vol. 33.
25. K ü h n e n U., H a n n o v e r B., R o e d e r U., S h a h A. A., S c h u b e r t B., U p m e y e r A., Z a k a r i a S. Cross-Cultural variations in identifying embedded figures. Comparisons from the United States, Germany, Russia, and Malaysia // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2001. Vol. 32.
26. Maddison Database. Available at: http://www.ggdc.net/MADDISON/oriindex.htm
27. N i s b e t t R. E., M a s u d a T. Culture and point of view // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2003. Vol. 100.
28. N i s b e t t R. E., P e n g K., C h o i I., N o r e n z a y a n A. Culture and systems of thought. Holistic versus analytic cognition // Psychological Review. 2001. Vol. 108.
29. T o o m e l a A. Culture of science: strange history of the methodological thinking in psychology // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2007. Vol. 41.
30. Worldbank Database. Available at: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG

Поступила в редакцию 16.01.2013

Февраль, № 1 **Экономика** **2013**

УДК 332.362

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ДРУЖИНИН
доктор экономических наук, доцент, заведующий отделом моделирования и прогнозирования регионального развития, Институт экономики Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
pdruzhinin@mail.ru

ВЛИЯНИЕ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КАРЕЛИИ*

Исследуется влияние климатических изменений на сельское хозяйство Карелии. В результате глобального потепления может увеличиться урожайность, особенно в центральных и северных районах. В качестве климатических характеристик рассматриваются летние и зимние средние температуры и суммарные осадки по сезонам или месяцам. Расчеты проводились по трем культурам – зерновые, картофель и овощи. Для построения функций урожайности рассматривались климатические характеристики (отклонение от оптимальной среднемесячной температуры и осадков), агротехнические (минеральные и органические удобрения) и социально-экономические показатели (инвестиции в сельское хозяйство, уровень развития экономики региона, динамика развития экономики региона). Строились мультипликативные функции. Для зерновых определяющей является зависимость от развития экономики, влияние температуры и осадков невелико. В таком случае потепление на 1º к 2030 году скорее всего не приведет к росту урожайности. Для картофеля определяющими оказались климатические характеристики, прежде всего осадки. Можно предположить, что потепление на 1º принесет рост урожайности чуть больше, чем на 0,5 %. Для овощей урожайность сильно зависит от климатических факторов и потепление на 1º приведет к росту урожайности на 3,5 %. Ожидаемое потепление для сельского хозяйства Карелии не принесет заметных выгод, рост урожайности за счет этого фактора при сохранении традиционных культур будет незначителен.

Ключевые слова: сельское хозяйство, потепление, урожайность, зерновые, картофель, овощи

ВВЕДЕНИЕ

На развитие экономики российских регионов в ближайшие годы будут оказывать заметное влияние внешние факторы, к которым необходимо будет адаптироваться. Прежде всего это глобальные климатические изменения.

Наблюдения показывают, что, возможно, происходит глобальное потепление климата, которое начиная с 70-х годов XX века заметно ускорилось. Первое десятилетие XXI века стало рекордно теплым за все 160 лет инструментальных наблюдений, результаты которых позволяют оценить среднюю глобальную температуру [5], [12]. Климатические изменения оказывают заметное влияние на экономику практически всех стран [19]. Растет мировой экономический ущерб от крупномасштабных природных бедствий, хотя количество погибших снижается с 1930-х годов.

Влияние климатических изменений на развитие российских регионов неоднозначно, и для построения модели необходимо построить системное описание объекта и проанализировать влияние данного внешнего фактора. Считается, что гидрометеорологические факторы негативно влияют на темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) и валового регионального продукта (ВРП) российских регионов. Рост количества жарких дней ведет к росту смертности, для Москвы пороговой величиной для роста смертности является среднесуточная температура 25º. В 2010 году смертность в большинстве российских регионов жарким летом выросла, в Карелии в июле превысила уровень 2009 года на 12,5 %. Также происходит рост заболеваемости, прежде всего аллергиями и инфекционными болезнями. Климатические изменения ведут к росту миграции, что пока не затронуло российские регионы [6], [9].

Экономические исследования последствий изменения климата показали, что наибольшее влияние ожидается в следующих секторах региональной экономики: сельское хозяйство, использование прибрежных ресурсов, энергетика, лесное хозяйство, туризм, рыбное хозяйство и водоснабжение [6], [7]. Жаркое лето 2010 года наибольший урон нанесло рыбному хозяйству Карелии.

Множество работ посвящено исследованиям влияния климатических изменений на развитие сельского хозяйства. В основном изучалась урожайность различных культур на региональном уровне, для оценки изменения которой рассматривались различные виды уравнений, аналогичных производственным функциям [15], [16], [19], [20]. Ч. Чанг, используя полиномы второй степени для анализа урожайности зерновых в зависимости от средних по сезонам осадков и температуры, показал, что влияние данных климатических характеристик значительно и нелинейно. Также он предложил рассматривать в качестве факторов уровень менеджмента и технологический уровень [17]. О. Дечинес и М. Гринстоун исследовали эффект замены одной

© Дружинин П. В., 2013

культуры на другую, более урожайную, при повышении средней температуры в регионе [18].

Исследования в других странах показали, что условия для роста урожайности появляются в более северных регионах. Р. Мендельсон, В. Нордхаус и Д. Шоу доказали, что в них возможен рост урожайности за счет улучшения климатических условий и смены культур на более урожайные и требовательные к теплу, в то же время в южных регионах условия ухудшаются [19].

Влияние климатических изменений на сельскохозяйственное производство в РФ, прежде всего на урожайность, исследовалось еще в 1980-х годах в работах С. Сиптица, С. Огнивцева, Ф. Ерешко, О. Сиротенко, Х. Абашиной, В. Павловой и др. Исследования, проводившиеся в ВЦ АН СССР, показали, что отклонения от тенденции были связаны именно с погодными аномалиями. Заметные климатические изменения последних лет способствовали росту количества исследований. Было показано, что изменения условий хозяйствования могут быть ухудшающие и улучшающие для разных регионов [1], [11], [14].

Положительные сдвиги связаны с ростом продолжительности вегетационного периода и расширением зоны земледелия; косвенно может повлиять сокращение отопительного сезона и увеличение сроков навигации. Соответственно, могут снизиться затраты и увеличиться сельскохозяйственное производство, и РФ может получить прибавку до 0,6 % роста ВВП. Мягкие зимы способствуют повышению урожайности озимых, а при дальнейшем повышении температуры большее распространение могут получить такие теплолюбивые культуры, как подсолнечник. Для того чтобы использовать открывающиеся возможности и минимизировать ожидаемые потери, необходима адаптация регионов к ожидаемым климатическим изменениям и ориентация сельскохозяйственной науки на адаптационные проекты.

Для сельского хозяйства могут ухудшиться условия в южном Поволжье и других южных регионах и появится потребность в переносе посевов отдельных культур в более северные регионы на смену культурам, которые традиционно выращивались в северных регионах. Нужно будет быть готовыми к противостоянию засухам в южных регионах. Необходимо также адаптировать энергосистему страны, ведь потепление может привести к более сильным колебаниям температур и росту пиковых нагрузок на энергетику.

МЕТОДОЛОГИЯ

Наиболее значительное воздействие климатических изменений ожидается на сельское хозяйство российских регионов. Для оценки данного влияния строится системное описание происходящих процессов, выделяются и описываются основные факторы, определяющие изменение показателей сельского хозяйства, прежде всего урожайности, анализируются данные, строятся графики, позволяющие понять существующие зависимости [3].

На основе проведенного анализа разрабатываются модели, основу которых составляют регрессионные уравнения, в которых урожайность по регионам рассматривается в зависимости от выделенных факторов: климатических, агротехнических, состояния почвы, социально-экономических характеристик, уровня менеджмента, технологического уровня и особенностей конкретной культуры. Уравнения урожайности по регионам строятся по временным рядам и кросс-секшн. Общая форма функций урожайности Y (обычно используют мультипликативные или линейные функции):

$$Y = f(A, C, L, X),$$

где A – агротехнические, C – климатические, L – почвенные, X – прочие характеристики.

Для разных культур в уравнении оказываются разные факторы, их количество может быть различным. Климатические характеристики могут быть представлены в виде модуля отклонений от оптимальных значений или полиномов второй степени. В качестве климатических характеристик рассматриваются летние и зимние средние температуры и суммарные осадки по сезонам или месяцам. Агротехнические показатели – внесение минеральных и органических удобрений на гектар посевов. Социально-экономические показатели позволяют учитывать состояние сельского хозяйства региона (объем и динамика инвестиций в сельское хозяйство), уровень развития экономики регионов, динамику развития экономики и некоторые другие особенности.

На основе получаемых по строящимся функциям оценок и климатических сценариев, предлагаемых экспертами, можно строить и исследовать различные сценарии развития сельского хозяйства. В работах [5], [6], [11] рассмотрено множество сценариев, по которым могут происходить изменения климата. Для приближенных оценок можно рассмотреть три радикально различающихся ситуации повышение средней температуры на 3° к 2050 году, на 1° к 2050 году, на 1° к 2025 году с последующим похолоданием.

ДАННЫЕ

В статье представлено исследование влияния факторов на урожайность основных культур, выращиваемых в Республике Карелия [2], [4], [13]. Часть информации была получена из статсправочников ФСГС и данных различных ведомств [8], [10]. Для расчетов использовалась также информация, собранная институтами РАН и других ведомств [5], [12], [14]. Для объяснения происходящих процессов использовалась также информация по РФ и некоторым регионам, например Краснодарскому краю, имеющему наи-

более развитое сельское хозяйство (6 % общероссийского производства).

Предварительные исследования факторов, влияющих на динамику урожайности РФ, показали значительные отличия для разных сельскохозяйственных культур. Для зерновых важным оказалось влияние общих изменений в экономике, динамика урожайности зерновых в РФ сильно коррелирует с динамикой ВВП (рис. 1). Объяснить данный факт можно тем, что выращивание и экспорт зерна стали приносить высокую прибыль, начался процесс консолидации бизнеса и в 2000-х годах стал расти уровень менеджмента. Показатель ВВП и ВРП на душу населения для некоторых южных регионов можно трактовать как уровень менеджмента для моделей по временным рядам. Другие культуры этот процесс затронул гораздо меньше.

Изучение ситуации в РФ в целом и отдельных регионах позволило более обоснованно подойти к анализу карельских данных. Первоначально анализировались исходные данные и производные от них, по исходным и сглаженным данным строились графики взаимосвязи показателей для приближенной оценки динамики факторных эластичностей и выделения подпериодов с различным поведением показателей. В результате определялись ограничения на параметры функций и происходил выбор наиболее подходящих функций, прежде всего исходя из соответствия поведения факторных эластичностей. Затем проводились предварительные расчеты, отбрасывались бессмысленные результаты и с учетом полученных статистических характеристик отбирались функции урожайности. Для временного ряда почвенные характеристики не рассматривались, изменение состояния почв невелико в сравнении с варьированием социально-экономических и климатических характеристик.

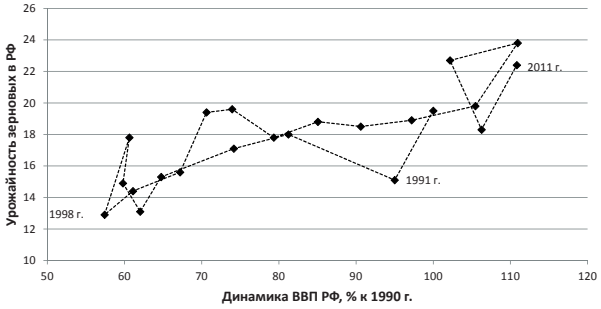


Рис. 1. Взаимосвязь изменения урожайности зерновых в РФ (ц/га) и динамики ВВП РФ с 1990 года

Детальное изучение карельских данных и расчеты проводились по трем культурам – зерновые, картофель и овощи, динамика урожайности которых заметно отличалась. Изменения урожайности разных культур слабо связаны, а значит, вызваны, возможно, разными факторами. Урожайность зерновых падала до начала 2000-х годов, затем стала расти, что близко к ее динамике для РФ. Зерновые выращивают сельскохозяйственные предприятия, фермерские и личные подсобные хозяйства практически не занимаются зерновыми. Значит, для Карелии должны быть значимы изменения в уровне менеджмента и технологий. Урожайность картофеля колебалась, не имея какой-либо тенденции, что можно связать с тем, что доля посевов личных подсобных хозяйств составляет 80 %. Урожайность овощей после непродолжительного спада стала расти (рис. 2). Примерно половину овощей выращивают сельскохозяйственные предприятия. Увеличение урожайности частично связано с вложением инвестиций в освоение современных технологий. Благодаря трансграничному сотрудничеству и программе ТАСИС в Карелии реализовывалось множество инновационных проектов, некоторые из них были направлены на передачу опыта и современных технологий по выращиванию овощей [4].

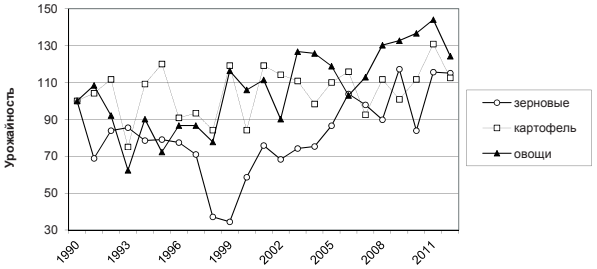


Рис. 2. Динамика урожайности основных сельскохозяйственных культур Карелии, 1990 год – 100 %

Анализ данных позволил выявить предварительные оптимальные значения средней температуры и осадков, отклонение от которых приводит к снижению урожайности. Для различных культур показатели отличаются, например, предварительные значения июльских осадков рассматривались в пределах от 70 до 180 мм, средняя июльская температура – от 17 до 21 градуса. В ходе расчетов данные оценки уточнялись.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Определить влияние климатических факторов оказалось достаточно сложно. Для построения функций урожайности рассматривались климатические (отклонение от оптимальной среднемесячной температуры и осадков) и агротехнические характеристики (внесение минеральных и органических удобрений на гектар). Также для отдельных культур брались и другие факторы, которые отражали процессы, происходившие в сельском хозяйстве Карелии и повлиявшие на урожайность. Использовались такие показатели, как ВРП на душу населения, инвестиции в сельское хозяйство и др. Вводилось понятие нейтрального технического прогресса, которое, как и в производственных функциях, было представлено временной зависимостью. Использование экспоненты позволило опреде-

лить приближенную оценку ежегодного прироста урожайности за счет нейтрального технического прогресса. Отдельная проблема была связана с тем, что в начале 1990-х годов экономические и производственные условия сильно отличались от условий последующего периода и некоторые показатели многократно превышали уровень 2000-х годов (инвестиции, ВРП, внесение удобрений). Поэтому расчеты проводились и отдельно за период с 1994 года.

Для зерновых, как и при расчетах по России, присутствует зависимость от ВРП на душу населения, который оказывает определяющее влияние, ее факторная эластичность $\varepsilon_3 = 1{,}09$. При исключении начала 1990-х годов факторная эластичность по температуре невелика ($\varepsilon_1 = 0{,}137$), а по осадкам еще меньше ($\varepsilon_2 = 0{,}078$) при средних статистических характеристиках ($R^2 = 0{,}53$). В таком случае потепление на 1° может и не повысить урожайность.

Для картофеля определяющими оказались климатические характеристики, прежде всего осадки. Также был выделен незначительный отрицательный нейтральный технический прогресс $p = -0{,}004$. При исключении начала 1990-х годов факторная эластичность по температуре еще меньше, чем в первом случае ($\varepsilon_1 = 0{,}12$), а по осадкам ненамного больше ($\varepsilon_2 = 0{,}15$) при невысоких статистических характеристиках ($R^2 = 0{,}40$). В результате можно предположить, что потепление на 1° принесет рост урожайности чуть больше, чем на 0,5 %.

Динамику урожайности овощей объяснить только за счет климатических факторов оказалось невозможно ($R^2 = 0{,}38$). При добавлении технического прогресса и минеральных удобрений значительно улучшаются статистические характеристики ($R^2 = 0{,}60$), хотя значимость минеральных удобрений невелика. Исключение начала 1990-х годов приводит к двухфакторной мультипликативной функции с нейтральным техническим прогрессом $p = 0{,}024$ и факторными эластичностями по температуре $\varepsilon_1 = 0{,}577$ и по осадкам $\varepsilon_2 = 0{,}1$ ($R^2 = 0{,}76$). В соответствии с этой формулой потепление на 1° принесет рост урожайности лишь на 3,5 %.

В итоге можно сказать, что ожидаемое потепление не принесет заметных выгод, рост урожайности за счет этого фактора при сохранении традиционных культур будет незначителен. Больший эффект дадут повышение уровня менеджмента и переход к более современным технологиям. Также оказать положительное влияние может переход к более урожайным и более теплолюбивым культурам, что уже сейчас требует увеличения вложений в сельскохозяйственную науку.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-22-18005а/Fin.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев В. В., Селин В. С., Терещенко Е. Б. Социально-экономические последствия ожидаемого изменения климата в Арктике // Регион: экономика и социология. 2009. № 2. С. 125–136.
2. Дружинин П. В. Экономическое развитие Карелии: некоторые итоги и проблемы // Проблемы прогнозирования. 1998. № 1. С. 130–135.
3. Дружинин П. В., Шкиперова Г. Т., Морошкина М. В. Моделирование влияния развития экономики на окружающую среду. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 96 с.
4. Кондратюк Е. А. Структура рынка сельскохозяйственной продукции Республики Карелия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Естественные и технические науки». 2011. № 2. С. 52–54.
5. Оценка макроэкономических последствий изменений климата на территории Российской Федерации не период до 2030 г. и дальнейшую перспективу / Под ред. В. М. Катцова, Б. Н. Порфильева. М.: Д'АРТ, 2011. 252 с.
6. Порфильев Б. Н. Природа и экономика: риски взаимодействия. М.: Анкил, 2011. 352 с.
7. Порфильев Б. Н. Изменения климата и экономика // Вестник РАН. 2011. № 3. С. 222–236.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Статистический сборник / Росстат. М., 2011. 990 с.
9. Ревич Б., Шапошников Д. Изменения климата, волны жары и холода как факторы риска повышенной смертности в некоторых регионах России // Проблемы прогнозирования. 2012. № 2. С. 122–138.
10. Республика Карелия: Статистический ежегодник / Карелиястат. Петрозаводск, 2011. 354 с.
11. Сиротенко О. Д., Павлова В. Н. Новый подход к идентификации функционалов погода-урожай для оценки последствий изменения климата // Метеорология и гидрология. 2010. № 2. С. 92–100.
12. Стратегический прогноз изменений климата Российской Федерации на период до 2010–2015 гг. и их влияние на отрасли экономики России. М.: Росгидромет, 2005. 30 с.
13. Толстогузов О. В. Стратегия периферийного региона в условиях ограничения информации. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. 486 с.
14. Филатов Н. Н., Назарова Л. Е., Сало Ю. А. Региональный климат: возможные сценарии изменения климата Карелии. Похолодание или потепление? // Известия РГО. 2007. Т. 139. № 3. С. 72–79.
15. Adams R. M., Rosenzweig C., Ritchie J., Peart R., Glyer J., McCarl B. A., Curry B., Jones J. Global climate change and agriculture: an economic perspective // Nature. 1990. № 1 (345). P. 219–224.
16. Adams R. M., Hurd B. H., Lenhart S., Leary N. Effects of global climate change on agriculture: an interpretative review // Climate Res. 1998. № 1(11). P. 19–30.
17. Chang C. The potential impact of climate change on Taiwan's agriculture // Agricultural Economics. 2002. № 1 (27). P. 51–64.
18. Deschênes O., Greenstone M. The Economic Impacts of Climate Change: Evidence from Agricultural Output and Random Fluctuations in Weather // The American Economic Review. 2007. № 1 (97). P. 354–385.
19. Mendelsohn R., Nordhaus W., Shaw D. The impacts of global warming on agriculture: a Ricardian analysis // The American Economic Review. 1994. № 4 (84). P. 753–771.
20. Tol R. The Economic Effects of Climate // Change Journal of Economic Perspectives. 2009. № 2 (23). P. 29–51.

Druzhinin P. V., Institute of Economic Studies of Karelian Research Center of RAS (Petrozavodsk, Russian Federation)

IMPACT OF CLIMATE CHANGE ON KARELIAN AGRICULTURE OF KARELIA

Effects of the climate change on Karelian agriculture are studied. Global warming may cause increase in crop yield, especially in the central and northern areas of the region. The average summer and winter temperatures, cumulative precipitation volumes measured by seasons and months are considered as climate characteristics. Calculations were carried out on three types of crops – grain crops, potatoes, and vegetables. To construct multiplicative crop yield functions climatic (deviations from optimal monthly temperature and precipitation volumes) and agronomic (mineral and organic fertilizers) characteristics and socio-economic indicators (investments in agriculture, development of the regional economy, and dynamics of economic development in the region) are considered. Grain crop yield depends on the level of economic development and is less affected by temperature fluctuations and precipitation volumes. Therefore, the 1º temperature increase by 2030 might lead to the increase in crop yield. Climatic characteristics, especially precipitation volume, proved to be significant for potatoes. As a result it is possible to suggest that the 1º temperature increase might lead to the increase in crop yield by 0,5 %. The yield of vegetables depends on climate factors. The 1º temperature increase might lead to 3,5 % growth in the total yield of vegetables. In conclusion we can ascertain that Karelian agriculture will not benefit from expected climate change. The growth of crop yield caused by climate change will be insignificant in case traditional crops prevail.

Key words: agriculture, warming, yield, grain, potatoes, vegetables

REFERENCES

1. Vasil'ev V. V., Selin V. S., Tereshchenko E. B. Socio-economic impact of the expected climate change in the Arctic [Sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya ozhidaemogo izmeneniya klimata v Arktike]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2009. № 2. P. 125–136.
2. Druzhinin P. V. Economic Development of Karelia: Some Results and Problems [Ekonomicheskoye razvitie Karelii: nekotorye itogi i problemy]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development]. 1998. № 1. P. 89–92.
3. Druzhinin P. V., Shkiperova G. T., Moroshkina M. V. Modelirovanie vliyaniya razvitiya ekonomiki na okruzhayushchuyu sredu [Modelling the impact of economic development on the environment]. Petrozavodsk, KRC RAS Publ., 2009. 96 p.
4. Kondratyuk E. A. Structure of Agricultural Market in Karelia [Struktura rynka sel'skokhozyaystvennoy produktsii Respubliki Kareliya]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser "Estestvennye i tekhnicheskie nauki"* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Natural and Engineering Sciences]. 2011. № 2. P. 52–54.
5. Otsenka makroekonomicheskikh posledstviy izmeneniy klimata na territorii Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda i dal'neyshuyu perspektivu [Macroeconomic impact assessment of climate change on the territory of the Russian Federation for the period up to 2030 and the further prospects]. Moscow, D'ART Publ., 2011. 252 p.
6. Porfil'ev B. N. *Priroda i ekonomika: riski vzaimodeystviya* [Nature and economy: risks of interaction]. Moscow, Ankil Publ., 2011. 352 p.
7. Porfil'ev B. N. *Climate change and economy* [Izmeneniya klimata i ekonomika]. *Vestnik RAN*. 2011. № 3. P. 222–236.
8. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli: Statisticheskiy sbornik [Regions of Russia. Socio-economic indicators: statistical bulletin] / Rosstat. Moscow, 2012. 990 p.
9. Revich B. A., Shaposhnikov D. A. Climate change, heat waves, and cold spells as risk factors for increased mortality in some regions of Russia [Izmeneniya klimata, volny zhara i kholoda kak factory riska povyshennoy smertnosti v nekotorykh regionakh Rossii]. *Problemy prognozirovaniya* [*Studies on Russian Economic Development*]. 2012. № 2. P. 122–138.
10. *Respublika Karelia: Statisticheskiy ezhegodnik* [Republic of Karelia: Statistical bulletin] / Kareliastat. Petrozavodsk, 2012. 338 p.
11. Sirotenko O. D., Pavlova V. N. A new approach to identifying functional weather-crop for the effects of climate change [Novyy podkhod k identifikatsii funktsionalov pogoda – urozhay dlya otsenki posledstviy izmeneniy klimata]. *Meteorologiya i gidrologiya*, 2010. № 2. P. 92–100.
12. *Strategicheskiy prognoz izmeneniy klimata Rossiyskoy Federatsii na period do 2010–2015 godov i ikh vliyanie na otrasli ekonomiki Rossii* [Strategic forecast climate changes of the Russian Federation for the period up to 2010–2015 and their impact on the industries of the Russian economy]. Moscow, Rosgidromet Publ., 2005. 30 p.
13. Tolstoguzov O. V. Strategiya periferiynogo regiona v usloviyakh ogranicheniya informatsii [Strategy of peripheral regions in conditions of limited information]. Petrozavodsk, KRC RAS Publ., 2010. 486 p.
14. Filatov N. N., Nazarova L. E., Salo Yu. A. Regional climate, potential climate change scenario in Karelia. Cooling or warming? [Regional'nyy klimat: vozmozhnye stsenarii izmeneniya klimata Karelii. Pokholodanie ili poteplenie?]. *Izvestiya RGO*. 2007. Vol. 139. № 3. P. 72–79.
15. Adams R. M., Rosenzweig C., Ritchie J., Peart R., Glyer J., McCarl B. A., Curry B., Jones J. Global climate change and agriculture: an economic perspective // Nature. 1990. № 1 (345). P. 219–224.
16. Adams R. M., Hurd B. H., Lenhart S., Leary N. Effects of global climate change on agriculture: an interpretative review // Climate Res. 1998. № 1 (11). P. 19–30.
17. Chang C. The potential impact of climate change on Taiwan's agriculture // Agricultural Economics. 2002. № 1 (27). P. 51–64.
18. Deschênes O., Greenstone M. The Economic Impacts of Climate Change: Evidence from Agricultural Output and Random Fluctuations in Weather // The American Economic Review. 2007. № 1 (97). P. 354–385.
19. Mendelsohn R., Nordhaus W., Shaw D. The impacts of global warming on agriculture: a Ricardian analysis // The American Economic Review. 1994. № 4 (84). P. 753–771.
20. Tol R. The Economic Effects of Climate // Change Journal of Economic Perspectives. 2009. № 2 (23). P. 29–51.

Поступила в редакцию 17.11.2012

Февраль, № 1 **Экономика** **2013**

УДК 330

НАТАЛЬЯ ВЯЧЕСЛАВНА КАШИНА
кандидат экономических наук, доцент кафедры теоретической экономики и государственного и муниципального управления экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
knvtim@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МАТРИЦА И ФОРМИРУЮЩИЙСЯ В НЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ*

Цель данной статьи заключается в поиске новых подходов к пониманию человеческого капитала, возможностей его использования и принципов оценки, так как это понятие все чаще применяется для оценки национального богатства страны. Формулируются гипотезы и предположения о необходимости при оценке человеческого капитала учитывать тип институциональной матрицы страны и этап ее развития. В противном случае оценки рыночной стоимости человека могут привести к международной изоляции страны. Делается предположение о более правомерном использовании понятия «предпринимательский капитал» (или какого-то другого) вместо понятия «человеческий капитал», особенно при сравнении стран с X и Y институциональными матрицами.

Ключевые слова: институциональная экономика, базовые институты, институциональные матрицы, теория институциональных матриц, человеческий капитал

На сегодня можно очертить довольно широкий круг актуальных для российского общества и его экономики вопросов, среди них – построение собственной модели социально ориентированной экономики и способы форсированного создания постиндустриального производства в России. Решение этих задач требует отнюдь не копирования западных моделей и не слепого подчинения соглашениям и методикам, которые часто навязываются со стороны Европы и США, а глубокого понимания процессов собственного развития, основ социального и экономического устройства.

Как известно, экономика может рассматриваться в двух ракурсах – как хозяйственная деятельность и как система структурно упорядоченных институтов. То есть, с одной стороны, сохраняется первоначальное понимание экономики – науки о законах ведения хозяйства – с главенствующей ролью человека. С другой стороны, за столетия хозяйственной деятельности в различных обществах сформировались свои системы институтов как организующие и управляющие структуры. Это своеобразные каркасы общества, устойчивость которых обеспечивается не только за счет экономики, а в большей степени за счет идеологии, культуры и политики.

Но если типы институциональных матриц различны, почему по-прежнему именно экономическая, военная и финансовая мощь определяет в мире сильнейшего? Дело в том, что люди все так же больше всего ценят власть, богатство и материальное удобство. В стремлении к неограниченному материальному удобству люди стремятся к богатству, а богатство дает власть. Такому принципу следует экономика, которую в древней античной философии называли хрематистикой. Хрематистика отдельной персоны, семьи или клана не призвана быть справедливой и обогащать всех.

Перед экономистами стоит задача не только анализировать реальное положение дел, но найти решения, как вывести экономику из подчинения этим ценностям, найти эффективную модель и способы нерыночного хозяйствования, подчиненные другим принципам. В мире есть институциональные экономические и социальные построения, которые основаны именно на этих ценностях, а есть иные структуры, с иными мировоззренческими конструкциями.

В своей работе мы будем использовать современные достижения отечественной неоинституциональной теории, а точнее, концепции «институциональных матриц», одним из разработчиков которой является российский социолог и экономист, доктор социологических наук Светлана Георгиевна Кирдина. Теория институциональных матриц (Institutional Matrices Theory) – разрабатываемая с конца 1990-х годов макросоциологическая теоретическая гипотеза о двух устойчивых системах базовых институтов, определяющих природу и характер развития обществ. В 2000 году вышло первое издание книги С. Г. Кирдиной «Теория институциональных матриц и развитие России» [5], а в 2004 году – книга «X- и Y-экономики: институциональный анализ» [4]. Само понятие «институциональная матрица» заимствовано у Д. Норта и. К. Поланьи. Данной проблематикой не одно десятилетие вплотную занимаются несколько российских ученых: экономистов, социологов, психологов и историков (О. Э. Бессонова, Т. И. Заславская, Г. А. Меньшикова, М. В. Павенкова, Ю. Алек-

© Кашина Н. В., 2013

сандров и др.). По сути дела эта тема находится на стыке наук, благодаря чему есть вероятность создания устойчивой системной парадигмы, способной более ясно объяснить прошлое и настоящее российского общества.

Однако, по мнению доктора философских наук Н. Н. Александрова, разработки в этом направлении, но без столь глубокого экономического анализа, в отечественной науке уже были сделаны Н. Я. Данилевским, П. А. Сорокиным, Н. Д. Кондратьевым [1].

«Институциональная матрица как социологическое понятие – это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных подсистем – экономической, политической и идеологической. Сочетание преобладающих в данном обществе базовых институтов дает тот или иной тип институциональной матрицы» [8]. В соответствии с их характерными особенностями принято выделять X-матрицу, или восточную, характерную для России, большинства стран Азии и Латинской Америки и др., и Y-матрицу, или западную, поскольку ее имеют страны, традиционно называемые западным миром (Западной Европы и США). При этом принадлежность государства к той или иной институциональной матрице не означает, что в нем не действуют комплиментарные институты, то есть институты из альтернативной матрицы, и соответствующие им институциональные формы. Например, в экономике государств с X-матрицей в той или иной мере постоянно присутствуют рыночные элементы, а в политической сфере – институты федерации. В сфере идеологии такого типа государств доминирование коммунитарных ценностей не означает полный отказ от комплекса идей, воплощающих идеологию субсидиарности. Но характер свойственной каждой матрице человеческой деятельности требует более тщательного рассмотрения.

Большинство научных трудов по экономике отражают закономерности функционирования и развития той модели общества, в которой жили авторы утвердившихся экономических теорий. Адам Смит, Давид Рикардо, Франсуа Кене, Карл Маркс, Альфред Маршалл, Милтон Фридмен, Джон Мейнард Кейнс, Пол Самуэльсон создавали свои теории в рамках Y-матрицы. Лишь сравнительно недавно, и в некоторой степени благодаря исторически сложившемуся интересу к экономикам переходных состояний, в экономической науке появились исследования экономик X-типа («азиатский способ производства» по Марксу, советская модель на примере СССР и КНР). Однако, как отмечается, по-прежнему сохраняется недостаток в сбалансированном исследовании этих различных типов институциональных матриц.

В подтверждение того, что экономическая деятельность подчинена идеологии и культуре, воспользуемся теорией и терминологией известного американского ученого, представителя структурно-функционального анализа в социологии, Толкотта Парсонса (1902–1979): «…общество как социальная система должна отвечать четырем основным функциональным требованиям – адаптация, целедостижение, интеграция и удержание образца» [9]. Сфера бизнеса, по утверждению Парсонса, как и любая другая составляющая часть общества, в определенной степени является и сферой морали [6; 30–31].

Другими словами, в обществе, где утрачивается уважение к нравственным и юридическим законам, никакая государственная модель и институциональная матрица не могут быть жизнеспособными. Если нет идеологии, нет охраняемых культурных ценностей, то хозяйственная деятельность не спасет государство от разрушения.

Экономика как запас ресурсов и как имеющийся капитал обладает потенциалом будущего материального благополучия. Поэтому если экономическая политика связана с духовно-нравственной силой народа, его идеологией и культурой, то и человеческий капитал формируется в зависимости от их состояния. Каждая из институциональных матриц обладает своим специфическим человеческим капиталом, который еще мало описан и который трансформируется вслед за изменениями в идеологии, политике и экономике.

Понятие «человеческий капитал» употребляется нами как термин, ставший сегодня источником экономического роста и благополучия. Официально человеческий капитал понимают как запас знаний, навыков и способностей, которые есть у каждого человека и которые могут использоваться им в производственных или в потребительских целях. Как и капитал, он может являться источником либо будущих доходов, либо будущих удовлетворений, либо и того, и другого [2]. То есть благодаря ему производят и его потребляют.

Концепция человеческого капитала разработана американскими учеными, лауреатами Нобелевской премии по экономике 1992 года Гэри Стэнли Беккером и Теодором Шульцем. Интересна история возникновения этого понятия, поскольку она более давняя. П. Г. Щедровицкий отмечает в своих лекциях [10], что понятие человеческого капитала было введено в середине XVII века благодаря Уильяму Петти, который предпринял попытку подсчета стоимости человека как суммы годового дохода, создаваемого им приблизительно за 20 лет трудовой деятельности. В 1970–80-е годы в среде маржиналистов принципиально новым явлением стало распространение методов экономического анализа на сферы, не относящиеся к экономике. Для анализа поведения индивидов в общественно-политической, семейной жизни, при решении правовых, расовых, этических во-

просов представители этого направления стали использовать экономическую мотивационную модель с ее принципами максимизации, эффективности и полной рациональности. Работы Гэри Беккера тогда вызвали большой резонанс в обществе, в большей степени выразившийся в обвинениях в упрощенном понимании человека.

Однако постулат о роли инвестирования в человеческий капитал сохранил свое большое значение. Ученые показали, что вложения в человеческий капитал могут давать высокий экономический эффект и они все в большей степени определяют развитие экономики, прежде всего в постиндустриальных странах. Индивиды, вкладывающие время и деньги в образование, обучение, получение опыта и развитие других качеств, которые повышают их производительность, а следовательно, и их ценность в глазах работодателя, обладают большим человеческим капиталом. Возникает вопрос: являются ли различия в человеческом капитале основным объяснением различий в заработной плате, или это только часть наблюдаемых факторов и необходимо обращаться к другим, но каким? Возможно, эти отличия как раз зависят от типа институциональной матрицы, а также, как справедливо отмечает П. Г. Щедровицкий, от процессов общественного разделения труда в ней [10].

Почему люди, имеющие одинаковую компетенцию, одинаковые навыки, опыт, одинаковые вложения в свой человеческий капитал, в разных странах имеют разный эффект и в несколько раз отличающийся реальный доход? Дело в том, что это не только разные страны, но и разные институциональные матрицы. Кроме того, схожие институциональные матрицы характеризуются определенным этапом своего развития. Это напрямую связано с системой образования и подготовкой кадров для производства. Если Россия находится на ином, чем Европа и США, этапе создания постиндустриального производства, то можно ли ограничиваться 4-летним образованием бакалавров (как это принято в Европе и по «Болонскому соглашению» сделано в России) и отказываться от 5-летнего образования специалистов? Западу нужно прежде всего поддерживать функционирование существующего постиндустриального производства, а России в первую очередь – форсированное создание постиндустриального производства иного типа, чем на Западе, свойственного своей институциональной матрице. Значит, и человеческий капитал должен обладать особыми качествами, ценными именно для нас и на данном этапе. Здесь унификация методики расчета не должна приводить к выстраиванию стран по количеству человеческого капитала, так как для каждой страны важны свои показатели и их нормы.

Человеческий капитал – понятие, характеризующее экономический и социальный потенциал общества. По методологии, разработанной в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), человеческий капитал – «знания, навыки, умения и способности, воплощенные в людях, которые позволяют им создавать личное, социальное и экономическое, благосостояние» [3]. Все приведенные определения исходят из мировоззренческих постулатов, свойственных институциональной Y-матрице, поскольку в западном обществе все нацелено на удовлетворение потребностей и приращение материального благосостояния. И оценка стоимости человека осуществляется из расчета того дохода, который он может иметь на рынке труда, то есть оценка будет чисто рыночная. В этом смысле экономическая наука по-прежнему весьма тривиально, ограниченно понимает самого человека.

По оценке экспертов ОЭСР, в 2010 году уровни человеческого капитала на душу населения варьировали от 79 тыс. долл. в Румынии до 641 тыс. долл. в США. В России стоимость одного человека в трудоспособном возрасте в ценах 2010 года составила 206 тыс. долл. (по оценкам отечественных экспертов), или 6 млн руб [3]. Расчеты мало отражают связь человеческого капитала и культурного капитала, который является источником потенциала общества. Другие выводы, сделанные в этом исследовании, стоит еще внимательно рассмотреть. В этом контексте интересна монография Н. М. Плискевич, в которой раскрываются проблемы измерения человеческого капитала в трансформирующихся экономике и обществе России [7].

Как известно, в обществе потребления, как и в постиндустриальном, любой капитал должен приносить доход, то же относится к навыкам, знаниям и талантам человека. Не лучше ли тогда использовать термин «предпринимательский капитал», ведь в экономической науке рассматривается такой ресурс, как предпринимательские способности? Предпринимательский капитал всегда будет меньше человеческого. Человеческий капитал трудно измерить количественно, поскольку нет методики измерения духовного богатства человека, его творческого потенциала.

Если оценивать человеческий капитал по потокам дохода, то сегодня, например, собственник и продавец ресурсов, чиновник, работник банка, да и любой торговец стоят выше, чем воспитатель дошкольного учреждения, школьный учитель, преподаватель вуза, инженер на производстве или ученый. При этом социальная значимость последних несопоставимо выше. Но ценность всех определил рынок. А как же быть с творческим и вдохновленным трудом, не продиктованным исключительно потребительскими и наживательскими мотивами, который не стремится к росту денежного дохода? Можно ли называть умение зарабатывать основной заслугой человека? Нет, это заслуга его предприимчивости. Соз-

дать ВВП, как бы его ни считали, можно много, но тот, кто находится выше всех на пирамиде благосостояния, не застрахован своим высоким уровнем человеческого капитала от духовного распада, человеческой деградации, от экологической катастрофы общества потребления, равно как и стоящий внизу этой пирамиды. Но стоящие на вершине пирамиды благосостояния – человек, семья, клан или транснациональные корпорации – все ближе к неограниченной власти.

Поэтому вызывает опасение стремление мирового сообщества выстроить страны по уровню человеческого капитала (как и по уровню демократизации). В этом отношении возможны изменения в мировой политике. Если бы использовался термин «предпринимательский капитал», то он не ставил бы людей и целые государства в разряд лучших и худших. Предприимчивость присуща Y-матрицам, а у X-матриц есть и предприимчивость, и другие достоинства.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Н. Н. Институционализм и эволюционная экономика [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001c/00161917.htm
2. Капелюшников Р. И. Теория человеческого капитала. Аннотация – Электронная версия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.libertarium.ru/10624)
3. Капелюшников Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2012/10/10/1247084655/WP3_2012_06_f.pdf
4. Кирдина С. Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука, 2004. 256 с.
5. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2008. 312 с.
6. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://socioworld.narod.ru/text/history/par_strf.html
7. Плискевич Н. М. Человеческий капитал в трансформирующейся России. М.: Институт экономики РАН, 2012. 231 с.
8. Социнтегрум-Кирдина [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.socintegrum.ru/Kirdina.html
9. Фененко Ю. В. Социология в вопросах и ответах. М.: ВИУ, 2001. 151 с.
10. Щедровицкий П. Г. Лекция: Человеческий капитал в контексте процессов разделения труда (РАНХиГС, 26 ноября 2012 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=b5Om_c1_D9o

---

Kashina N. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

INSTITUTIONAL MATRIX AND HUMAN CAPITAL CREATED IN MATRIX FORM

The purpose of the article is to determine new approaches to understanding human capital, ways of its employment, and principles of its estimation because the term “human capital” is used nowadays for the purpose of national wealth estimation. The article proposes some hypotheses based on the assumptions that when considering human capital it is necessary to take into account the type of institutional matrix of the country and the stage of its development. Otherwise the value of the employed person can result in isolation of some countries in international relationships. The assumption about proper use of the concept ‘enterprise capital’ (or any other concept) instead of the concept ‘human capital’ when comparing nations with X and Y institutional matrixes is given in the article.

Key words: institutional economy, basic institutions, institutional matrix, institutional matrices theory, human capital

REFERENCES

1. Aleksandrov N. N. *Institutsionalizm i evolyutsionnaya ekonomika* [Institutionalism and evolutionary economy]. Available at: http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001c/00161917.htm
2. Kapeljushnikov R. I. *Teoriya chelovecheskogo kapitala. Annotaciya – Elektronnaya versiya* [Theory of the human capital. Summary]. Available at: http://www.libertarium.ru/10624
3. Kapeljushnikov R. I. *Skol’ko stoit chelovecheskiy kapital Rossii?* [How much is human capital of Russia?]. Available at: http://www.hse.ru/data/2012/10/10/1247084655/WP3_2012_06_f.pdf
4. Kirdina S. G. *X- i Y-ekonomiki: institutsional’nyy analiz* [X - and Y-economy: institutional analysis]. Moscow, Nauka, 2004. 256 p.
5. Kirdina S. G. *Institutsional’nye matritsy i razvitie Rossii* [Institutional matrixes and development of Russia]. Novosibirsk, IJeiOPP SO RAN Publ., 2008. 312 p.
6. Parsons T. *Ponyatie obshchestva: komponenty i ikh vzaimootnosheniya* [Concept of society: components and their relationship]. Available at: http://socioworld.narod.ru/text/history/par_strf.html
7. Pliskevich N. M. *Chelovecheskiy kapital v transformiruyushheysya Rossii* [The human capital in transformed Russia]. Moscow, Institut ekonomiki RAN Publ., 2012. 231 p.
8. *Sotsintegrum-Kirdina* [Socintegrum-Kirdina]. Available at: http://www.socintegrum.ru/Kirdina.html
9. Fenenko Yu. V. *Sotsiologiya v voprosakh i otvetakh* [Sociology in questions and answers]. Moscow, VIU Publ., 2001. 151 p.
10. Shchedrovickiy P. G. *Lektsiya: Chelovecheskiy kapital v kontekste protsessov razdeleniya truda* [Lecture: The human capital in context of labor division processes]. (RANHiGS, 26 noyabrya 2012 goda). Available at: http://www.youtube.com/watch?v=b5Om_c1_D9o

Поступила в редакцию 23.10.2012

Февраль, № 1 **Экономика** **2013**

УДК 330

ИРИНА НИКОЛАЕВНА СЕЛИВЕРСТОВА
аспирант кафедры экономической теории и менеджмента экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
seli3001@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЦЕНОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ*

Рассматривается процесс формирования тарифа для конечного потребителя и государственное участие в данном процессе с точки зрения достижения социальной эффективности рынка электроэнергии. Выявлены причины, не позволяющие формировать тариф согласно рыночному принципу ценообразования: маржинальный принцип ценообразования на оптовом рынке электроэнергии, наличие перекрестного субсидирования между населением и прочими потребителями (промышленными предприятиями, юридическими лицами). Все это приводит к появлению противоречия: правила ценообразования на оптовом рынке и установление органами государственной власти заниженных цен для населения не позволяют сформировать конкурентный рынок в отрасли с рыночным ценообразованием. Цель по созданию конкурентного ценообразования на рынке электроэнергии не достигнута, а обозначенные противоречия в ценовом регулировании ставят под сомнение эффективность государственных реформ, а также верность выбранной модели организации энергетической отрасли.

Ключевые слова: естественная монополия, государственное регулирование, ценообразование, либерализация

Государственное регулирование рынков, несомненно, необходимо в тех случаях, когда функционирование рынка дает неудовлетворительные результаты и конкурентное разрешение ситуации невозможно в принципе. При этом предполагается, что преимущества, полученные в результате государственного вмешательства, превосходят все связанные с ним издержки. Эту ситуацию в некотором роде можно отнести к провалам рынка, и она возникает на рынке естественной монополии.

Основы теории естественных монополий были заложены Ж. Дюпюи, который исследовал проблему тарифообразования на железнодорожном транспорте, рассматривая его как общественную монополию [3]. Ученый приходит к выводу, что отдельные рынки функционировали бы эффективнее в случае присутствия на них монополиста, а не конкурирующих фирм. Общественная выгода растет, если предотвращается монопольное влияние. В этом случае достигается социальная эффективность общества в целом: устанавливаются более низкие цены для потребителей благ естественных монополий. Данный подход необходимо учитывать, анализируя эффективность государственного регулирования / дерегулирования рынка естественной монополии с точки зрения положительного социального эффекта.

С начала XX века до 1990-х годов в большинстве стран мира электроэнергетика относилась к естественным монополиям. Вертикально-интегрированные компании имели узаконенную монополию в масштабах страны или отдельных регионов. Тарифы на их услуги устанавливались или ограничивались государством.

Начиная с 1990-х годов во многих странах мира проводится реформирование электроэнергетики. Причины и цели реформирования, глубина и результаты различны у разных стран. С одной стороны, они зависят от экономических, социально-политических и природно-климатических условий каждой страны, с другой – от действующей модели организации рынка электроэнергии. Кроме того, причины и цели проводимых реформ существенным образом отличаются в экономически развитых и развивающихся странах. Во многих развитых странах причиной преобразований стали высокие цены на электроэнергию для конечных потребителей. Целью было с помощью организованной конкуренции добиться повышения эффективности в сферах генерации и сбыта, снижения издержек производства и сбыта электроэнергии и, следовательно, снижения тарифов.

В развивающихся странах отход от прямого государственного регулирования отрасли обусловлен неспособностью государства самостоятельно инвестировать в строительство новых генерирующих мощностей, сетей электропередач в условиях высоких темпов роста электропотребления. Поэтому главной целью является привлечение частных инвестиций, в том числе из-за рубежа [1]. В России дерегулирование энергетики началось вместе с переходом страны к рыночной экономике в начале 1990-х годов. Сначала была проведена приватизация (акционирование) электроэнергетики, а в 2000-х годах запущен длительный процесс либерализации отрасли.

В результате реорганизации единой энергосистемы СССР энергобизнес страны приобрел но-

© Селиверстова И. Н., 2013

вую структуру, состоящую из трех в некотором смысле автономных уровней: генерации, передачи и сбыта электроэнергии. Также была создана новая инфраструктура оптового рынка электроэнергии и мощности (ОРЭМ) – регулирующая система, в состав которой вошли некоммерческие партнерства и организации, обеспечивающие реализацию правил и механизма рыночного оборота электроэнергии и мощности.

По замыслу идеологов реформы, в результате либерализации должно было возникнуть множество сбытовых компаний, которые, закупая электричество на оптовом рынке, начали бы конкурировать друг с другом за конечных потребителей и, таким образом, сформировали бы розничный рынок электроэнергии, цены которого не регулируются государством, а формируются на основе спроса и предложения, а его участники конкурируют, снижая свои издержки и тарифы для конечных потребителей.

Анализ средней цены на электроэнергию для конечных потребителей в России показывает, что в ходе реформы с 2005 по 2011 год произошел серьезный рост цен: они выросли почти в 2 раза (рис. 1) [4]

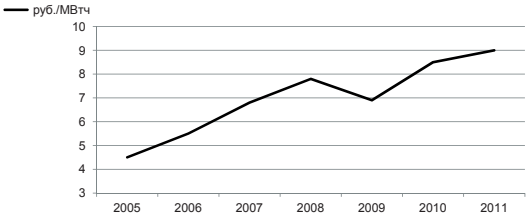


Рис. 1. Динамика тарифов на электроэнергию в России в 2005–2011 годах (источник: Евразийский банк развития, http://www.eabr.org/general/upload/docs/AU/Obzor%20 Energetika%20-%20polnaya%20versia%20-%2006-2012.pdf)

Причина такого роста цен заключается в маржинальном принципе ценообразования так называемой равновесной цены на оптовом рынке электроэнергии (мощности), в результате чего потребители покупают электроэнергию с рынка по самой высокой цене.

Тариф на электроэнергию для конечного потребителя (кроме категории населения и приравненных к населению) складывается из следующих составляющих: нерегулируемая цена оптового рынка; оплата услуг сетевых организаций за передачу электроэнергии; плата гарантирующему поставщику или энергосбытовой компании в виде сбытовой надбавки; оплата услуг инфраструктурных организаций оптового рынка (ОАО «АТС», ОАО «ЦФР», ОАО «СО ЕЭС»). Так, в 2011 году в цене на электроэнергию 60,9 % стоимости приходилось на генерацию; 33,2 % – сетевую инфраструктуру и лишь 5,7 % – на сбытовые организации. Таким образом, большая часть стоимости конечного тарифа является нерегулируемой и определяется на оптовом рынке электроэнергии.

С 1 сентября 2006 года в России реализуется концепция НОРЭМ (Постановление Правительства РФ от 31 августа 2006 года № 529 «О совершенствовании порядка функционирования оптового рынка электрической энергии (мощности)»). Наряду с торговлей по регулируемым и свободным (нерегулируемым) двусторонним договорам были организованы спотовые рынки электроэнергии: «на сутки вперед» (РСВ) и балансирующий (БР). А с 1 января 2011 года вся электроэнергия (кроме объемов населения и поставляемой по свободным договорам) на оптовом рынке продается по спот-ценам.

В части генерации, по правилам оптового рынка, спот-цена определяется ежечасно – по наибольшей (маржинальной) цене, которую указывает последний отбираемый поставщик (некая электростанция), включенный по результатам конкурентного отбора в торговый график.

В первой ценовой зоне (европейская часть России и Урала) оптовые цены практически всегда определяются производством электроэнергии на газовых теплоэлекростанциях (ТЭС), во второй (Сибирь) – на угольных ТЭС. Это объясняется зависимостью цен в отрасли от цен на газ. Так, ежегодный рост регулируемой стоимости газа на 15–20 % и соответствующий рост стоимости энергетического угля автоматически приводят к росту стоимости электроэнергии этих ТЭС на те же 15–20 %.

Гидроэлектростанции и атомные электростанции технологически не используют органическое топливо, поэтому рост маржинальной стоимости электроэнергии на оптовом рынке стимулирует необоснованный рост цены электроэнергии от этих станций. В итоге цены для потребителей складываются на уровне самой дорогой станции, а более дешевые производители получают необоснованные сверхприбыли.

Таким образом, невозможно формирование на рынке электроэнергии немаржинальных цен без тарифного регулирования, проводимого государством, так как разница в себестоимости выработки электроэнергии зависит не от эффективности работы, а от технологических особенностей различных электростанций.

Однако, несмотря на значительный рост тарифов на электроэнергию для конечных потребителей в ходе реформы, отметим, что средний тариф в России значительно ниже тарифа в европейских странах. На рис. 2 приведены тарифы, установленные для предприятий малого и среднего бизнеса, а также для населения в первом квартале 2011 года в некоторых европейских странах, и средние тарифы по России для аналогичных сегментов экономики.

Рис. 2 демонстрирует, что в России тариф для предприятий малого и среднего бизнеса (143 долл./МВт. ч) приближается к среднему европейскому показателю (150 долл./МВт. ч). Та-

риф же за электроэнергию, установленный для населения, в России на 42 % ниже тарифа для малого и среднего бизнеса, в то время как в европейских странах отпускной тариф для населения в среднем на 57 % выше тарифа для коммерческого сектора [5]. Таким образом, во многих европейских странах, а также в США население платит значительно больше за потребляемую электроэнергию.

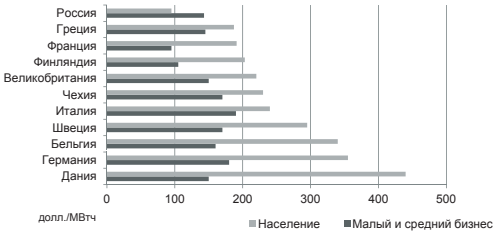


Рис. 2. Средняя цена на электроэнергию в европейских странах в 2011 году (источник: Институт развития естественных монополий, http://www.ipem.ru/images/stories/Files/energy/tnk_bp_tceny.pdf)

Данный факт имеет экономическую аргументацию: население потребляет относительно небольшой объем электроэнергии, что ведет к более высоким затратам на потребляемую единицу. Большие затраты связаны с высокими расходами на создание сетевой инфраструктуры, а также с более ощутимыми административными издержками по учету электроэнергии. В России же в связи с проводимой социальной политикой имеет место перекрестное субсидирование и в тарифе для коммерческого сектора заложена субсидия для населения.

Перекрестное субсидирование имеет место, когда для отдельных потребителей или групп потребителей устанавливаются цены выше уровня предельных издержек, чтобы для других потребителей можно было установить цены ниже предельных издержек. Оно обычно практикуется в условиях монополии, так как, неся бремя дополнительных затрат, данные потребители не могут перейти к альтернативному поставщику с более низкими ценами [6]. Такое субсидирование в России появилось в 1990-х годах прошлого века. Главным механизмом его реализации являются единые «котловые» тарифы, которые устанавливаются на региональном уровне исполнительными органами власти и которые существенно отличаются в зависимости от категории потребителя и от его уровня напряжения.

В 2011 году объем перекрестного субсидирования составил 196 млн руб. [2]. Это говорит о том, что в настоящий момент отрасль регулируется государством и подвержена сильному политическому влиянию. Гарантирующие поставщики и энергосбытовые организации играют пассивную роль в вопросах ценообразования, так как сбытовая надбавка, как и сетевой тариф, устанавливается исполнительным органом власти субъекта РФ. И лишь с 1 октября 2012 года, согласно новым Правилам розничного рынка, сбытовая надбавка становится дифференцированной для разных групп потребителей, что позволит гарантирующим поставщикам конкурировать за крупных потребителей, предлагая им адекватный их стоимости обслуживания уровень надбавки, ликвидировав тем самым еще один элемент перекрестного субсидирования (Постановление Правительства РФ от 4 мая 2012 года № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии»). Поэтому, если на оптовом рынке электроэнергии конкурентное ценообразование невозможно в силу технологический особенностей отрасли, то на розничном рынке оно затруднено ввиду несовершенства нормативно-правовой базы и отсутствия конкуренции за потребителей между сбытовыми организациями.

Проведенный анализ ценообразования на рынке электроэнергии позволяет сделать выводы, что существующие методы государственного регулирования цен и сам принцип ценообразования в энергетике вызывают ряд противоречий. С одной стороны, государство путем прямого регулирования цен удерживает тарифы для населения страны на достаточно низком уровне. С другой стороны, это происходит за счет перекрестного субсидирования и завышенных цен для предприятий коммерческого сектора. То есть, запустив механизм либерализации отрасли и свободного ценообразования, государство продолжает контролировать тарифы. Очевидно, что в противном случае это привело бы к резкому скачку тарифов для населения и социальному протесту.

Государство продолжает контролировать формирование тарифов для потребителей, доказывая тем самым, что рынок электроэнергии является рынком естественной монополии, присутствие государства на котором необходимо для достижения положительного социального эффекта. Данные выводы ставят под сомнение эффективность проводимых реформ и целесообразность либерализации отрасли в целом.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б е л я е в Л. С. Проблемы электроэнергетического рынка. Новосибирск: Наука, 2009. 296 с.
2. Доклад А. Н. Шишкина на совещании в ФСТ России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minenergo.gov.ru/press/doklady/11798.html

3. Д ю п ю и Ж. О мере полезности гражданских сооружений // Теория потребительского поведения и спроса (Вехи экономической мысли). Вып. 1. СПб., 1993.
4. Интеграционные процессы в электроэнергетическом секторе государств – участников Евразийского банка развития. Отраслевой обзор № 15. Алматы, 2012. 68 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eabr.org/general/upload/docs/AU/Obzor%20Energetika%20-%20polnaya%20versia%20-%2006-2012.pdf
5. У и в и н г Д., С к л я р В. Российская энергетика: шесть мифов, тормозящих реформу // Энергорынок. 2011. № 10 (93).
6. P o s n e r R. Natural Monopoly and Its Regulation // Stanford Law Review. 1969. Vol. 21. February. P. 548–563.

Seliverstova I. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

STATE PRICE REGULATION OF RUSSIAN POWER INDUSTRY

The process of end-user-oriented tariff design as well as state participation in this process from the point of view of the social efficiency of energy market is considered in the article. The reasons which prevent from designing a tariff according to market-oriented principle of pricing are identified. They include the marginal principle of pricing on the wholesale power market as well as the existence of cross-subsidization between the population and other consumers (industrial enterprises, legal entities). They result in the occurrence of a contradiction, when wholesale pricing rules and underpricing policy for the population, set by public authorities, do not allow to create a competitive power market with market-oriented pricing. Due to it, the goal of creating competitive pricing on the electric power market hasn't been achieved. Moreover, contradictions in price regulation, referred to above, question the efficiency of state reforms as well as the validity of the selected model of power industry organization.

Key words: natural monopoly, state regulation, pricing, liberalization

REFERENCES

1. B e l y a e v L. S. *Problemy elektroenergeticheskogo rynka* [Problems of power market]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009. 296 p.
2. *Doklad A. N. Shishkina na soveshchanii v FTS Rossii* [Report of A.N.Shishkin at the conference in Russian Federal Tariff Service]. Available at: http://minenergo.gov.ru/press/doklady/11798.html
3. D y u p y u i Zh. On the extent of civil structures utility [O mere poleznosti grazhdanskikh sooruzheniy]. *Teoriya potrebitel'skogo povedeniya i sprosa (Vekhi ekonomicheskoy mysli)* [Theory of consumer behaviour and demand (Landmarks of economic thinking]. St. Petersburg, 1993. Issue 1. P. 28–66.
4. Integratsionnye protsessy v elektroenergeticheskom sektore gosudarst – uchastnikov Evraziyskogo banka razvitiya. Otraslevoy obzor № 15. [Integration processes in energy sector of the countries- members of Eurasian Development Bank. Industry review. № 15. Almaty, 2012. 68 p.]. Available at: http://www.eabr.org/general/upload/docs/AU/Obzor%20Energetika%20-%20polnaya%20versia%20-%2006-2012.pdf
5. U i v i n g D., S k l y a r V. Russian power: six myths, braking reform [Russian power industry: six myths that hamper the reform]. *Energorynok* [Power market]. 2011. № 10 (93). P. 26.
6. P o s n e r R. Natural Monopoly and Its Regulation // Stanford Law Review. 1969. Vol. 21. February. P. 548–563.

Поступила в редакцию 28.12.2012

Февраль, № 1 **Юридические науки** **2013**

УДК 34.07

САМИР МУРСАЛОВИЧ МИКАИЛОВ
кандидат юридических наук, полковник полиции, начальник, Управление вневедомственной охраны при МВД по Республике Карелия (Петрозаводск, Российская Федерация)
smm45@mail.ru

РЕФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ СТАТУСА ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ПОЛИЦИИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Определены место и роль вневедомственной охраны полиции в системе обеспечения национальной безопасности. Обозначены ряд противоречий и пробелов в законодательстве, регламентирующем сферу обеспечения имущественной безопасности и деятельности вневедомственной охраны. Предлагается разработать концептуальную основу развития и совершенствования деятельности вневедомственной охраны, в том числе основываясь на принципах обеспечения имущественной безопасности, обозначены конкретные направления совершенствования организационно-правовых основ данной деятельности, которые заключаются в обеспечении имущественной и антитеррористической безопасности объектов, подлежащих обязательной охране полицией, проведении единой технической политики в области охраны имущества и объектов, осуществлении инспектирования подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны, участии в решении задач по охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности и в мероприятиях по совершенствованию инженерно-технической укрепленности и противокриминальной защищенности различных объектов, а также в стабилизации собственной финансово-экономической деятельности.

Ключевые слова: национальная безопасность, имущественная безопасность, вневедомственная охрана, государственные услуги, административная реформа

Актуальность рассматриваемой темы связана с обновлением различных сфер общественной жизни в процессе реформирования современной российской государственности. Данная проблема носит комплексный характер и, затрагивая экономическую, политическую, духовную, социокультурную, пенсионную, военную, правоохранительную, судебную, административную и другие сферы, влияет на процессы, проходящие в сфере обеспечения национальной безопасности [6]. Протекающие обновления имеют не только причины, концептуальные подходы, принципы и стадии, но и безусловное судьбоносное влияние на развитие страны и членов общества, на стабильность экономики и социально-политической обстановки. От результативности реформ зависит не только имидж страны и общества, но и национальная безопасность.

Цель настоящей статьи – определение влияния проводимой в стране административной реформы на развитие статуса вневедомственной охраны полиции в системе обеспечения национальной безопасности, а также обозначение направлений развития и совершенствования деятельности вневедомственной охраны полиции в свете реформирования российской государственности.

К числу приоритетных реформ следует отнести административную [2], которая призвана упорядочить государственное управление во всех сферах, в том числе и систему национальной безопасности, и в конечном итоге защитить интересы членов общества. Следует согласиться, что продуктивное и устойчивое функционирование институтов исполнительной власти – залог стабильности и национальной безопасности [10].

Анализ Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [1], Федерального закона РФ от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности», других нормативно-правовых источников и научной литературы [11; 13] позволяет констатировать, что национальная безопасность представляет собой сложную, интегральную, многоуровневую систему, включающую подсистемы жизнедеятельности государства, защиты общества, государства и человека, а также управления национальной безопасностью.

Одним из компонентов, обеспечивающих национальную безопасность, является обеспечение имущественной безопасности как элемент системы обеспечения экономической безопасности страны, занимающей важное место в структуре государственной и общественной безопасности [1; 11].

Данное утверждение согласуется с приоритетами в сфере обеспечения национальной безопасности, определенными Федеральным законом РФ от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности».

© Микаилов С. М., 2013

В условиях увеличения террористических угроз значимость имущественной безопасности в системе национальной безопасности возрастает, а деятельность субъектов, реализующих задачи по охране объектов, которые представляют особую важность в обеспечении национальной безопасности (вневедомственная охрана полиции и Федеральное государственное унитарное предприятие «Охрана» Министерства внутренних дел России, внутренние войска Министерства внутренних дел России, подразделения Федеральной службы охраны России и ведомственная охрана федеральных органов исполнительной власти), актуализируется.

На наш взгляд, вневедомственную охрану полиции можно отнести к одним из основных в перечне указанных субъектов также исходя из объема охраняемых ею объектов, представляющих особую важность для государства с точки зрения национальной безопасности. Например, на начало 2013 года подразделениями вневедомственной охраны полиции охраняется 93,4 % объекта, подлежащего обязательной охране полицией в соответствии с Перечнем, утвержденным Распоряжением Правительства РФ № 1629-р от 2 ноября 2009 года [14].

Особый статус в системе обеспечения национальной безопасности подразделения вневедомственной охраны получили в процессе реформирования правоохранительной системы. Например, реализация одного из основных направлений деятельности полиции, определенных Федеральным законом РФ от 7 апреля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» (охрана имущества и объектов), Приказами МВД России, утверждающими Уставы Федеральных государственных казенных учреждений подразделений вневедомственной охраны по соответствующим субъектам РФ, возложены на подразделения вневедомственной охраны полиции (например, [5]).

Данный закон также обязал полицию осуществлять инспектирование подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны, в порядке, определенном Правилами инспектирования, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 16 апреля 2011 года № 274 «Об утверждении Правил инспектирования полицией подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны». Данную деятельность реализуют подразделения вневедомственной охраны [4].

Кроме того, в процессе реформирования государственных и муниципальных учреждений в соответствии с требованиями Федерального закона РФ от 8 мая 2010 года № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений», подразделения вневедомственной охраны приобрели статус государственных казенных учреждений (например, [5]), а их деятельность по обеспечению имущественной безопасности в соответствии со ст. 161 Бюджетного кодекса РФ – статус государственной услуги.

В то же время существует ряд противоречий и явные пробелы в законодательстве, регламентирующем сферу обеспечения имущественной безопасности и деятельности вневедомственной охраны [8], которые позволяют ряду авторов [7; 9] определять статус вневедомственной охраны как нерешенный: с одной стороны, как органа, который является структурным элементом МВД России и, следовательно, органом исполнительной власти, а с другой стороны – функционирующего на коммерческих началах. Некоторые исследователи даже считают ее деятельность препятствием развитию конкуренции на рынке охранных услуг, а также избыточной функцией государства [9]. Однако при этом не берется во внимание, что доходы за услуги охраны в полном объеме перечисляются в федеральный бюджет и не преследуется цель получения прибыли. Как известно, именно получение прибыли является одним из основных признаков предпринимательской (коммерческой) деятельности [7].

Таким образом, условия динамично развивающейся социально-экономической среды функционирования вневедомственной охраны полиции требуют совершенствования правовых и организационных основ ее деятельности и принятия мер по оптимизации ее организационно-правовых характеристик как основного звена органов внутренних дел в механизме обеспечения имущественной безопасности, а следовательно, и в системе национальной безопасности.

На наш взгляд, указанная деятельность должна осуществляться на концептуальной основе – системе взглядов и направлений деятельности подразделений вневедомственной охраны полиции, обеспечивающих их устойчивое функционирование в области противодействия преступным посягательствам на охраняемое имущество и повышение вклада службы в решение общеполицейских задач. Главной целью данной концепции должно стать повышение профилактического влияния деятельности подразделений вневедомственной охраны полиции на состояние имущественной безопасности, борьбу с преступлениями и административными правонарушениями, надежную антитеррористическую защищенность объектов особой важности, повышенной опасности и жизнеобеспечения, в том числе подлежащих обязательной охране полицией, повышение доверия граждан к сотрудникам подразделений вневедомственной охраны и органам внутренних дел РФ в целом.

По нашему мнению, на основе принципов обеспечения имущественной безопасности,

среди которых приоритетность защиты конституционных прав личности на собственность, непрерывность осуществления защиты имущества, взаимодействие всех субъектов процесса охраны между собой, сотрудничество в области безопасности имущества с другими государственными и межгосударственными организациями, просвещенность населения в области защиты собственности от противоправных посягательств и др., а также исходя из возложенных функций основными направлениями развития и совершенствования службы вневедомственной охраны полиции в свете реформирования российской государственности должны стать:

1. Обеспечение безопасности объектов, подлежащих обязательной охране полицией в соответствии с перечнем, утверждаемым Правительством РФ. Целью развития (повышения эффективности) данного направления служебной деятельности является обеспечение надежной охраны максимально возможного количества объектов, включенных в Перечень, прекращение или нарушение режима функционирования которых может нанести значительный ущерб экономической и социальной сфере деятельности государства.

2. Проведение единой технической политики в области охраны имущества и объектов с использованием инновационных технологий. Целями данного направления служебной деятельности являются увеличение объемов оказываемых охранных услуг при одновременном повышении надежности охраны и сокращении затрат путем оптимизации численности персонала, совершенствования применяемых технических средств, автоматизации процесса охраны, снижения количества ложных срабатываний и уменьшения расходов на оплату услуг операторов связи; повышение эффективности деятельности строевых подразделений вневедомственной охраны полиции в борьбе с преступлениями и административными правонарушениями, а также повышение конкурентоспособности подразделений вневедомственной охраны полиции на рынке охранных услуг.

3. Осуществление инспектирования подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны. Целью данного направления служебной деятельности является совершенствование механизмов по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений указанными подразделениями охраны требований законодательных и иных нормативных правовых актов РФ, а также ведомственных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы организации и осуществления ими охранной деятельности.

4. Участие подразделений вневедомственной охраны полиции в решении задач по охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, в том числе при несении службы в системе единой дислокации. Целью развития является как повышение эффективности деятельности строевых подразделений вневедомственной охраны полиции в борьбе с преступлениями и административными правонарушениями на территориях обслуживания, так и сокращение времени реагирования мобильных нарядов полиции на сообщения о совершаемых преступлениях и административных правонарушениях, поступивших сигналах «тревога» из охраняемых объектов, квартир и МХИГ, а также достижение более высокого уровня имущественной безопасности (повышение надежности предоставляемых охранных услуг).

5. Участие в мероприятиях по совершенствованию инженерно-технической укрепленности и противокриминальной защищенности объектов. Целью развития является повышение уровня противокриминальной, в том числе антитеррористической, защищенности критически важных и потенциально опасных объектов инфраструктуры РФ, а также объектов особой важности, повышенной опасности и жизнеобеспечения.

6. Стабилизация финансово-экономической деятельности. Целями ее развития являются: создание условий материально-технического и ресурсного обеспечения деятельности подразделений вневедомственной охраны полиции, необходимых для их дальнейшего устойчивого развития; выполнение прогнозных показателей по исполнению федерального бюджета в части поступлений доходов от взимания платы за услуги по охране имущества, предоставляемые на договорной основе, и иные услуги, связанные с обеспечением охраны и безопасности граждан, а также обеспечение законодательно установленных социальных гарантий и компенсаций сотрудникам и работникам подразделений вневедомственной охраны полиции.

По нашему мнению, только при условии реализации указанных целей, отвечая приоритетным направлениям современного реформирования российской государственности, подразделения вневедомственной охраны полиции займут достойное место в системе обеспечения национальной безопасности, а эффективность решаемых ими задач в сфере ее обеспечения существенно возрастет.

ИСТОЧНИКИ

1. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2008 г. № 157-р «Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах» // СЗ РФ. 2008. № 14. Ст. 1413.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 2437-р «Об оптимизации структуры

подразделений вневедомственной охраны полиции» // СЗ РФ. 2012. № 4. Ст. 513.
4. Приказ МВД России № 1187 от 1 декабря 2011 года «О некоторых вопросах инспектирования органами внутренних дел Российской Федерации подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны».
5. Приказ МВД России от 5 мая 2012 года № 418 «Об утверждении Устава Федерального государственного казенного учреждения “Управление вневедомственной охраны МВД по Республике Карелия”».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

6. Барциц И. Н. Реформа государственного управления в России: правовой аспект. М.: Формула права, 2008.
7. Боженок С. Я. Правовое регулирование неналоговых доходов государственных и местных бюджетов: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004.
8. Воробьев А. Й. Организация и правовые основы деятельности подразделений вневедомственной охраны при органах внутренних дел Российской Федерации по обеспечению охраны имущества физических лиц: Дисс. … канд. юрид. наук. Псков, 2011.
9. Дмитриева А. В. Реформирование Управления вневедомственной охраны в контексте развития рынка охранных услуг. СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2010. 24 с.
10. Игнатов В. Г., Таранцов В. П., Понеделков А. В., Старостин А. М. Проблемы обеспечения общенациональной безопасности на Северном Кавказе. Ростов н/Д: СКАГС, 2000.
11. Прохожев А. А. Общая теория национальной безопасности. М.: РАГС, 2002.
12. Суменков С. В. Теперь город будет обязан брать кредиты только на конкурсной основе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fas.gov.ru/fas-in-press/fas-in-press_7907.html
13. Таранцов В. П. Имидж административной реформы и национальная безопасность РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rau.su/observer/N1_2006/1_04.HTM
14. Официальный сайт МВД России. Раздел «Статистика» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/804701/

Mikailov S. M., Department of Private Security of the Ministry of Internal Affairs of Karelian Republic (Petrozavodsk, Russian Federation)

REFORMATION OF RUSSIAN STATEHOOD AND ITS INFLUENCE ON PRIVATE SECURITY SERVICE STATUS DEVELOPMENT IN NATIONAL SECURITY SYSTEM

The author defines the place and the role of private security police in the system of national safety based on the analysis of statutory documents, legal sources, regulating its activity, scientific and professional literature on the subject. Having revealed a number of contradictions and gaps in the part of legislature regulating the sphere of property safety provision and activity of private security police, which became obvious in the course of reforms carried out in Russia, the author suggests elaboration of the conceptual basis of legislation instrumental in the development and improvement of private security police activity. Based on the principles of property safety provision, the author defines directions of organizational and legal improvement of this activity, which consists of ensuring property and anti-terrorist safety of the object, which are subject to obligatory protection by police; fulfillment of unified technical policy in the field of property and object protection; implementation of security divisions’ inspection of legal entities with special assignments and divisions of departmental security; participation in the tasks of public order protection and provision of public safety; participation in actions aimed at engineering and technical strength improvement; anti-criminal protection of various objects; stabilization of its own financial and economic activity.

Key words: national safety, property safety, private security, state services, administrative reform

REFERENCES

1. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 12 maya 2009 g. № 537 “O strategii natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii” [The decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2009 № 537 “About Strategy of national security of the Russian Federation till 2020”]. *SZ RF*. 2009. № 20. St. 2444.
2. Rasporyazhenie Pravitel’stva Rossiyskoy Federatsii ot 9 fevralya 2008 g. № 157-r “Kontsepciya administrativnoy reformy v Rossiyskoy Federatsii” [The order of the Government of the Russian Federation of February 9, 2008 № 157-r “The concept of administrative reform in the Russian Federation in 2006–2010”]. *SZ RF*. 2008. № 14. St. 1413.
3. Rasporyazhenie Pravitel’stva Rossiyskoy Federatsii ot 30 dekabrya 2011 g. № 2437-r “Ob optimizatsii stryktury podrazdeleniy vnevedomstvennoy okhrani politsii” [The order of the Government of the Russian Federation of December 30, 2011 № 2437-r “About optimization of structure of divisions of private security of police”]. *SZ RF*. 2012. № 4. St. 513.
4. Prikaz MVD Rossii ot 1 fevralya 2011 g. № 1187 “O nekotorykh voprosakh inspektirovaniya organami vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii podrazdeleniy yuridicheskikh lits s osobymi ustavnymi zadachami i podrazdeleniy vedomstennoy okhrani” [The order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 1187 of December 1, 2011 “About some questions of inspection by law-enforcement bodies of the Russian Federation of divisions of protection of legal entities with singular authorized problems and divisions of departmental protection”].
5. Prikaz MVD Rossii ot 5 maya 2012 g. № 418 “Ob utverzhdenii Ustava Federal’nogo gosudarstvennogo kazyonnogo uchrezhdeniya Upravlenie vnevedomstvennoy okhrany MVD po Respublike Kareliya” [The order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of May 5, 2012 № 418 “On the adoption of the Charter of Federal public state institution “Management of Private Security of the Ministry of Internal Affairs across the Republic of Karelia”].
6. Bartsits I. N. *Reforma gosudarstvennogo upravleniya v Rossii: pravovoy aspect* [Reform of public administration in Russia: law aspect]. Moscow, Formula prava Publ., 2008.
7. Bozhenok S. Ya. *Pravovoye regulirovanie nenalogovykh dokhodov gosudarstvennykh i mestnykh byubzhetov. Diss. kand. yur. nauk* [Legal regulation of the non-tax income of the state and local budgets. Cand. diss., law sci.]. Moscow, 2004. 276 p.
8. Vorob’yov A. I. *Organizatsiya i pravovye osnovi deyatelnosti podrazdeleniy vnevedomstvennoy okhrani pri organakh vnutrennix del Rossiyskoy Federatsii po obespecheniyu okhrani imychestva fizicheskikh lits. Diss. kand. yur. nauk* [The

organization and legal bases of activity of divisions of private security at law-enforcement bodies of the Russian Federation on ensuring protection of property of individuals. Cand. diss., law sci.]. Pskov, 2011. 242 p.
9. D m i t r i e v a A. V. *Reformirovanie Upravleniya vnevedomstvennoy okhrani v kontekste razvitiya rynka okhrannykh uslyg* [Reforming of Management of private security in a context of development of the market of security services]. St. Petersburg, IPP EU SPb Publ., 2010. 24 p.
10. I g n a t o v V. G., T a r a n t s o v V. P., P o n e d e l k o v A. V., S t a r o s t i n A. M. *Problemy obespecheniya obshchenatsionalnoy bezopastnosti na Severnom Kavkaze* [Problems of ensuring national safety in the North Caucasus]. Rostov-on-Don, SKAGS Publ., 2000.
11. P r o k h o z h e v A. A. *Obshchaya teoriya natsionalnoy bezopasnosti* [General theory of national security]. Moscow, RAGS Publ., 2002. 288 p.
12. S u m e n k o v S. V. *Teper gorod budet obyazan brat' kredity tol'ko na konkursnoy osnove* [Now the city will be obliged to take the credits only on a competitive basis]. Available at: http://www.fas.gov.ru/fas-in-press/fas-in-press_7907.html
13. T a r a n t s o v V. P. *Imidzh administrativnoy reformy i nacionalnoya bezopastnost' RF* [Image of administrative reform and national security of the Russian Federation]. Available at: http://www.rau.su/observer/N1_2006/1_04.HTM
14. Official site of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The section "Statistics". Available at: http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/804701/

Поступила в редакцию 27.09.2011

Февраль, № 1 **Юридические науки** **2013**

УДК 342.9

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ОЛЕНИНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
tyolenina@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ЛЕСОВ В РОССИИ*

Статья посвящена вопросам и правовым проблемам применения административной ответственности за нарушения в сфере использования и охраны лесов в России. Вопросы административной ответственности за нарушения в сфере использования и охраны лесов в России приобретают все большую актуальность в связи с развитием лесопромышленного комплекса Российской Федерации в последние годы. Наиболее распространенным видом ответственности за нарушение норм природоохранительного и природоресурсного законодательства является административная ответственность, осуществляемая путем применения уполномоченным органом или должностным лицом административных взысканий к гражданам и юридическим лицам, совершившим правонарушение. В связи с несовершенством норм административного законодательства в области нарушения правил использования и охраны лесов, видовым разнообразием нарушений лесного законодательства на практике возникает ряд проблем при их квалификации лицами, ведущими производство по делам данной категории. Проблемы возникают в том числе при рассмотрении дел судьями, что приводит к росту числа жалоб на постановления, выносимые должностными лицами административных органов, осуществляющими государственный лесной надзор, к неоднозначности выносимых судами решений по жалобам.

Ключевые слова: Лесной кодекс, использование и охрана лесов, административная ответственность за нарушение правил использования лесов

С точки зрения глобализации права вопросы административной ответственности за нарушения в сфере использования и охраны лесов в России приобретают все большую актуальность в связи с развитием в последние годы лесопромышленного комплекса Российской Федерации.

С учетом глобального экологического значения лес представляет особую ценность для сохранения и укрепления благоприятной окружающей среды [3; 108]. Функции лесов, не связанные с производством древесины, такие, как охрана природы, сохранение биологического разнообразия, образование грунтовых вод, предотвращение эрозии, защитная функция и организация отдыха, все больше рассматриваются в качестве важных аспектов устойчивого развития [1; 180].

В настоящее время существует реальная потребность повышения эффективности охраны лесов в России. Проблема обеспечения их сохранности, особенно при участившихся в последнее время случаях хищнического использования лесных ресурсов, становится все более актуальной. Один из способов обеспечения сохранности лесов – применение мер административно-правового регулирования и административной ответственности к участникам отношений, связанных с лесопользованием.

Наиболее распространенным видом ответственности за нарушение норм природоохранительного и природоресурсного законодательства является административная ответственность, осуществляемая путем применения уполномоченным органом или должностным лицом административных взысканий к гражданам и юридическим лицам, совершившим правонарушение.

В Лесном кодексе (ЛК) Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ не установлен перечень лесонарушений, а статьи ЛК РФ, посвященные ответственности, носят отсылочный характер к нормам, предусмотренным в том числе и Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ) от 30.12.2001 № 195-ФЗ.

В связи с принятием нового ЛК РФ от 4 декабря 2006 года № 200-ФЗ значительные изменения и дополнения внесены в главу 8 КоАП РФ от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ, посвященную административным правонарушениям в области охраны окружающей среды и природопользования [6; 3].

Статья 8.25 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушение правил использования лесов. Объектом правонарушения является порядок использования лесов, а предметом – лесные участки, отведенные для рубок, проводимых в перестойных и спелых лесных насаждениях (древостоях), выборочных и сплошных рубок, рубок ухода за лесом, санитарных рубок и рубок реконструкции малоценных лесных насаждений, теряющих защитные,

© Оленина Т. Ю., 2013

водоохранные и другие природоохранные функции, ограниченные визирами, лесосечными знаками или естественными рубежами и имеющие различную форму и определенные размеры, устанавливаемые в соответствии с требованиями законодательных и иных нормативных правовых актов в зависимости от группы леса, режимов лесопользования и других факторов, а также лесные ресурсы – древесина, живица и второстепенные лесные ресурсы (кора, береста и пр.) [4]. ЛК РФ закрепляет основные нормы и правила использования лесов.

Административная ответственность за нарушение лесного законодательства предусматривает привлечение к ней физических, юридических и должностных лиц, совершивших правонарушения по ст. 7.1, ч. 2 ст. 7.2, 7.9–7.11, 8.5, 8.7, 8.8, 8.12, 8.13, 8.24–8.37 КоАП РФ. При этом наиболее распространенными правонарушениями признаются: самовольное занятие лесного участка, а также участка лесного фонда и леса, не входящего в лесной фонд; нарушение правил лесопользования; незаконное повреждение, порубка деревьев, лиан и кустарников; нарушение требований к охране лесов и правил пожарной безопасности в лесах.

Одну из правовых проблем в рассматриваемой сфере составляет то, что в КоАП РФ не проведено четкого разграничения составов административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования от нарушений норм иных отраслей права. Например, в главу, регулирующую охрану собственности (глава 7 КоАП РФ), включены составы административных правонарушений в области природопользования, охраны объектов окружающей среды (порядок пользования лесным участком), а также статьи, содержащие положения об административной ответственности за нарушения условий выданных лицензий (разрешений), несмотря на то что подобные правонарушения чаще всего не связаны с правом собственности. Представляется целесообразным перенести данные составы правонарушений в главу, регулирующую административную ответственность в сфере природопользования и охраны окружающей среды (глава 8 КоАП РФ).

Кроме того, необходимо учитывать, что за нарушение законодательства Российской Федерации об охране окружающей среды предусмотрен повышенный срок давности привлечения к административной ответственности (статья 4.5 КоАП РФ). По этим правонарушениям срок давности составляет два года со дня совершения административного правонарушения в зависимости от того, является оно длящимся или продолжаемым.

Помимо норм КоАП РФ ответственность за нарушения лесного законодательства предусмотрена и Уголовным кодексом Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ст. 260 «Незаконная рубка лесных насаждений», ст. 261 «Уничтожение или повреждение лесных насаждений»). В отличие от уголовной, административная ответственность является наиболее часто применяемым видом юридической ответственности. Это также обусловливается тем, что перечень составов административных правонарушений может быть установлен не только КоАП РФ, но и законами субъектов РФ [2; 143].

Неединичны случаи законодательных инициатив внесения изменений в КоАП РФ и Уголовный кодекс РФ, направленных на усиление административной и уголовной ответственности за совершение правонарушений в сфере лесопользования. Законодательные нововведения в основном касаются увеличения размеров наказания. Тем не менее модернизация законодательства должна происходить не только с целью усиления репрессивной функции государства, но и с целью выполнения превентивных мероприятий [5; 20].

Статистические данные государственных органов, осуществляющих государственный лесной надзор (лесную охрану), свидетельствуют о росте административных правонарушений в области лесопользования. Если в 2008–2009 годах на первом месте указаны нарушения правил пожарной безопасности в лесах (48–50 % от общего количества административных правонарушений лесного законодательства), на втором – незаконная рубка деревьев (26–34 %), то в 2010–2011 годах на первом месте – нарушения правил использования лесов (37 %), нарушения правил пожарной безопасности в лесах (31 %), незаконная рубка деревьев (12 %) [6; 3–4].

Таким образом, в связи с несовершенством норм административного законодательства в области нарушения правил использования и охраны лесов, видовым разнообразием нарушений лесного законодательства на практике возникает ряд проблем при их квалификации лицами, ведущими производство по делам данной категории. Проблемы возникают в том числе при рассмотрении дел судьями, что приводит к росту числа жалоб на постановления, выносимые должностными лицами административных органов, осуществляющими государственный лесной надзор, к неоднозначности выносимых судами решений по жалобам.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков А. М., Зеленцов А. Б., Федоров В. А., Лютягина Е. А. Правовые основы природопользования и охраны окружающей среды: Учебник / Под общ. ред. А. М. Волкова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Щит-М, 2011. 308 с.

2. Кичигин Н. В., Пономарев М. В. Правовое регулирование в области обращения с отходами производства и потребления: Науч.-практ. пособие. М.: ИД «Юриспруденция», 2010. 192 с.
3. Козырева Т. В. К вопросу о применении норм Кодекса об административных правонарушениях РФ в сфере нарушения правил использования лесов и сроков привлечения к административной ответственности // Актуальные проблемы юридической теории и практики: Межвуз. сб. науч. ст. / Отв. ред. В. В. Блаткова, Т. Ю. Оленина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012.
4. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / Под ред. Н. Г. Салищевой // СПС «Консультант Плюс».
5. Хлуднева Н. И. Перспективы развития системы экологического законодательства // Сборник статей научно-практических семинаров (круглых столов) по актуальным проблемам земельного и экологического права. М.: Персэ, 2011.
6. Яковлева Т. А. Административная ответственность за правонарушения в области лесопользования: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2012. 26 с.

Olenina T. Yu., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF FOREST USE AND FOREST PROTECTION IN RUSSIA

The article is devoted to the issues and legal problems of application of administrative responsibility for violations in the sphere of the use and protection of forests in Russia. Administrative responsibility for violations in the sphere of the use and protection of forests in Russia is becoming more relevant in connection with the development of timber industry in the Russian Federation. The most common types of responsibility for violations of environmental and natural resource law is administrative responsibility carried out by the notified body or official administrative penalties to citizens and legal persons who have committed an offence. Due to the imperfection of administrative legislation concerning violation of the rules on the use and protection of forests, species diversity of forest law in practice poses a number of problems when it comes to violations' qualification by category. Cases considered by judges have led to increased numbers of complaints, including complains about decisions rendered by administrative bodies, officials involved in State forest oversight, ambiguity, court rulings on complaints.

Key words: forest law, use and protection of forests; administrative responsibility for violation of the rules of forest use

REFERENCES

1. Volkov A. M., Zelentsov A. B., Fedorov V. A., Lyutyagina E. A. *Pravovye osnovy prirodopol'zovaniya i okhrany okruzhayushchey sredy* [Legal bases of environmental management and protection]. Moscow, Shchit-M Publ., 2011. 308 p.
2. Kichigin N. V., Ponomarev M. V. *Pravovoe regulirovanie v oblasti obrashcheniya s otkhodami proizvodstva i potrebleniya: nauchno-prakticheskoe posobie* [Legal regulation in the field of waste management and production: scientific-practical manual]. Moscow, ID "Yurisprudentsiya" Publ., 2010. 192 p.
3. Kozyreva T. V. On the question of the application of the rules of the administrative offences code of RUSSIA in the sphere of violation of the rules for utilization of forest and timing of administrative responsibility [K voprosu o primenenii norm Kodeksa ob administrativnykh pravonarusheniyakh RF v sfere narusheniya pravil ispol'zovaniya lesov i srokov privlecheniya k administrativnoy otvetstvennosti]. *Aktual'nye problemy yuridicheskoy teorii i praktiki* [Actual problems of legal theory and practice]. Petrozavodsk, Petrosavodsk State University Publ., 2012. C. 107–114.
4. *Kommentariy k Kodeksu Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Comment in the Code of the Russian Federation on administrative offences] // Consultant Plus Publ.
5. Khludneva N. I. Prospects of environmental legislation [Perspektivy razvitiya sistemy ekologicheskogo zakonodatel'stva]. *Collection of articles in scientific and practical seminars (round-table discussions) on current issues of land and ecological law* [Sbornik statey nauchno-prakticheskikh seminarov (kruglykh stolov) po aktual'nym problemam zemel'nogo i ekologicheskogo prava]. Moscow, Perse Publ., 2011. C. 13–22.
6. Yakovleva T. A. *Administrative responsibility for violations in the sphere of forest use: ... Cand. legal sci. diss.* [Administrative responsibility for violations in the sphere of forest use. Cand. legal sci. diss]. St. Petersburg, 2012. 26 p.

Поступила в редакцию 25.12.2012

Февраль, № 1 **Юридические науки** **2013**

УДК 342.9

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ ПЕРЕТЯТЬКО
аспирант кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
meletron@inbox.ru

НОВОЕ В КОНЦЕПЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ*

Рассматривается современное законодательство, регулирующее сферу миграции. Согласно концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной президентом РФ 13 июня 2012 года, государство берет на себя выполнение гуманитарных обязательств в отношении вынужденных мигрантов; обеспечивает содействие адаптации и интеграции мигрантов, уделяет первостепенное внимание формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом и противодействует незаконной миграции. Концепция предусматривает введение балльной системы для отбора мигрантов, желающих въехать в Россию. Критериями могут стать возраст, образование, профессиональная подготовка, способность к адаптации. Предлагается разрабатывать программы по подготовке мигрантов по профессиям, востребованным в РФ. Международное сотрудничество в сфере миграции предполагает расширение взаимодействия с международными организациями, формирование правовой базы сотрудничества с иностранными государствами, заключение международных соглашений в сфере миграции.

Ключевые слова: миграционные процессы, миграционная политика, трудовые мигранты, миграционный режим, межнациональные проблемы, межнациональная напряженность, иммиграционная политика, легитимизация иммигранта, политика натурализации

В настоящее время наблюдающийся рост социальной напряженности в России и ряде стран Европы и США, проявляющийся в массовых выступлениях мигрантов, свидетельствует о кризисе политики интеграции мигрантов. Существующие основные подходы к определению интеграционной политики мигрантов («ассимиляционный» и «мультикультурализм») не оправдывают себя.

В настоящее время российское законодательство, регулирующее сферу миграции, совершенствуется, что помогает адаптации и интеграции мигрантов. Однако в целом намечается тенденция в сторону ужесточения законодательства в отношении мигрантов. Это выражается в том, что определены более жесткие рамки по выдворению мигрантов из страны, введен обязательный экзамен по русскому языку для получения разрешения на работу.

Президент России В. В. Путин 13 июня 2012 года утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, определены цели, задачи, основные направления и механизмы реализации государственной миграционной политики РФ. В число наиболее важных задач входят следующие: создание условий и стимулов для переселения в РФ на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, эмигрантов и отдельных категорий иностранных граждан; разработка дифференцированных механизмов привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы; содействие развитию внутренней миграции; содействие образовательной миграции и поддержка академической мобильности. В. В. Путин выдвинул предложение организовать сеть государственных адаптационных курсов не только для самих трудовых мигрантов, но и для их детей. «Мы уже вышли на второе место после Соединенных Штатов по количеству прибывающих мигрантов», – напомнил глава государства. Он настоял на создании надлежащих условий для интеграции и сказал, что права и свободы приезжих необходимо защищать [7].

Государство берет на себя выполнение гуманитарных обязательств в отношении вынужденных мигрантов; обеспечивает содействие адаптации и интеграции мигрантов, уделяет первостепенное внимание формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом и противодействует незаконной миграции.

Реализация государственной миграционной политики включает три этапа до 2025 года.

Первый предполагает создание центров содействия иммиграции в РФ и медицинского освидетельствования мигрантов, в том числе за рубежом, создание инфраструктуры для проживания трудовых мигрантов на основе государственно-частного партнерства, создание инфраструктуры для интеграции и адаптации трудовых мигрантов, включая центры информационной и правовой поддержки, курсы изучения

© Перетятько И. В., 2013

языка, истории и культуры России, проведение выборочных исследований, включающих вопросы внутренней и международной миграции. Этот этап рассчитан до 2015 года.

Второй этап (2016–2020 годы) предполагает обобщение и анализ правоприменительной практики принятых нормативных правовых актов Российской Федерации, обеспечивающих реализацию целей, задач и основных направлений государственной миграционной политики РФ, расширение использования информационных технологий для анализа миграционной ситуации. По итогам его реализации к 2021 году предполагается приостановить миграционный отток населения из районов Сибири и Дальнего Востока.

В рамках третьего этапа (2021–2025 годы) необходимо оценить эффективность принятых программ, уточнить основные стратегические ориентиры, приоритеты и основные направления ее реализации. По итогам реализации третьего этапа предполагается обеспечить миграционный приток населения в районы Сибири и Дальнего Востока к 2026 году.

Концепция государственной миграционной политики будет строиться на принципах обеспечения прав и свобод человека и гражданина, недопустимости любых форм дискриминации, соблюдения норм национального и международного права, гармонизации интересов личности, общества и государства. Согласно документу, главными механизмами реализации выступят дальнейшее совершенствование законодательства РФ, развитие международного сотрудничества в сфере миграции, учет задач государственной миграционной политики при формировании федерального и региональных бюджетов, постоянный мониторинг и анализ происходящих на территории страны миграционных процессов и их влияния на социально-экономические, демографические и иные аспекты развития, развитие научных исследований в сфере миграции.

Можно выделить пять нововведений в миграционной политике РФ.

Во-первых, Концепция предусматривает введение балльной системы для отбора мигрантов, желающих въехать в Россию. Критериями могут стать возраст, образование, профессиональная подготовка, способность к адаптации и прочее. Об этом глава ФМС К. Ромодановский сообщил 26 июля 2011 года во время обсуждения документа в Общественной палате РФ. Причем предполагается, что данные критерии будут меняться с учетом изменений демографической ситуации и условий на рынке труда. Например, путем изменения величины проходного балла можно будет ограничивать количество лиц, получающих вид на жительство, не влияя при этом на качественный состав претендентов.

Во-вторых, предлагается отменить институт выдачи разрешений на временное проживание для мигрантов, усовершенствовав при этом институт получения ими вида на жительство, а также ввести ускоренный (упрощенный) порядок получения гражданства РФ для лиц, имеющих вид на жительство и являющихся предпринимателями, инвесторами, квалифицированными специалистами (а также членами их семей) и выпускниками российских учреждений профессионального образования.

В-третьих, наряду с программами привлечения в страну высококвалифицированных специалистов, предлагается разрабатывать программы по подготовке мигрантов по профессиям, востребованным в РФ.

В-четвертых, Концепция предполагает упрощение въезда и снятие ограничения для работы и обучения для членов семей иностранных работников, заключивших долгосрочные трудовые контракты, а также упрощение порядка въезда, выезда и пребывания на территории РФ иностранных граждан, участвующих в инвестировании и предпринимательской деятельности, и иностранных граждан в рамках внутрифирменных и внутрикорпоративных перемещений.

В-пятых, рассматривается возможность отмены механизма выдачи квот на привлечение иностранной рабочей силы, который сегодня является основным инструментом регулирования трудовой иммиграции [9].

В области экспорта рабочей силы при разработке эмиграционной политики России особое внимание уделяется улучшению ситуации на рынке труда за счет сокращения безработицы; привлечению валютных поступлений в страну за счет денежных переводов трудящихся-мигрантов из-за границы; защите прав и обеспечению поддержки российских граждан, работающих за рубежом; получению мигрантами профессий, предпринимательского опыта и образования.

Как считают специалисты в сфере миграции, принципиальное значение для РФ имеет создание приоритетных условий возвращающимся мигрантам для инвестирования в сферу экономики. Такой опыт есть у многих стран мира и он признан удачным. Примерно такой опыт был испробован в Карелии в 1930-е годы. За пять лет, с 1930-го по 1935-й, почти 7000 финских реэмигрантов приехали из Канады и США в новую Россию. Ехали семьями, с детьми; продавали дома и автомобили, покупали на вырученные доллары столь необходимые молодой советской стране станки и инструменты. Впереди была еще одна новая жизнь [4].

В России и в новых условиях стараются использовать опыт передовых стран для привлечения граждан, которые хотели бы вернуться на Родину. С этой целью намечено создать специальную структуру, занимающуюся консультированием, информационным обеспечением возвращающихся мигрантов и оказывающую им

конкретную помощь. Государством рассматривается возможность предоставления различных налоговых льгот и льготного кредитования. Как и в большинстве стран мира, возвращающиеся мигранты должны иметь право беспошлинно ввозить средства производства для последующей производственной деятельности.

С целью дополнительного привлечения в страну валютных средств, заработанных мигрантами, и их адаптации к условиям российского рынка, по опыту зарубежных стран, требуется принятие ряда мер, например: введение специальных депозитных счетов; продажа земельных участков под строительство; выдача на льготных условиях ссуд на строительство домов под переводы, хранимые в строго определенных банках; создание альтернативного жилого фонда для льготной реализации за валюту среди возвращающихся мигрантов; открытие валютного счета для беспошлинного провоза машин, товаров длительного пользования; создание специального пенсионного фонда [5].

Международное сотрудничество в сфере миграции предполагает расширение взаимодействия с международными организациями, создание условий для свободного перемещения и трудоустройства граждан, гармонизацию и унификацию миграционного законодательства РФ, формирование правовой базы сотрудничества с иностранными государствами, заключение международных соглашений в сфере миграции, способствующих притоку иностранных инвестиций в страну, заключение международных соглашений о приеме, возврате и транзитном проезде лиц, нелегально находящихся на территории РФ.

Перечисленные выше аспекты определяют актуальность исследования административно-правового регулирования процесса адаптации и интеграции мигрантов в российское общество. Как отмечает О. А. Акопян, назрела необходимость разработки социальных программ, обеспечивающих более эффективную социализацию приезжающих, их этнокультурную и языковую адаптацию. Он считает, что эти меры необходимы сегодня в связи с нависшей угрозой потери национальной идентичности в России и размывания этнокультурного фона. По его мнению, «относительно иммигрантов, противящихся интеграции в единое культурно-языковое пространство России, стремящихся к обособлению и исключительно компактному проживанию, могут быть применены радикальные меры – им может быть предложено вернуться в страны, где они проживали ранее» [5].

Один из ключевых вопросов в решении проблемы миграции – это обучение мигрантов русскому языку. Эмигранты обязательно должны интегрироваться в российское общество – изучать язык, культуру, традиции, понимать народные особенности, приспосабливаться к условиям жизни, мигрантам приходится приспосабливаться к погодным условиям. Мигранты должны принимать ту страну, в которую они приезжают [1].

Разработкой тестов по русскому языку для мигрантов занимаются четыре вуза: РУДН, МГУ, СПбГУ и Институт русского языка им. Пушкина. Сама же сдача происходит в 250 центрах тестирования [10]. Введение обязательного тестирования мигрантов на знание русского языка не вызвало массового желания последних сдавать этот экзамен. Более того, они стали тихо его саботировать, ссылаясь на то, что он очень дорогой: сдача стоит 3000 рублей. За первую неделю действия соответствующих поправок к Федеральному закону «О правовом положении иностранных граждан» из многих миллионов трудовых иммигрантов в России только 200 человек решили его сдать.

В России начал работу Многофункциональный центр адаптации мигрантов, который представляет интересы всех диаспор ближнего и дальнего зарубежья, проживающих на территории России. Основная задача центра – налаживание взаимодействия между государственными органами и обществом. Центр предоставляет первую необходимую консультацию мигрантам по социально-культурным вопросам и миграционному законодательству РФ. Представитель верховного комиссара ООН по делам беженцев в России Карренброк Геше отметила: «Для того чтобы позитивно использовать возможности мигрантов, важно, что местное население в России должно получить сбалансированный доступ к информации о том, почему мигранты и беженцы приезжают в Россию. Также важно, чтобы и сами мигранты получили доступ к информации о том, как реализовать свои права в соответствии с международными правовыми документами. Мы считаем, что это прагматический подход, который принесет пользу как самим мигрантам и беженцам, так и обществу, в котором они будут жить» [6].

Можно выделить основные меры государства и общественности, которые могут помочь адаптации и интеграции мигрантов.

1. Активизация сотрудничества органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления с общественными объединениями мигрантов и частными организациями.

2. Формирование сети информационно-консультационных центров в сфере трудовой миграции для предпринимателей и трудовых мигрантов.

3. Совершенствование миграционного и трудового законодательства в плане устранения излишних административных барьеров для иностранной рабочей силе.

Главная задача государственных миграционных органов – определение правового положения и статуса иностранцев, обеспечение их необходимыми документами (на право пребывания, проживания и трудоустройства в РФ). Что же касается адаптации и интеграции мигрантов, то это зависит от негосударственных организаций, поддерживающих непосредственную связь с мигрантами.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А к о п я н О. А. Особенности миграционной политики РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nirsi.ru/129
2. Карельская Америка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://strana.ru/journal/21086582
3. Карренброк Геше отметила. Отчет Представителя Верховного комиссара ООН по делам беженцев в России. Российская миграция [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rusmigracia.ru/node/313
4. Миграционная политика РФ. Россия открывается мигрантам? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://el-job.ru/migrant
5. Миграционная политика Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bibliotekar.ru/mezhdunarodnye-otnosheniya-2/68.htm
6. Мухаммад Амин Маджумдер. Российская миграция [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rusmigracia.ru/node/313
7. Путин: на пути к гармонии в межнациональных отношениях [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.km.ru/v-rossii/2012/08/24/vladimir-putin/putin-na-puti-k-garmonii-v-mezhnatsionalnykh-otnosheniyakh
8. Р о м а н о в А. Мигранты снова доказали, что им плевать на российские законы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.km.ru/v-rossii/2012/12/11/migratsionnaya-politika-v-rossii/699363-migranty-snova-dokazali-chto-im-plevat-n
9. Т р ы к а н о в а С. А. Междисциплинарный подход как инструмент преодоления кризиса в определении эффективной модели интеграции мигрантов // Миграционное право. 2012. № 1. С. 54.

Peretyat'ko I. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

NEW TENDENCIES IN CONCEPT OF MIGRATION POLITICS IN CONTEMPORARY RUSSIAN LAW

Improvement of the current legislation system regulating the sphere of migration helps the processes of migrants' adaptation and integration. On June 13, 2012 Vladimir Putin, the President of the Russian Federation, approved a Concept of the State Migration Policy up to 2025. The state will observe its humanitarian obligations to forced migrants; secure their successful integration and adaptation; prioritize processes of interaction between migrants and host communities as well as counteract illegal migration. Under the new concept, foreigners seeking employment and registration in Russia will be rated. Criteria for the selection of migrants could be their age, education, qualification, and ability to adapt. It is proposed to develop professional training programmes preparing specialists for occupations in demand. International cooperation in the sphere of migration involves development of the legal base for cooperation, interaction with international organizations, and conclusion of international agreements.

Key words: dispersal movements, migration policy, labour migrants, migration regime, problems of inter-ethnic relations, inter-ethnic tension, immigration policy, legitimization of an immigrant, naturalization policy

REFERENCES

1. A k o p y a n O. A. *Osobennosti migratsionnoy politiki RF* [Peculiarities of the migration policy of the Russian Federation]. Available at: http://www.nirsi.ru/129
2. *Karrenbrok Geshe otmetila*. Otchet Predstavitelya Verkhovnogo komissara OON po delam bezhentsev v Rossii. Rossiyskaya migratsiya [Report of the Representative of the United Nations high Commissioner for refugees in Russia. Russian migration]. Available at: http://rusmigracia.ru/node/313
3. *Karel'skaya Amerika* [Carelian America]. Available at: http://strana.ru/journal/21086582
4. *Migratsionnaya politika RF. Rossiya otkryvaetsya migrantam?* [State migration policy of the Russian Federation. Does Russia open to migrants?]. Available at: http://el-job.ru/migran
5. *Migratsionnaya politika Rossiyskoy Federatsii* [State migration policy of the Russian Federation]. Available at: http://www.bibliotekar.ru/mezhdunarodnye-otnosheniya-2/68.htm
6. *Mukhammad Amin Madzhumder. Rossiyskaya migratsiya* [Russian Migration]. Available at: http://rusmigracia.ru/node/313
7. *Putin: na puti k garmonii v mezhnatsional'nykh otnosheniyakh* [V. Putin: on the way to harmony in inter-ethnic relations]. Available at: http://www.km.ru/v-rossii/2012/08/24/vladimir-putin/putin-na-puti-k-garmonii-v-mezhnatsionalnykh-otnosheniyakh
8. R o m a n o v A. *Migranty snova dokazali, chto plevat' im na rossiyskie zakony* [Migrants proved once again that they don't care about the laws of the Russian Federation]. Available at: http://www.km.ru/v-rossii/2012/12/11/migratsionnaya-politika-v-rossii/699363-migranty-snova-dokazali-chto-im-plevat-n
9. T r y k a n o v a S. A Mezhdistsiplinarnyy podkhod kak instrument preodoleniya krizisa v opredelenii effektivnoy modeli integratsii migrantov [Interdisciplinary approach as a tool to overcome the crisis in determining an effective model of integration of migrants]. *Migratsionnoe pravo* [*Migration policy*]. 2012. № 1. P. 54.

Поступила в редакцию 07.09.2012

Февраль, № 1 **Рецензии** **2013**

УДК 39

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИННИК
доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-экономических дисциплин, Карельская государственная педагогическая академия (Петрозаводск, Российская Федерация)
YuLinnik@yandex.ru

Рец. на кн.: **Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. 413 с.**

Книга К. К. Логинова двупланова: она воссоздает образ края в полноте его могучей самореализации и вместе с тем раскрывает ход летальной болезни, погубившей северную лепоту. И панегирик, и некролог.

Вместе с автором мы бредем среди осколков и дивимся его дару: чудом уцелевший фрагмент он умеет облекать аурой целого. Вся его книга – я бы так сказал – голографична: опустошенное Водлозерье мы видим выпукло и подробно как будто в период расцвета. Вот оно – живое и самодостаточное; поющее былины и слушающее сказки; добывающее свой трудный хлеб и шьющее свои совершенные лодки. Всмотримся в водлозерскую зыбку. Как она похожа на маленький гроб! Символ, вырезанный снаружи, отсылает нас к погосту – дерево на треугольном основании означает могилу. К. К. Логинов пишет: «Все это вместе взятое имеет отношение к идее возрождения Христа и защитной магии» (С. 74). Думается, тут можно взять шире: зыбка воплощает архетип вечного возвращения, лежащий в основе средиземноморских религий – они предвозвещают христианство. Именно он организует и обрядовое оформление аграрного цикла. Водлозерье аукается с Элевсином. Уже возле *зыбки* мы можем ощутить предельную знаковую насыщенность водлозерского пространства. Конечно же, это его главная особенность – тут что ни вещь, то символ, имеющий дополнительные, подчас абсолютно неожиданные для нас смыслы. *Жердь*, на которой качается *зыбка*: оказывается, это путь, по которому еще невоплощенные души будут нисходить вниз. Стены избы раздвигаются в бесконечность. Дольнее прямо и непосредственно связуется с горним. И что мы чувствуем? Жизнь предстает невероятно значительной, в ней высвечиваются скрытые перспективы. Ее нельзя пускать в распыл. Принятая с благодарностью, она должна быть прожита достойно – по установлениям пращуров. Двоение смыслового пространства – теснейшая сопряженность мира и иномира – непрерывный диалог видимого и невидимого: эту специфику Водлозерья мы благодаря таланту исследователя переживаем с невероятной доподлинностью. Все вокруг – *текст*. Мир подвергся тотальной семиотизации. Каждый предмет, помимо своего прямого функционального смысла, говорит о чем-то другом. Куда ни посмотри – всюду *билингвы*: явления общаются с нами на двух языках – обыденном и потаенном. Владению сответствующим кодом учат с детства. Что такое водлозерский космос? Это система нетривиальных взаимоподобий! Именно поэтому *симпатическая магия* играет едва ли не главную роль в мироощущении водлозёров. Она предопределяет многие поведенческие императивы. Это прекрасно показано автором монографии. «Не ужинай с детьми в потемках – могут ненароком утянуть лишний кусок. Все должно быть на свету». Так принимаются превентивные меры против воровства. «Следи за тем, чтобы ребенок не обежал вокруг стола, на котором находится пища» – предотвращается полное застолье: не надо лишних ртов – ресурсы семьи ограничены. «Хочешь зачать мальчика? Положи под кровать пилу или топор. Чаешь рождения девочки? Помести туда же веретено». Для водлозёров подобные корреляции были более чем реальными. Никто еще не опроверг того тезиса, что мысль или эмоция могут напечатлеваться на предметах, придавая им новые и энергетические, и информационные возможности.

Что такое вочеловечивание мира? Думается, что это не только набор метафор, а еще и формы вполне вероятной, но пока гипотетической диффузии психического и материального – народная магия могла уже давно открыть то, что рациональное знание лишь начинает смутно предчувствовать. Вместо врага поражаешь его образ? Это действие бессмысленно в обычном физическом пространстве. Но ведь манипуляции совершаются в пространстве особом – знаковом, ритуальном. Мы ничего не знаем о его законах. Случайно ли маги из поколения в поколение повторяют свои волхвования? Безрезультатность давно привела бы к элиминации их практики.

Нас особо заинтересовали случаи *симпатической магии*, основанные на омонимии, – скрепой между разнородными явлениями становится слово. «Снится *сор* – жди *ссоры*». Это общерусский пример. А вот сугубо местное: «приблазнился *Охтомостров* – будешь *охать*». *Симпатическая магия* интересно задействована в процессах *гадания*. Вытащенное наугад полено оказалось *шадровитым*? Значит, и суженый будет красивым. Более того: внимательно вглядываясь в чурку, ты можешь получить и другую

© Линник Ю. В., 2013

информацию, скажем, о комплекции будущего супруга. Не на основе ли такого *креативного вглядыванья* в дерево некогда рождались выразительные идолы? Мы не случайно так подробно остановились на *симпатической магии*. Благодаря ей в мире водлозёров минимизировано *отчуждение* – вещи роднятся друг с другом и с человеком, обнаруживают готовность к взаимопревращениям. Но в этом мире есть напряжения – есть *конфликты*. О них сказано много нового и интересного. Однако этот многоуровневый мир устроен так, что он спонтанно – в силу родства всего со всем – стремится к восстановлению нарушенного равновесия. Раны в нем быстро регенерируют. Преходящие нелады всегда отступают перед вечным ладом. И провокативную, и буферную роль в конфликтах могут играть скрытые измерения. Космология сегодня много говорит о неизвестных формах материи – *темной*, *зеркальной*. Может, из этой материи созданы лешие, домовые, водяные? Реальность персонажей так называемой *низшей мифологии* для водлозёров абсолютна и безусловна. *Обменёныш*: так назывался ребенок, родившийся от соития женщины и нездешнего существа. Между разными мирами осуществляется *обмен* – не редки *подмена*, *подлог* – допустима взаимозаменимость. Это ли не свидетельство их глубокой инвариантности? Уж коли Эрот соединяет мир и иномир, то в пределах земной природы он тем смелее нарушает границы – брачует людей и животных. К. К. Логинов свидетельствует: «Рассказы о рождении ребенка в результате полового контакта женщины с медведем тоже многократно записывались исследователями» (С. 266).

Сила мифогенеза не иссякла на Водлозере. Причем сохраняется главное, открытое в мифе А. Ф. Лосевым: он воспринимается и переживается как *явь*, даже *сверхъявь*. Мы вправе говорить о наивности водлозерской души. Или о ее детскости. Это бесценное качество. Без него улетучивается творческий потенциал этноса. Закономерно, что в жизненном цикле Водлозерья детство занимает особое место – через эту фазу не стараются прогнать дитя как можно быстрее. Скорее наоборот: детство культивируют – признают его своеобычную харизму. На Водлозере и ныне дает знать о себе поверье, что дети до семи лет, пока не зарастет родничок на темени, вхожи в иномир – могут приносить оттуда важные сведения. Прекрасны заговоры, призванные усыпить ребенка: «З*аря утренняя Дарья, заря вечерняя Марья, заберите у младенчика бессонье*». Ребенок взрослеет. Если это девочка, то о ее переходе в новый возраст скажут *краски* – следы первых регул на одежде. Знаковым закреплением этого момента станет надевание «рубашки с узкой полосой вышивки красным по белому по краю подола» (С. 153). Угловатая отроковица превращается в очаровательную *славутницу*.

Чистым и возвышенным был предбрачный период на Водлозере. Освященные временем нормативы сдерживали порыв юных страстей. Это оборачивалось прочностью и чинностью семейного уклада. Молодежь Водлозерья умела организовать свой досуг. Уютные *посиделки*! Самозабвенные бесёды! Для их проведения обычно арендовалась изба. Девушки намывали избу по воскресным дням. И было у них такое правило: приходить с одним поленом на топку и с одной калиткой для хозяина. Зимними вечерами отлаживалось взаимопонимание – контурно намечались будущие браки. И вот в дом нагрянули сваты: «входили гурьбой, не объясняя толком цели своего приезда, закидывали свои рукавицы на воронец большим пальцем вверх (“на удачу”), проходили к лавкам и садились под матицей» (С. 216).

В монографии скрупулезно описывается неторопкое, размеренное и привязанное к праздникам движение полновесного, вязкого времени. *Переход за переходом*! Это продуктивное понятие А. ван Геннепа очень хорошо работает у К. К. Логинова. Оно предполагает разделенность цикла на дискретные периоды. Вступление в каждый сопровождается кризисом, чье разрешение облегчается благодаря ритуализации.

И вот последний порог. Умирание человека – прощание с ним – память о нем: все это имело на Водлозерье тщательно проработанное, отшлифованное в веках обрядовое обрамление. Были смерти благодатные и смерти тяжелые. Труднее всех умирали колдуны. Одного из них (по фамилии Колец) хоронили в 1954 году. Покойника везли на Ильинский погост ногами вперед, дабы не запомнил обратной дороги. А в гробу его перевернули лицом вниз. Пока копали могилу, он успел занять в своей домовине нормальное положение – причем лицо его было в крови. Водлозерью был знаком ужас прикасания к наоборотному бытию. Осиновый кол, вогнанный в могилу Колеца, прошел ему промеж лопаток. Вот еще один знак нейтрализации темных сил: зуб бороны-суковатки, вбитый в крышу дома, где жил другой известный колдун, – еще недавно в деревне Келкозеро можно было увидеть этот своеобразнейший апотропей.

Водлозерская конфликтология многоаспектна. Однако до той поры, пока не вторглась цивилизация, остроты в противоречиях не было. (В 1892 году в Канзанаволоке открыли первый кабак. Тотальная пьянка вела к деструкции Водлозерья.) Иерархия на уровне и семьи, и деревни, и волости не являлась жесткой – Водлозерье долго сохраняло дух вечевой новгородской свободы, личность не чувствовала пригнета.

Монография восполнила пробелы в изучении Водлозерья, его образ стал острее, диалектичней. Благодарствуем Константину Кузьмичу Логинову за его впечатляющее воссоздание.

Поступила в редакцию 11.09.2012

Февраль, № 1 **Рецензия** **2013**

УДК 94“19/20”

ГЕРМАН ВЛАДИМИРОВИЧ ЧУМАКОВ
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории историко-филологического факультета, Карельская государственная педагогическая академия (Петрозаводск, Российская Федерация)
tschumakov@bk.ru

Рец. на кн.: **Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. – СПб.: Исторический ф-т СПбГУ: Издательство РХГА, 2012. – 200 с.**

Одной из малоисследованных страниц в отечественной исторической литературе является тема создания из граждан Финляндии частей СС («Ваффен-СС») и дальнейшее их использование нацистским руководством в боевых действиях на Восточном фронте против СССР. На протяжении многих послевоенных десятилетий советские историки вынуждены были обходить стороной это событие [3; 35]. И лишь на рубеже XX–XXI веков появилась реальная возможность исследовать это явление. Правда, до последнего времени появлявшиеся в нашей стране работы, в которых затрагивались вопросы участия финских военнослужащих в эсэсовских войсках Германии, носили в основном научно-популярный характер [1; 5]. В исследованиях современных финляндских историков явно прослеживается стремление смягчить, преуменьшить значение самого этого факта в истории Финляндии [4].

В вышедшей в свет монографии профессора В. Н. Барышникова «Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны» на широкой основе российских, финских и германских источников предпринята попытка комплексного исследования причин возникновения эсэсовского движения в Финляндии, истории его формирования и участия в боевых действиях на южном фланге советско-германского фронта (за тысячи километров от территории самой Финляндии) и завершения этого германо-финляндского проекта.

В первой части монографии автор всесторонне исследует исторические условия зарождения эсэсовского движения в Финляндии и отмечает, что «возникновение эсэсовского движения в Финляндии имело достаточно глубокие корни» [2; 9]. Объектом анализа являются военно-политические, культурные и идеологические аспекты германо-финляндского сотрудничества, которое началось в годы Первой мировой войны, когда Финляндия еще входила в состав Российской империи. В итоге своего анализа автор приходит к выводу, что до начала Второй мировой войны Германия с ее все более агрессивной внешней политикой не сумела добиться значительного усиления своего идеологического и культурного влияния на финское население. Нацистские идеи, особенно в сфере расовых отношений, вызывали скорее сдержанную реакцию. Вместе с тем серьезной базой для взаимного сближения в идеологическом плане являлся антикоммунизм и антисоветизм.

Начало Второй мировой войны стало своего рода испытанием на прочность германо-финляндских отношений. Вспыхнувшая 30 ноября 1939 года Советско-финляндская война поставила руководство Финляндии перед необходимостью поиска союзников для противостояния СССР. Германия же в данном конфликте официально заняла позицию нейтралитета. Казалось, это должно было надолго заморозить прогерманские симпатии в финском обществе. Однако по каналам тайной дипломатии руководство германского рейха дало понять финской стороне, что, несмотря на проигрыш в «Зимней» войне, в не столь отдаленной перспективе Германия готова оказать Финляндии помощь в пересмотре ее итогов. В. Н. Барышников считает: «Важной платой за реализацию обещанного плана совместной с Германией борьбы против СССР должны были стать еще и идеологические уступки нацистам, от которых ранее финское руководство уклонялось» [2; 63]. Именно после этих событий и началась реализация идеи организации в Финляндии сугубо нацистского, эсэсовского движения.

Вторая часть монографии посвящена подробному изучению и оценке всех основных этапов практического выполнения планов формирования из граждан Финляндии подразделений войск СС, подчиненных непосредственно нацистскому руководству Германии и лично Адольфу Гитлеру. На основе широкого круга источников и литературы, в основном на финском языке, автор монографии последовательно и во всех подробностях раскрывает ход этого необычного даже для периода Второй мировой войны проекта. Дело в том, что нацистские войска СС в Третьем рейхе формировались исключительно из представителей так называемой «нордической расы» (германцев и родственных им народов). Обойти этот щекотливый вопрос нацисты рассчитывали путем привлечения в войска СС финнов шведского происхождения. В. Н. Барышников считает, что главными причинами такой активности германского руководства являлись, с одной стороны, стремление втянуть Финляндию в готовящуюся широкомасштабную войну против Советского Союза, с другой – найти до-

© Чумаков Г. В., 2013

полнительные людские ресурсы для формирования новых частей и соединений войск СС. Так, в декабре 1940 года было объявлено о создании дивизии войск СС «Викинг» из числа иностранцев, в том числе финнов. Окончательно вопрос о привлечении финских граждан в войска СС на добровольных началах был согласован обеими сторонами к началу марта 1941 года. Уже в апреле на территории Финляндии при активной поддержке финских властей около 50 германских «вербовщиков» развернули бурную деятельность, хотя до начала Великой Отечественной войны ни немцы, ни финны официально не афишировали начатую ими работу. Автор монографии отмечает, что на начальном этапе этой кампании в Финляндии нашлось достаточно большое число «добровольцев», но не все из них соответствовали официальным критериям приема в войска СС. Только за апрель – май 1941 года в СС записались 1566 кандидатов, из которых окончательно были приняты 1226 человек. Для небольшой по численности населения Финляндии это была значительная цифра: «…за короткие сроки на территории суверенного государства гитлеровцы сумели завербовать сотни финнов, целый батальон» [2; 98]. Это породило в нацистских кругах Германии желание расширить эсэсовское движение на территории Финляндии, чему, однако, помешало неоднозначное отношение к этому со стороны либеральной части правящей элиты. Финские волонтеры СС были отправлены в Германию для последующей военной и идеологической подготовки в соответствии с требованиями войск СС.

С первых дней Великой Отечественной финские эсэсовцы в составе дивизии «Викинг» приняли самое активное участие в боевых действиях немецкой группы армий «Юг» на территории Украины. В. Н. Барышников отмечает, что с самого начала продвижение дивизии «Викинг» вглубь Советского Союза было отмечено массовыми кровавыми акциями и репрессиями в отношении мирного населения. Как минимум непосредственными свидетелями, а возможно, и участниками карательных действий были финские эсэсовцы. Но по мере нарастания сопротивления Красной армии к осени 1941 года финские подразделения войск СС начинают нести все более ощутимые потери. За пять первых месяцев войны в рядах финских СС недосчитались уже более 150 бойцов, что стало сказываться на морально-психологическом настрое финских эсэсовцев, а поражение немецкой армии под Москвой похоронило иллюзии о скоротечной победоносной войне.

Летом и осенью 1942 года финские «добровольцы» под командованием немцев с ожесточенными боями смогли дойти до предгорий Северного Кавказа. Ценой этому стали новые сотни погибших и раненых финских солдат. В январе 1943 года под влиянием победы Красной армии под Сталинградом началось мучительное и не менее кровопролитное отступление на Запад. Все понесенные финскими эсэсовцами жертвы оказались напрасными. С начала 1943 года Хельсинки начинает добиваться от немецкой стороны полного возвращения финских волонтеров на родину. В мае 1943 года финские эсэсовцы были отпущены из Германии в Финляндию. На родине их ждал отнюдь не торжественный прием. Со стороны гражданского населения в их адрес раздавались уже негативные высказывания. Сразу после возвращения финский эсэсовский батальон официально не был расформирован, но фактически его личный состав в июле 1943 года был разбросан по отдельным частям финской армии. На этом история эсэсовского движения в Финляндия в годы Второй мировой войны не завершилась. В. Н. Барышников раскрывает еще одну любопытную страницу этой истории – планы германского руководства использовать бывших финских эсэсовцев для проведения государственного переворота в Финляндии с целью не допустить ее выхода из войны в сентябре 1944 года [2; 155–177]. К счастью для Финляндии, эти нацистские расчеты оказались иллюзией.

Подводя итоги своего исследования, В. Н. Барышников отмечает, что эсэсовское движение в Финляндии окончательно рухнуло. Но его непродолжительная история наглядно свидетельствует о серьезной готовности правящих верхов страны не только принести в жертву нацистам своих граждан, но даже и самим в чем-то воспринять их идеологию [2; 178].

Монография В. Н. Барышникова является первым в отечественной историографии серьезным исследованием одной из практически не изученных в нашей стране страниц Великой Отечественной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акунов В. Дивизия СС «Викинг»: История Пятой танковой дивизии войск СС. 1941–1945 гг. М., 2006. 560 с.
2. Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб., 2012. 200 с.
3. Барышников Н. И., Барышников В. Н. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. 336 с.
4. Йокипии М. Финляндия на пути к войне. Петрозаводск: Карелия, 1999. 370 с.

Поступила в редакцию 23.01.2013

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Обращаем ваше внимание на то, что в связи с включением журнала в международные реферативные базы данных (БД) меняются требования к оформлению статей с 1 января 2013 года (см. на сайте: uchzap.petrsu.ru). Изменения касаются прежде всего аннотации и списка литературы.

Аннотация (объем от 120 до 250 слов) является кратким резюме большей по объему работы. Аннотация может публиковаться самостоятельно и, следовательно, должна быть понятной без обращения к самой публикации. Она является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал. Структура аннотации должна повторять структуру статьи и включать введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение (выводы). Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних фраз (например, «автор статьи рассматривает...»), не включать несущественные детали, применять значимые слова из текста статьи. Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций. Аннотация предназначается для компетентной аудитории, включая международную, поэтому можно использовать техническую (специальную) терминологию дисциплины. Текст аннотации должен быть связным с использованием слов «следовательно», «более того», «например», «в результате» и т. д. («consequently», «moreover», «for example», «the benefits of this study», «as a result» etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать один из другого. Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т. е. “The study tested”, но не “It was tested in this study”. Аннотация на английском языке должна быть безошибочной.

Список литературы должен быть представлен на отдельных листах в 2 вариантах:

1) на русском языке в соответствии с ГОСТ 7.1-2003. Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы (от и до или общее количество)) приводится в алфавитном порядке, сначала отечественные, затем зарубежные авторы;

2) список литературы должен быть записан на языке оригинала латинскими буквами (References). Если русскоязычная статья была переведена на английский язык и опубликована в английской версии, то необходимо указывать ссылку из переводного источника. Как правило, библиографические описания российских публикаций составляются в следующей последовательности: авторы (транслитерация), перевод названия статьи на английский язык, название статьи в транслитерированном варианте в квадратных скобках, название источника (транслитерация, курсив), выходные данные с обозначениями на английском языке. Примеры библиографических описаний русскоязычных публикаций смотрите на сайте журнала: **uchzap.petrsu.ru**

Просим обратить внимание на то, что законодательные акты, постановления, архивные и исторические источники оформлять в виде Примечаний, так как эти работы не авторские и не будут связаны с публикацией в БД.

На сайте http://www.translit.ru/ можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу. Выбрав вариант системы **Board of Geographic Names (BGN)**, мы получаем изображение всех буквенных соответствий.

Таблицы нумеруются, снабжаются заголовком, предоставляются в текстовом редакторе Microsoft Word. **Иллюстрации** (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и предоставляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .bmp). В бумажной версии на обороте каждой иллюстрации ставится номер и пометка «верх», «низ». В тексте статьи указывается место рисунка. Таблиц и иллюстраций не должно быть более 5.

Правила предоставления иллюстраций. Растровые форматы: рисунки и фотографии должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, градации серого. Векторные форматы: рисунки должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial.

Графики и диаграммы должны быть созданы в табличном процессоре Exel и присылаться вместе с исходными численными данными в одном файле с расширением xls.

CONTENTS

HISTORY

Kamenev E. V.
CONCEPT OF HONOR IN PERCEPTION OF RUSSIAN OFFICERS DURING NAPOLEONIC WARS' PERIOD. 7

Korablev N. A.
EVOLUTION OF ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL SYSTEM OF KARELIA IN XVIII – BEGINING OF XX CENTURY. 12

Kotov P. P.
TSAR'S FAMILY PEASANTS IN EUROPEAN NORTH OF RUSSIA: DISTRIBUTION AND DEMOGRAPHIC PROCESSES 18

Tadina N. A., Yabyshtaev T. S.
"TURK IN LANGUAGE, FINNO-UGRIC PEOPLE IN APPEARANCE": ON ETHNO-CULTURAL DISCOURSE OF NORTHERN ALTAIANS IN ALTAI REPUBLIC. 23

Bol'shakova A. V.
FEMALE PROPERTY RIGHTS IN TRADITIONAL VEPSIAN SOCIETY 28

PEDAGOGICS

Radul O. S.
BROTHERHOOD AND SISTERHOOD AS FORMS OF COMMUNITY UPBRINGING OF EASTERN SLAVS IN VI–XIII CENTURIES. 32

Shiyan N. V., Lukoyanova L. V.
SOME ASPECTS OF IMPROVING SCIENTIFIC LEVEL OF EDUCATIONAL PROCESS 37

PHILOLOGY

Sharandin A. L.
PARTS OF SPEECH DYNAMIC THEORY AS REPRESENTATION OF INTERACTION OF THINKING, LANGUAGE, AND COMMUNICATION 42

Koshkarova N. N.
INTERCULTURAL POLITICAL INTERVIEW: MEANS OF "EAST – WEST" DICHOTOMY'S EXPLICATION 46

Kuleva A. S.
USE OF CLIPPED ADJECTIVES IN MODERN RUSSIAN GRAMMAR. 50

Kunil'skiy D. A.
IMAGE-BEARING EXPRESSIONS OF SLAVOPHILES IN DOSTOEVSKY'S WORKS. 54

Fadeeva T. M.
FUNCTIONING SPECIFICS OF EPITHETS IN M. YU. LERMONTOV'S LITERARY WORKS. 59

Sharapenkova N. G.
ANDREI BELY'S NOVEL "MOSCOW" AND GOETHE'S DRAMA "FAUST" IN CONTEXT OF R. STEINER'S ANTHROPOSOPHY 63

Shilova N. L.
MOTIF OF «TRANSPARENT DREAM» IN VISIONARY LITERATURE 68

Alikova E. A.
"DIALOGUE WITH A READER" REPRESENTATION IN RUSSIAN FEMALE POETRY: END OF XVIII – BEGINNING OF XIX CENTURY. 74

PHILOSOPHY

Nikolaeva E. M., Nikolaev M. S.
PERSONALITY SOCIAL DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF COMMODIFICATION: INFLATION OF SOCIAL REALITY 78

ECONOMICS

Maevskiy V. I., Malkov S. Yu.
BASIC PRINCIPLES OF NEW REPRODUCTION THEORY 83

Aleksandrov Yu. I., Kirdina S. G.
COEVOLUTION OF MENTAL MODELS AND INSTITUTIONS. 87

Druzhinin P. V.
IMPACT OF CLIMATE CHANGE ON KARELIAN AGRICULTURE OF KARELIA 94

Kashina N. V.
INSTITUTIONAL MATRIX AND HUMAN CAPITAL CREATED IN MATRIX FORM. 99

Seliverstova I. N.
STATE PRICE REGULATION OF RUSSIAN POWER INDUSTRY 103

LEGAL STUDIES

Mikailov S. M.
REFORMATION OF RUSSIAN STATEHOOD AND ITS INFLUENCE ON PRIVATE SECURITY SERVICE STATUS DEVELOPMENT IN NATIONAL SECURITY SYSTEM. 107

Olenina T. Yu.
ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF FOREST USE AND FOREST PROTECTION IN RUSSIA. 112

Peretyat'ko I. V.
NEW TENDENCIES IN CONCEPT OF MIGRATION POLITICS IN CONTEMPORARY RUSSIAN LAW 115

Reviews

Linnik Yu. V.
The book review: Loginov K. K. Traditional life cycle of Russians from Vedlozero: ceremonies, traditions and conflicts. 119

Chumakov G. V.
The book review: Baryshnikov V. N. Finns as recruits of the Armed SS during the Second World War . . 121

INFO FOR THE AUTHORS 123